

АВС

Л.А. Козлова

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ТИПОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

АБВ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

Л.А. Козлова

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ**

Учебное пособие

Барнаул
ФГБОУ ВО «АлтГПУ»
2019

УДК 811.111(091)(075)+811.161.1(091)(075)
ББК 81.432.1-03я73+81.411.2-03я73
К592

Козлова, Л.А.

Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие / Л.А. Козлова. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 180 с.
ISBN 978-5-88210-935-5

Научный редактор:

Колесов И.Ю., *доктор филологических наук, доцент (Алтайский государственный педагогический университет)*

Рецензенты:

Боева-Омелечко Н.Б., *доктор филологических наук, профессор (Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета);*

Пушина Н.И., *доктор филологических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)*

Учебное пособие представляет собой попытку провести сопоставительный анализ английского и русского языков на основе интеграции структурного, функционального и когнитивного подходов к анализу языковых фактов. С учетом того, что когнитивная лингвистика всегда культурно обусловлена, большое внимание в изложении материала уделяется роли этнокультурного фактора в языке и его учете в сопоставительном анализе языков.

Учебное пособие адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и магистрантам филологических специальностей, занимающимся проблемами в области функциональной лингвистики, сравнительной типологии, контрастивной лингвистики, перевода и методики преподавания английского языка.

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом АлтГПУ 25.10.2018 г.

ISBN 978-5-88210-935-5

© Алтайский государственный
педагогический университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ.....	8
1.1. Объект, предмет и задачи сравнительной типологии.....	8
1.2. Из истории типологических исследований.....	10
1.3. Место сравнительной типологии среди смежных областей языкознания: сравнительно-исторической и ареальной лингвистики. Сотрудничество сравнительной типологии с другими гуманитарными науками.....	14
1.4. Виды, направления и методы типологических исследований.....	18
1.5. Аппликативный потенциал сравнительной типологии. Значимость сравнительной типологии для методики преподавания иностранных языков и перевода.....	24
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ.....	28
2.1. Понятие языкового типа, языковой универсалии и языковой уникалии.....	28
2.2. Структурно-типологическая классификация языков.....	31
2.3. Отражение культурно-специфического в типологических особенностях языков.....	35
2.4. Типологические особенности английского языка в сопоставлении с русским языком.....	42
ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	48
3.1. Общая характеристика фонетического строя английского и русского языков.....	48

3.2. Сопоставительный анализ гласных фонем английского и русского языков.....	49
3.3. Сопоставительный анализ системы согласных в английском и русском языках.....	51
3.4. Сопоставительный анализ ударения и интонации в английском и русском языках.....	53
ГЛАВА 4. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	58
4.1. Функция лексикона в языке. Лексема как основная единица лексического уровня языка. Основные способы пополнения словарного состава языка.....	58
4.2. Сопоставительный анализ словообразовательных систем английского и русского языков.....	62
4.3. Сопоставительный анализ семантики слов в английском и русском языках.....	67
4.4. Отражение культурно-специфического в лексиконе языка.....	69
ГЛАВА 5. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	76
5.1. Сопоставительный анализ частеречного состава английского и русского языков. Роль этнокультурного фактора в типологических особенностях частей речи.....	76
5.2. Сопоставительный анализ существительного и его грамматических категорий в английском и русском языках.....	87
5.3. Сопоставительный анализ глагола и его грамматических категорий в английском и русском языках.....	102
5.4. Сопоставительный анализ прилагательных и наречий в английском и русском языках.....	122

ГЛАВА 6. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	127
6.1. Синтаксис и его основные единицы.....	127
6.2. Сопоставительный анализ членов предложения в английском и русском языках.....	128
6.3. Сопоставительный анализ синтаксиса словосочетания в английском и русском языках.....	133
6.4. Сопоставительный анализ предложения и его категорий в английском и русском языках.....	135
6.5. Сопоставительный анализ структурного, семантического и коммуникативного аспектов предложения в английском и русском языках.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	162

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени выхода в свет учебного пособия «Сравнительная типология английского и русского языков», автором которого был выдающийся российский лингвист и знаток многих языков мира Владимир Дмитриевич Аракин, прошло почти 40 лет. За это время лингвистика претерпела кардинальные изменения, перейдя от системоцентрической к антропоцентрической парадигме, лежащей в основании когнитивно-коммуникативной парадигмы, являющейся сегодня ведущей научной парадигмой. Изменения, происходящие в лингвистике, не могли не сказаться на типологических исследованиях, которые сегодня становятся все более и более когнитивно ориентированными. Как отмечал А. Е. Кибрик, основное отличие когнитивно ориентированной типологии от классической типологии состоит в том, что она ставит своей задачей не классификацию языковых типов, а поиск глубинных причин межъязыкового варьирования [Кибрик, 2005, с. 44].

История лингвистики показывает, что становление новой парадигмы может проходить как путем отрицания предшествующей парадигмы, так и на основе принципа преемственности и учета того, что было накоплено в рамках предшествующей парадигмы. Подчеркивая важность данного принципа в развитии лингвистической науки, В. В. Налимов пишет следующее: «Точные и естественные науки, развиваясь во времени, растут как деревья: одни их ветви засыхают и опадают, другие разрастаются и, по мере того, как дерево растет, его нижние части врастают в землю – уходят в область истории. Языкознание развивается не так – это мозаика ярких цветов на обширном лугу, и этот луг оказывается волшебным: после появления новых цветов старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести» [Налимов, 1974, с. 29]. Эту же мысль подчеркивает В. З. Демьянков, говоря о том, что «в науке нередок тот случай, когда в новой концепции слышны отголоски когда-то звучавших положений и проблем» [Демьянков, 1994, с. 17]. Анализируя сущность структурного, функционального и когнитивного подходов к языку и отмечая ограничения каждого из них, Р. Лэнекер подчеркивает необходимость их сотрудничества при изучении языка, поскольку язык – это такой феномен, в котором сходятся все эти подходы (*“it is the place where all the domains come together”*) [Langacker, 1999, p. 18].

С учетом принципа преемственности в развитии лингвистической науки мы пытались последовательно осуществлять такой интегративный

подход. При проведении сопоставительного анализа языковых фактов английского и русского языков мы проводим его как на уровне систем сопоставляемых языков, так и в аспекте функционирования этих систем.

Другим важным фактором, оказавшим значительное влияние на типологические исследования, является признание того, что когнития является культурно обусловленной, а потому многие вопросы, связанные с расхождениями между языками, не могут получить адекватного объяснения без обращения к фактам, связанным со спецификой мировосприятия, особенностями менталитета, национального характера, культурных ценностей и социального строя того или иного лингвокультурного сообщества. Сегодня лингвисты, работающие в области сравнительной типологии, говоря о типологических сходствах и различиях сопоставляемых языков, стремятся не только констатировать наличие этих различий, но и объяснить их причины с учетом культурологических и этнолингвистических факторов, которые нашли свое отражение в типологических свойствах сопоставляемых языков. Поэтому при описании типологических различий мы также рассматриваем их с учетом того конкретного культурно-исторического контекста, в котором проходило становление и развитие сопоставляемых языков, что способствует, на наш взгляд, повышению экспланаторного потенциала типологических исследований.

Выражаю благодарность моим студентам и коллегам, проявившим большой интерес к данному курсу. С благодарностью и теплотой вспоминаю Ю. В. Шаламова, с которым нас долгие годы связывала негромкая, но прочная дружба и интерес к науке о языке. Я благодарю доктора филологических наук И. Ю. Колесова за согласие быть научным редактором этой книги. Особые слова благодарности адресую рецензентам – доктору филологических наук, профессору Н. Б. Боевой-Омелечко и доктору филологических наук, профессору Н. И. Пушиной за прочтение рукописи и конструктивные замечания, которые были учтены при подготовке пособия к печати.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ

*Исключительно благодаря типологии
языкознание возвышается до самой общей точки зрения
и превращается в науку.
Л. Ельмслев*

1.1. Объект, предмет и задачи сравнительной типологии

По подсчетам антропологов и лингвистов, сегодня в мире существует не менее 4,5–6 тысяч языков. Причина такого разнообразия кроется не в языковых способностях людей (языковая способность едина для всех людей), не отражает каких-либо биологических различий между разными нациями и этносами, а связана скорее с разнообразием географических, климатических, исторических, социально-политических и других условий, в которых формировалось мировидение той или иной нации, что нашло отражение в менталитете нации, ее культурных ценностях и в ее языке. Реакция разных людей на такое разнообразие языков различна. Одни испытывают неудовольствие по этому поводу, считая данный факт преградой для общения и взаимопонимания, другие, напротив, испытывают любопытство и желание сравнить другие языки со своим родным языком и увидеть что-то новое, иное в этом другом языке или, напротив, обнаружить элементы сходства. А поскольку любопытство служит стимулом для любого исследования, в том числе научного, приводящего, в конечном счете, к приобретению новых знаний, это приводит к сравнению языков и научному осмыслению результатов этого сравнения.

Сравнение, или сопоставление, является одним из основных методов исследования в области не только языкознания, но и многих других наук, потому что сравнение является одной из основных ментальных операций, лежащих в основе приобретения новых знаний. Мы познаем новое, опираясь на старое, сопоставляя его с уже известным, выделяя в них общее и различное.

Существует значительное число научных дисциплин или направлений, содержащих атрибут «сравнительный», «сопоставительный», «контрастивный»: сравнительная педагогика, сравнительная психология, сопоставительная прагматика и даже контрастивная лингвистическая

эстетика и контрастивная лингвистическая психология (см., например, [Демьянков, 2013, с. 35, 42]).

Говоря о важности сопоставительного анализа, Ю. С. Степанов проводит параллель с человеком, переехавшим в другую страну, где он непременно становится обладателем ценной информации о своей стране, поскольку имеет возможность посмотреть на родной язык и родную культуру извне, глазами стороннего наблюдателя и сравнить языки и культуры. Нечто подобное имеет место и при сопоставительных исследованиях: сопоставляя иностранный язык с родным, мы имеем возможность пересечь границы родного языка и, находясь «на территории» другого языка, посмотреть на родной язык извне, что способствует более глубокому пониманию системы родного языка [Степанов, 1998, с. 42, 43]. С другой стороны, систематическое сопоставление фактов родного языка с иностранным помогает выявить как сходство, так и различие отдельных элементов, и, в конечном счете, составить более полное представление о системах родного и иностранного языков в целом. Именно эти вопросы находятся в центре внимания сравнительной типологии.

Сравнительная типология – это раздел языкознания, изучающий тот или иной язык в сопоставлении с другим языком или другими языками с целью установления сходств и различий между ними и выявления их типологических особенностей.

Объектом сравнительной типологии являются два и более языка, а ее **предметом** – типологическое сходство и различие между ними.

Основная цель сравнительной типологии – выявление всеобщего, общего и специфического в сравниваемых языках и объяснение причин как языковой общности, так и языкового варьирования. Эта общая цель может быть конкретизирована в виде следующих задач:

- Установление общих закономерностей и фактов, свойственных разным языкам, выявление языковых универсалий и средств их репрезентации в конкретных языках. Такой подход позволяет отличить универсальное от идиоэтнического, глубже постичь устройство не какого-то конкретного языка, а человеческого языка в целом (language), общие закономерности речемыслительной деятельности человека, и на этой основе выявить общность в концептуальной и языковой картинах мира.

- Изучение конкретных особенностей отдельных языков и установление типологически значимых элементов общности между сравниваемыми языками, что позволяет опираться на принцип трансференции (положительного переноса) при изучении языков.

- Изучение конкретных особенностей обоих языков и установление типологически релевантных различий между ними. Сопоставление иногда позволяет обнаружить некоторые особенности как родного, как и иностранного языка, ускользающие при их «внутреннем изучении», т. е. без их типологического сравнения. Знание различий необходимо для преодоления интерференции (отрицательного переноса).

Типология носит двоякий характер: описательный и сравнительный. Можно выделить следующие **этапы типологического исследования**:

- установление типологических черт;
- классификация языков по этим чертам;
- характеристика конкретного языка по этим чертам в его сопоставлении с одним или более языками с целью выявления типологических сходств и различий.

1.2. Из истории типологических исследований

Сопоставление языков столь же древне, как и само изучение языков. Их сравнение, возможно, началось сразу же после вавилонского смешения, когда, согласно библейскому мифу, на смену единому языку пришло языковое многообразие. Сравнительная типология как самостоятельная область исследования складывалась постепенно на протяжении длительного времени. В ее становлении можно выделить несколько этапов, или стадий. Сравнение языков как метод изучения и описания присутствовало всегда. Любые грамматики изучаемого второго языка как и грамматики родного языка, также писались на основе сравнения, осознанного или неосознанного, с другим, уже описанным, языком, как правило, более престижным. Л. Л. Нелюбин называет это фактором типологической имитации, под которой понимается «использование методов или моделей одного языка при описании системы другого» [Нелюбин, 2012, с. 15]. Исследователи считают, что грамматика Панини уже содержала, хотя и латентно, элементы сопоставления санскрита с разговорными праkritами. Первые грамматики латинского языка были составлены на основе древнегреческих грамматик, многие грамматики европейских языков составлялись на основе латыни как наиболее престижного языка. Грамматики тибетского языка писались на основе грамматики Панини. Отрицательным последствием такого описания на основе языка, который брался за эталон, стала тенденция переносить некоторые явления, присутствующие в языке-эталоне, на грамматику изучаемого языка и пытаться подвести под этот эталон явления, имеющие иную природу. В качестве примера можно привести попытки

выделить в современном английском языке те же формы падежей, которые существовали в латинском языке, что приводило к выделению т. н. предложных падежей (*Prepositional cases*) и позиционных падежей (*Positional cases*).

По мере развития лингвистической науки и в связи с необходимостью изучения и научного описания языков мира, в том числе малоизвестных и бесписьменных языков народов Земли, а также в связи с развитием теории и практики перевода, началось становление сопоставительных исследований как отдельного лингвистического направления. Так, уже «Всеобщая рациональная грамматика» («Грамматика Пор-Рояль») А. Арно и К. Лансло, написанная в XVI веке, содержит элементы сопоставительного анализа французского, латинского, греческого, и древнееврейского языков.

Как особый раздел науки о языке, сравнительная типология стала формироваться в XIX веке в связи с активным развитием торговли и международных связей и с необходимостью изучения новых языков, в том числе неродственных (родственные языки уже изучались в рамках сравнительно-исторического языкознания, занимавшегося вопросами происхождения языков от единого корня (праязыка) и генетической классификации языков). По мнению Л. Кортвелиесси (Livia Körtvélyessi), термин «типология» был предложен Г. фон Габеленцем, который писал: *“If one had to baptize a not yet born child, I would choose the name **typology**. I see here a task for general linguistics, whose solution can already be tempted with the means we have now at our disposal”* [Körtvélyessi, 2017, p. 20].

Первый опыт типологической классификации языков принадлежит немецкому ученому Фридриху Шлегелю, который на основе сопоставления морфологических показателей выделил два типа языков: **аффиксальные** и **флективные** (1809 г.). Его брат Август Шлегель продолжил разработку морфологической классификации языков и выделил третий тип: **языки без морфологических показателей** (в сегодняшней терминологии **изолирующие языки**), к которым относится китайский и другие языки Индокитая. Ему же принадлежит идея о разделении языков на **синтетические** и **аналитические**. Более подробная морфологическая классификация языков, не утратившая своей значимости и сегодня, принадлежит В. фон Гумбольдту, который на основе анализа большого корпуса языков выделил уже четыре типа языков: **флективные**, **агглютинативные**, **изолирующие** и **инкорпорирующие**. Более подробно на характеристике этих типов мы остановимся в следующей главе, а здесь отметим лишь, что несомненной заслугой В. фон Гумбольдта является идея о языке как

форме проявления мировидения нации, которая не потеряла своей актуальности, а, напротив, оказалась востребованной в сегодняшней когнитивной парадигме лингвистики с ее интересом к вопросам взаимосвязи языка и сознания.

Значительный вклад в развитие типологических исследований внесли труды Э. Сепира, который предложил новую типологическую классификацию языков, используя не один, а три типологических критерия: техника объединения морфем, степень синтеза и характер грамматических процессов, что позволило ему разработать более подробную классификацию. Другой американский исследователь Дж. Гринберг внес вклад в разработку проблемы универсалий, предложив использовать количественный принцип в определении типа языка. Не менее важными в теоретическом плане являются его выводы о том, что все языки политипологичны, т. е. совмещают в себе признаки различных типов, а также о необходимости уделять внимание в типологических исследованиях не только структуре, но также семантике и функционированию языковых единиц [Гринберг, 2004].

Самостоятельное, несколько отличное от других, направление сопоставительных исследований развивалось в рамках Пражской школы, представители которой ставили своей основной целью выявление характерных особенностей отдельно взятого языка на основе сопоставления его с другими. Таким образом, сопоставительный анализ в их концепции является скорее средством, а основной целью в рамках развиваемого ими направления является обнаружение специфических, или характерологических, свойств одного языка, что нашло отражение и в особой номинации данного направления, которое они назвали характерологией. Значительный вклад в разработку данного направления внесли В. Матезиус [Матезиус, 1989] и В. Скаличка [Скаличка, 1963, 1966].

В отечественном языкознании начало типологическим исследованиям было положено в конце XIX века Ф. Ф. Фортунатовым. Он дополнил морфологическую классификацию В. фон Гумбольдта, выделив смешанный тип языков (флективно-агглютинативный), к которому он отнес семитские языки. Большой вклад в разработку проблем типологии внесли труды И. И. Мещанинова, предложившего типологическую классификацию языков на основе синтаксического критерия. В трудах отечественных исследователей XX века разрабатывается широкий круг вопросов как общего, так и специального характера в области сравнительной типологии. Так, проблемы структурной типологии разрабатываются в трудах Б. А. Успенского и Ю. В. Рождественского;

вопросы содержательной (контенсивной) типологии представлены в работах С. Д. Кацнельсона. Представляя свою типологическую концепцию, С. Д. Кацнельсон исходил из того, что на уровне сознания существуют универсальные категории (в когнитивной лингвистике сегодня они трактуются как базовые концепты), которые служат основой единства всех языков и обеспечивают возможность усвоения других языков и осуществления переводов. Эти универсальные категории, находя свою репрезентацию в конкретном языке, могут использовать различные способы этой репрезентации, что обусловлено особенностями грамматического строя конкретного языка. Таким образом, ученый видел задачу типологии в изучении соотношения универсальных и идиоэтнических свойств в грамматическом строе языков [Кацнельсон, 1972].

Проблемами языковых универсалий занимался Б. А. Серебренников [Серебренников, 1972]; общие вопросы контрастивной грамматики разрабатывала В. Н. Ярцева [Ярцева, 1981]. Особая заслуга в создании первых в стране вузовских учебников по сравнительной типологии принадлежит В. Д. Аракину, В. Г. Гаку, А. Л. Зеленецкому и П. Ф. Монахову [Аракин, 1979; Гак, 1989а; Зеленецкий, Монахов, 1983].

Сопоставительные исследования различных языков продолжают активно развиваться и сегодня. Так, современная функциональная лингвистика базируется на типологическом принципе, она представляет собой **типологически** ориентированную лингвистику, которая не строит априорных аксиом о языковой структуре, а занимается изучением конкретных фактов исследуемых языков. Нетрудно заметить, что такой подход диаметрально противоположен идеям Н. Хомского о существовании т. н. универсальной грамматики, о чем заявляет один из крупнейших представителей американской школы функционализма Т. Гивон [Givon, 1995]. Как отмечают А. А. Кибрик и В. А. Плунгян, «даже те функциональные работы, которые имеют дело с каким-то одним языком (будь то английский или какой-либо “экзотический” язык), как правило, содержат типологическую перспективу, т. е. помещают факты рассматриваемого языка в пространство типологических возможностей» [Кибрик, Плунгян, 1997, с. 177, 178]. Издается специальная серия научных трудов “Typological Studies in Language”, в которой публикуются результаты исследований по различным проблемам типологии.

1.3. Место сравнительной типологии среди смежных областей языкознания: сравнительно-исторической и ареальной лингвистики. Сотрудничество сравнительной типологии с другими гуманитарными науками

Как мы уже отмечали, при сравнении языков мы выявляем многочисленные случаи языкового сходства, которые могут носить как случайный, так и неслучайный, закономерный характер. Но даже случаи закономерного сходства могут иметь различную природу. Исследователи различают три типа языкового сходства. Во-первых, это **генетическое сходство**, обусловленное общностью происхождения языков, их генетической близостью. Такова природа сходства между украинским, русским, белорусским и другими славянскими языками. Во-вторых, это **ареальное сходство**, обусловленное либо прямыми контактами между языками, возникающими в процессах взаимодействия культур, либо влиянием третьего языка. Таковы сходства в случаях заимствования, как полного, так и частичного (например, *baby* и *бебу*, *workaholic* и *трудоголик* – заимствован концепт, и по аналогии с английским языком образовано русское слово). В-третьих, это **типологическое сходство**, обусловленное наличием универсалий в генетически неродственных языках, что, в свою очередь, свидетельствует об общности законов мышления и языка у разных народов. Например, форма множественного числа существительных во многих языках обычно длиннее формы единственного числа, в чем находит отражение один из принципов иконизма – принцип иконического количества (*iconic quantity*), т. е. количественный изоморфизм содержания и формы (больше смысла – больше формы) [Ungerer, Schmid, 1996, p. 251]. Принцип иконического количества находит свое проявление не только в грамматике, но и в стилистике. Он лежит в основе таких экспрессивных языковых средств, как аллитерация, корневой и синонимический повтор, параллельные конструкции, которые используются в текстах на различных языках и выполняют аналогичные стилистические функции.

Вот что пишет по поводу разных типов отношений между языками американский лингвист Д. Болинджер: *“Languages can be related in three ways: genetically, culturally and typologically. A genetic relation is one between mother and daughter or between two sisters and two cousins: there is a common ancestor somewhere in the family line. A cultural relationship arises from contacts in the real world at a given time; enough speakers command a second language to adopt some of its features, most often just terms of cultural artifacts but sometimes other features as well. A*

typological relation is one of resemblances regardless of where they came from” [Bolinger, 1975, p. 17].

В соответствии с перечисленными типами языкового сходства различают три взаимосвязанные, но все же достаточно самостоятельные отрасли языкознания, основанные на методе сравнения. Это сравнительно-историческое языкознание (так же называется и основной метод исследования), ареальная лингвистика и сравнительная типология, различающиеся как объектом, предметом и целями исследования, так и подходами и методами исследования.

Объектом **сравнительно-исторического языкознания** являются родственные языки (как близко-, так и отдаленно-родственные), а предметом – их генетическая близость. Основной целью сравнительно-исторических исследований является установление степени родства языков, что позволило бы реконструировать язык-основу, или праязык, от которого произошли все исследуемые языки и выявить законы, по которым происходило это развитие. Объектом анализа служат единицы всех языковых уровней: звуки, слова, грамматические формы, синтаксические конструкции и тексты. Поскольку эта отрасль языкознания существует уже на протяжении нескольких веков, исследователями получены серьезные результаты, имеющие большое значение не только для лингвистики, но и для других наук. Основной подход к анализу языков фактов – диахронический.

Ареальная лингвистика изучает не первичное, генетическое, родство языков, а вторичное родство, возникшее вследствие языковых контактов, сложившихся в процессе совместного или близкого проживания (отсюда произошло второе название отрасли – лингвистическая география), и возникшего на этой основе взаимодействия языков и стоящих за ними культур или воздействия на них третьих языков. Объектом исследования в ареальной лингвистике являются заимствованные элементы, языковые союзы, диалекты, билингвизм и полилингвизм, а также т. н. креольские языки, или пиджин-языки. Предметом исследования являются факторы, обуславливающие эти явления. Так, например, в т. н. островных говорах немецкого языка существует большое количество слов из русского языка, что обусловлено фактором совместного проживания русских и этнических немцев. В русском языке существует большое количество слов из татарского, французского, немецкого, а сегодня – английского языков, что обусловлено различными историческими событиями и сегодняшней мировой реальностью. Так, например, в поэтическом языке А. С. Пушкина исследователи находят конструкции, которые появились в русском

языке под влиянием французского. Сегодня, под мощным давлением английского языка, в русский язык заимствуется не только огромное количество слов, что нередко приводит к таким курьезным гибридам, как *сервисное обслуживание* или *драфт проекта*, но и некоторые синтаксические явления. Так, в метаязыке лингвистики можно встретить такие словосочетания, как «текст-в-тексте отношения» (Ю. М. Лотман) или «как-лингвистика» и «почему-лингвистика» (А. Е. Кибрик), синтаксис которых отвечает нормам английского языка, и использование которых в русском языке, по всей вероятности, можно объяснить компактностью их построения. Ареальная лингвистика обречена на тесное сотрудничество с другими науками, такими, как география, история, антропология, культурология. Нередко исторические факты могут определять судьбу того или иного слова (показателен пример с *frankfurter* и *hotdog* – первое слово было заменено на второе во время второй мировой войны по причинам политической целесообразности).

Сравнительная типология сопоставляет языки, не связанные генетически. Цель такого сравнения, как мы уже отмечали, – выявление элементов сходства и различия, позволяющих отнести их к тому или иному типу и на этой основе создать типологическую классификацию языков. Типологические сходства и различия между языками могут устанавливаться вне зависимости от их происхождения и быть результатом различных отношений между языками. Так, английский язык генетически связан с датским, поскольку оба языка принадлежат к германской группе индоевропейских языков. Он также характеризуется ареальной, или культурно-исторической, связью с языками американских индейцев, что нашло отражение во многих топонимах английского языка. Типологически он близок китайскому языку, поскольку и в том, и в другом языке синтаксису принадлежит большая роль в передаче грамматических значений. Хотя генетические и культурные связи между языками могут находить свое отражение в типологическом сходстве, нередко имеют место случаи, когда языки одной и той же группы претерпевают столь радикальные изменения с течением времени, что их родство можно установить только путем тщательного диахронического анализа. Возможны и прямо противоположные случаи, когда два языка, не связанные генетически, могут обнаруживать значительное сходство, как это имеет место в случае с английским и китайским языками.

В отличие от сравнительно-исторической лингвистики, сравнительная типология использует синхронический подход, хотя может привлекать в необходимых случаях исторические факты. Несмотря на различия в предмете и целях исследования, эти три отрасли языкознания частично

пересекаются между собой, и прежде всего в том, что в их основе лежит принцип сравнения, или сопоставления.

Во второй половине XX века появилось еще одно направление, получившее название **контрастивной лингвистики**, или фронтативной лингвистики. Как отмечает В. Г. Гак, контрастивная лингвистика занимается выявлением сходств и различий в использовании языковых средств разными языками для того, чтобы лучше определить особенности каждого из них, что имеет большое значение как для практики преподавания языка, так и для перевода [Гак, 1989б, с. 9]. Как следует из этих слов, контрастивная лингвистика по сравнению со сравнительной типологией имеет бóльшую практическую направленность. Как подчеркивает Л. Дежё, контрастивная лингвистика выросла из практических задач овладения иностранным языком в связи с научно-техническим прогрессом и необходимостью обмена информацией, а успешному овладению иностранным языком нередко препятствует интерферирующее влияние родного языка [Дежё, 1989, с. 179–186]. Именно поэтому большое место в ней занимают вопросы интерференции и языковых ошибок. А поскольку интерференция представляет собой проблему не только лингвистическую, но и психологическую, некоторые лингвисты считают, что контрастивная лингвистика находится на стыке двух наук – лингвистики и психологии, и потому ее следует относить к психолингвистике [Немзер, 1989, с. 128]. Как следует из самого названия и из содержания исследований, контрастивную лингвистику отличает от сравнительной типологии то, что в фокусе ее внимания находятся больше вопросы различия, а не сходства между языками и их последствия для практики преподавания иностранных языков и перевода (см., например, [Стернин, 2007]).

Сравнительная типология как самостоятельная отрасль лингвистики также характеризуется междисциплинарным характером, поскольку типологическое сопоставление должно опираться на знания из области общей теории языка, фонетики, лексикологии и грамматики исследуемых языков, а также знания из таких направлений, как этнолингвистика и лингвокультурология. Исследования в области типологии также опираются на новые подходы к исследованию языка, на новые научные парадигмы. Ведущей парадигмой современной лингвистической теории сегодня стала когнитивная парадигма, в контексте которой язык изучается в антропоцентрическом ракурсе, с позиций человеческого фактора, а сама лингвистика активно сотрудничает со всеми науками, объектом которых является человек, его история, его культура, его психология и т. д.

Говоря о будущем лингвистики, Э. Сепир сделал поистине пророческое заявление. Он сказал: «Особенно важно подчеркнуть, что лингвисты, которых часто и справедливо обвиняют в неспособности выйти за пределы милых их сердцу моделей основного предмета их исследований, должны осознать, какое значение их наука может иметь для интерпретации человеческого поведения в целом. Хотят они того или нет, им придется все более и более заниматься теми проблемами антропологии, социологии и физиологии, которые вторгаются в область языка» [Сепир, 1993, с. 265].

Мы стали свидетелями этого процесса. Изменения, происходящие в лингвистике, не могли не сказаться на типологических исследованиях. На значимость культурологического фактора в лингвистических исследованиях указывает и В. З. Демьянков, подчеркивая, что «даже сосредоточившись на чисто процедурных аспектах, лингвистам отвлечься от культурной обусловленности человеческой когниции невозможно: предметно исследовать язык и его употребление можно только в рамках конкретных культур» [Демьянков, 2013, с. 33].

Сегодня лингвисты, работающие в области сравнительной типологии, говоря о типологических сходствах и различиях сопоставляемых языков, стремятся не только констатировать их, но и пытаться объяснить их причины с учетом культурологических и этнолингвистических факторов, что способствует повышению экспланаторного потенциала типологических исследований.

1.4. Виды, направления и методы типологических исследований

Типологические исследования различаются по следующим параметрам:

- 1) количество языков, привлекаемых к сопоставлению;
- 2) общий объем сопоставляемого материала;
- 3) цель исследования;
- 4) характер обнаруживаемых сходств и различий;
- 5) уровни анализа;
- 6) направление исследования материала [Гак, 1989, с. 11–19].

Перечисленные параметры определяют виды типологических исследований и их направление. Остановимся на них более подробно. В зависимости от количества сопоставляемых языков различают **универсальную** и **специальную типологии**. Первая охватывает все языки мира, ставя своей задачей установление и выявление языковых универсалий и описание языка вообще (*language*) как языковой

способности человека, т. е. языка внутри нас (*interior language*), выявляя таким образом общие закономерности человеческой когниции. В качестве основы для такого сопоставления выступает т. н. язык-эталон как некий абстрактный исследовательский конструкт, или гипотетически сконструированный язык [Гак, 1989, с. 29]. Специальная типология сопоставляет конкретные языки, чаще всего два, при этом родной язык выступает в качестве базы для сопоставления, а иностранный является профилем.

В зависимости от объема рассматриваемого материала различают **общую и частную типологии**. Общая типология, как следует из самого термина, изучает наиболее общие вопросы языкового строя, например, языковые типы, типологические особенности звукового или грамматического строя; а частная типология – отдельные стороны сопоставляемых языков, например, типологические особенности глагольных категорий в германских языках. Собственно говоря, совокупность частных типологий и образует общую типологию.

В зависимости от цели исследования различают **классификационную и характерологическую типологии**: первая занимается созданием типологической классификации языков, уделяя при этом равное внимание всем языкам, а вторая сфокусирована на выделении характерных особенностей одного языка в сопоставлении с другим (или другими), который служит базой для сопоставления, а конкретный язык – профилем, целью сопоставления. Кроме того, цель исследования в значительной мере определяется и особенностями той научной парадигмы, в рамках которой ведется исследование. Как отмечает А. Е. Кибрик, основной целью классической типологии было выделение языковых типов, что позволяет охарактеризовать ее как таксономическую в своей основе. Когнитивно ориентированная типология является объяснительной в своей основе. Она исходит из того, что использование языка представляет собой один из видов целенаправленной деятельности человека, а пределы языкового варьирования обуславливаются когнитивной способностью человека, что обеспечивает глубинное единство всех языков. Исходя из этого, ее основной целью является сопоставительное изучение языков, направленное не только на выявление языкового варьирования, но и на выявление и объяснение пределов такого варьирования и построение теории, объясняющей универсальные закономерности языкового строя [Кибрик, 2005, с. 43, 44].

В зависимости от характера выявляемых сходств и различий они могут носить **качественный** или **количественный характер**. О

качественных различиях можно говорить в тех случаях, когда какое-либо явление или категория присутствует в одном языке, но отсутствует в другом. Так, например, в английском и немецком языках есть артикль, а в русском его нет. Как известно, артикль является грамматическим средством выражения категории детерминации. Качественный характер расхождений между языками при этом находит свое проявление в том, что категория детерминации имеет качественно разные способы выражения в этих языках: в немецком и английском языках она имеет преимущественно грамматическое выражение при помощи особой части речи (артикля), а в русском языке она имеет качественно иные средства выражения: порядок слов или лексические единицы (*том самый, какой-то, один*). Приведем еще один пример. И в английском, и в русском языках существует грамматическая категория вида, но она имеет качественно разное наполнение, поскольку в ее основу положены разные семантические признаки: наличие/отсутствие внутреннего предела действия в русском языке, на основе которого выделяются совершенный и несовершенный вид, и признак процессуальности/непроцессуальности действия в английском языке, на основе которого противопоставляются формы общего и длительного вида. Именно смысловые различия между формами вида в английском и русском языках делают сопоставление видовых форм мало продуктивным, поскольку в смысловом плане видовые формы русского глагола оказываются ближе к формам *Perfect-Non-Perfect*, образующим категорию временной соотносительности.

Количественные расхождения имеют место в тех случаях, когда в обоих сопоставляемых языках существует определенная категория, однако количество членов, образующих эту категорию, различается. Таков, например, характер различий в сфере грамматической категории наклонения в русском и английском языках. В русском языке существует одна форма сослагательного наклонения, а в английском – четыре формы (*Subjunctive I, Subjunctive II, Conditional Mood* и *Suppositional Mood*). Как качественные, так и количественные расхождения часто являются причиной интерференции.

Известно, что языки можно сопоставлять как на уровне системы, так и на уровне ее функционирования. Соответственно, в зависимости от уровня анализа различают **системный**, или структурный, и **функциональный подходы**. При системном подходе исследователь выявляет и изучает различия на уровне системы, или структуры, языка. Однако для того, чтобы мы могли говорить на иностранном языке с максимальной степенью аутентичности, недостаточно знать слова и грамматические категории, а нужно знать, как эти слова и

грамматические формы употребляются в конкретных контекстах и ситуациях, с учетом коммуникативного кодекса, существующего в конкретном языке. Именно этот факт обуславливает необходимость проводить сопоставительный анализ языков не только на уровне систем языков, но и на уровне функционирования этих систем в различных типах дискурса. При этом обращает на себя внимание тот факт, что типологические данные, полученные при использовании этих двух подходов, могут как дополнять, так и противоречить друг другу. Так, например, сопоставляя модальные слова в английском и русском языках на уровне системы, мы обнаруживаем их количественное расхождение: в английском их число больше, чем в русском. Сопоставляя их в функциональном плане, мы видим, что в английской речи модальные слова употребляются значительно чаще, чем в русской, что обусловлено факторами культурологического характера, в данном случае, принципом вежливости, стремлением избегать ассертивности высказывания, уважением к мнению другого. Таким образом, в случае модальных слов мы имеем возможность наблюдать сходство результатов как на системном, так и на функциональном уровнях. Функциональный анализ, таким образом, подтверждает данные, полученные при системном подходе. Обратимся к примеру иного рода. Сопоставление существительных и глаголов в английском и русском языках на уровне систем показывает, что на уровне системы, т. е. по развитости морфологических показателей, русский язык является более номинативным, чем глагольным, а английский, напротив, более глагольным (у английского глагола семь грамматических категорий, а у существительного – только две). Однако на уровне функционирования русский язык более тяготеет к глагольным способам выражения, а английский – к именным. Так, по данным С. Йохансона и Л. Хофланда, английские существительные характеризуются большей частотностью употребления, чем глагол: на 1 млн словоупотреблений на долю существительных приходится 254 992 случая, а на долю глагола – 179 975 случаев [Johanson, Hoffland, 1989, p. 15], что позволяет характеризовать в функциональном плане русский язык как более глагольный, а английский язык – как более номинативный. Таким образом, в данном случае системные данные и функциональные данные противоречат друг другу, что лишь подчеркивает необходимость использования обоих подходов при проведении типологических исследований.

Говоря об уровнях типологического исследования, следует остановиться еще на одном моменте. Как отмечает В. Г. Гак, языки могут сопоставляться как на уровне системы, так и на уровне нормы

речи, или узуса [Гак, 1979, с. 7], т. е. «языковых привычек» говорящих, обусловленных не столько системными, сколько иными, часто культурологическими факторами. Нарушение таких норм приводит не к языковой ошибке, а к нарушению аутентичности фразы. Здесь также могут наблюдаться расхождения между системой и нормой, или узусом. Так, например, с позиций системного подхода, основным средством выражения побуждения и в русском, и в английском языках является форма повелительного наклонения, т. е. на системном уровне мы можем констатировать сходство. На уровне узуса имеют место значительные расхождения: в русском языке форма повелительного наклонения является наиболее частотной в речи, а в английском языке более частотны косвенные формы выражения побуждения, в частности вопросительные предложения типа “*Would / could you...?*”, что обусловлено не правилами языка, а правилами культуры, т. е. коммуникативными конвенциями, принятыми в англоязычном сообществе. Эти аспекты должны учитываться при функциональном подходе к сопоставляемым языкам, что имеет большое значение для практики преподавания языков.

По направлению исследования материала в типологии различаются семасиологический и ономасиологический подходы. При семасиологическом подходе направление сопоставительного анализа осуществляется от формы к значению и функции: например, сопоставительный анализ временных форм глагола. При ономасиологическом подходе анализ осуществляется в направлении от значения или функции к формам их выражения, например, категория темпоральности и средства ее выражения в русском и английском языках. При этом анализу подвергаются разноуровневые средства передачи общего семантического содержания, которые систематизируются по полевому принципу, с выделением центра, или ядра, и периферии. Такое направление исследования отражает онтологию языка внутри нас, (т. н. *I-language*), где языковые средства объединяются не по уровневому принципу, как при системном подходе, а на основе общности смысла. Подтверждением этой мысли может служить мнение специалистов в области теории информации, которые утверждают, что в памяти человека информация связывается прежде всего по содержанию. Так, специалисты в области теории информации еще полвека тому назад утверждали: «В памяти человека реализован принцип мгновенной выборки необходимой информации из системы хранения. Есть основания полагать, что он тесно связан с принципом размещения, при котором информация связывается по содержанию» [Братко, Кочергин, 1977, с. 123, 124]. Эту же мысль высказывал в свое

время Б. Рассел, говоря о том, что «прежде» является предлогом, а «предшествует» – глаголом, но оба слова означают одно и то же [Рассел, 1999, с. 41], что и служит основанием для объединения подобных единиц на функциональной основе. Подчеркивая необходимость сочетания системного (уровневого) и функционального подходов к изучению языка, В. М. Павлов утверждает, что функционально-семантические связи между разноуровневыми языковыми средствами не в меньшей, если не в большей, мере могут претендовать на статус онтологических реальностей на том основании, что они отражают форму хранения языковых знаний в нашем сознании [Павлов, 1981, с. 70]. Тот факт, что в ономаσιологическом подходе, который лежит в основе теории функционально-семантических полей, находит свое отражение онтология языкового сознания, сближает этот подход с когнитивным, что еще раз указывает на преемственность в развитии лингвистической науки.

Важно помнить при этом, что данные подходы не являются взаимоисключающими, а, напротив, дополняют друг друга. О. Есперсен отмечал, что стройную систему описания грамматики языка можно создать лишь в том случае, если исходить из принципа двустороннего подхода: извне (от формы к функции) и изнутри (от функции к форме) [Есперсен, 1958, с. 39]. Можно полагать, что такой двусторонний подход не менее важен и при проведении сопоставительных исследований.

Что касается методики проведения типологических исследований, то она складывается из комплекса методов и приемов в зависимости от тех факторов и направлений анализа, которые мы рассмотрели выше. Основным методом, в соответствии с целью и задачами курса, является **сопоставительный метод**. Большое значение для проведения типологических исследований имеет метод типологических индексов, представляющий собой разновидность количественного анализа, разработанного Дж. Гринбергом [Гринберг, 1963].

При семасиологическом подходе методика проведения типологических исследований складывается из двух этапов: составление инвентаря языковых средств для сопоставительного анализа и выявление типологической общности и типологических различий между ними, т. е. признаков изоморфизма и признаков алломорфизма. Выделение типов языковых средств для сравнения может осуществляться как на основе дедуктивного подхода, путем логического исчисления, так и на основе индуктивного подхода, путем сравнения фактов конкретных языков. Эти подходы не противоречат, а дополняют друг друга. При ономаσιологическом подходе ведущим является дедуктивный подход, т. е. направление от выделения понятийных категорий, имеющих

универсальный характер, к языковым средствам их выражения в сравниваемых языках. При систематизации этих средств по полевому принципу большое значение имеет количественный анализ. При сопоставительном анализе различных языковых уровней сравниваемых языков используются те же методы, которые существуют в лингвистике и используются для исследования языковых единиц этих уровней: метод оппозиций, дистрибутивный анализ, трансформационный анализ, словообразовательный анализ, компонентный анализ, концептуальный анализ, а также метод переводческих трансформаций.

1.5. Аппликативный потенциал сравнительной типологии. Значимость сравнительной типологии для методики преподавания иностранных языков и перевода

Говоря об аппликативном потенциале сравнительной типологии, следует, прежде всего, отметить ее значимость как для самостоятельного овладения, так и для обучения иностранным языкам. В результате процессов глобализации мир становится все более и более открытым для профессионального и иного общения, что делает знание иностранного языка не только престижным, но все более и более необходимым атрибутом многих профессий. Интересно отметить, что о необходимости изучать иностранные языки говорят не только в тех странах, где английский язык является иностранным, но и в США. Так, выступая на пленарном заседании американского совета по обучению иностранным языкам, У. Хопкинс отметил низкий уровень владения иностранными языками в США и так объяснил необходимость их изучения:

“...a meaningful and lasting exchange may be beyond our capabilities if we cannot communicate with would-be partners in their own language. And if there is no understanding of their language, a comprehension of their culture may be out of the question entirely. We need to be able to participate in a dialogue: talking with, not talking at or down to a representative of other cultures. Can we expect to excel in the 21st century if we remain a monolingual society, an-island nation, at once blessed and yet cursed with linguistic hegemony, a nation that must rely almost exclusively on the outmoded device of linguistic imperialism? If we attempt to do so, we will surely suffer the political and economic consequences – and not just abroad but at home as well” [Hopkins, 1992, p. 148].

Овладение иностранным языком, позволяющее успешно пользоваться им как средством межкультурного общения, вряд ли возможно без умения сопоставлять факты родного и иностранного

языков для того, чтобы как опираться на знания родного языка, так и преодолевать его интерферирующее влияние.

Говоря о значимости курса сравнительной типологии для методики преподавания иностранного языка, отметим, что еще более чем полвека тому назад Л. В. Щерба указал на значимость сопоставительных исследований для методики обучения иностранным языкам. Указывая на место и роль родного языка при обучении иностранному, он писал: «...родной язык является все же нашим врагом при изучении иностранного языка, так как это он заставляет нас делать... бесчисленные ошибки... но мы должны понять, что в школе, на курсах, в вузе мы не должны создавать условий для образования “чистого двуязычия”, и мы должны признать раз навсегда, что родной язык участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. А потому мы должны из врага превратить его в друга... Надо только осознать все те случаи, когда он вводит нас в искушение, и создать правила не только английские, французские, немецкие и т. п., но и русско-английские, русско-французские, русско-немецкие и т. п. Выявление всех этих правил и является, между прочим, одной из очередных задач методики преподавания иностранных языков» [Щерба, 1974, с. 343].

Как справедливо отмечает Ю. В. Шаламов, современная методика обучения иностранным языкам, если она претендует на статус научной дисциплины, должна базироваться на психологии, дидактике и лингвистике [Шаламов, 1987, с. 12]. Сравнительная типология и является той областью лингвистики, которая образует лингвистическую основу преподавания иностранных языков.

С учетом того, что сравнение, как мы уже отмечали, является одной из основных ментальных операций, сравнение с родным языком должно быть одним из основных методических принципов при обучении иностранному языку. Для осознанного усвоения иностранного языка и для его преподавания на основе принципа сознательной опоры на родной язык одинаково важно выявление как сходств, так и различий между единицами разных уровней родного и иностранного языков. Знание сходств, как мы уже отмечали, необходимо для формирования навыков трансференции, т. е. положительного переноса, а знание различий столь же необходимо для преодоления интерференции, т. е. отрицательного влияния родного языка, для превращения, как говорил Л. В. Щерба, родного языка из врага в друга. О важности преодоления интерференции в процессе овладения иностранным языком говорит тот факт, что, по мнению специалистов, 73 % ошибок, которые мы делаем при говорении на английском языке, являются результатом

интерферирующего влияния родного языка [Zughoul, 1991]. Важным условием для преодоления интерференции в процессе обучения иностранному языку является развитие у обучающихся т. н. языковой и когнитивной эмпатии, т. е. способности воспринимать мир с позиции иного мировидения и вербализовывать результаты этого восприятия в своей иноязычной деятельности [Козлова, 2017].

В этой связи необходимо отметить роль и место перевода при обучении иностранному языку. На протяжении длительного времени, в условиях несколько упрощенного понимания коммуникативного метода в обучении иностранным языкам, имели место попытки исключать перевод из приемов семантизации иноязычных слов, отводя ему лишь скромную роль средства контроля знаний. Однако, как утверждают психолингвисты, в тех случаях, когда в родном языке имеется эквивалент иноязычного слова, всегда имеет место т. н. внутренний перевод, т. е. соотнесение слова с концептом, а через него и с его именем в родном языке (т. н. *conceptual mediation*), причем, как показывают эксперименты, семантизация слова через внутренний перевод протекает быстрее, чем через использование картинки. Это объясняется тем, что усвоение слов второго языка в условиях как естественного, так и искусственного (учебного) билингвизма происходит на базе уже сложившейся (хотя и в разной степени, в зависимости от возрастных или иных факторов) концептуальной системы индивида, и усвоение нового слова второго языка в случае наличия его эквивалента в родном языке не приводит к созданию нового концепта, а происходит путем соотнесения его с имеющимся концептом, сформированным на базе родной культуры и родного языка. В этом и заключается сущность т. н. внутреннего перевода, который неизбежно имеет место в процессе семантизации иноязычных слов [Jiang, Forster, 2001]. Эти данные еще раз подтверждают нецелесообразность исключения перевода при объяснении значений иноязычных слов.

Проблема преодоления интерференции имеет не менее важное значение при переводе, что также указывает на значимость сравнительной типологии для теории и практики перевода. Так, Л. С. Бархударов считает, что теория перевода теснейшим образом связана с сопоставительным языкознанием, которое служит для нее непосредственной теоретической базой [Бархударов, 2010, с. 26]. Такое сопоставление позволяет снабдить переводчика знаниями как о сходствах, так и различиях между языками, существующими на уровне различий в значениях близких по форме слов (т. н. «ложные друзья переводчика») (ср. рус. *актуальный* и англ. *actual*; рус. *магазин*

и англ. *magazine*), между разными объемами значений слов в разных языках (ср. рус. *этаж* – англ. *storey, floor*; рус. *колени* – англ. *knees, lap*; рус. *история* – англ. *history, story*), между многочисленными расхождениями в грамматическом строе языков (предлоги, временные формы глагола, порядок слов в предложении и словосочетании и т. д.). Помимо системных различий, не менее важны для переводчика различия между языками, выявляемые на уровне нормы, или узуса, знание которых делает нашу иноязычную речь более аутентичной. По словам А. Д. Швейцера, перевод может быть охарактеризован как процесс постепенного преодоления интерферирующего влияния исходного текста, написанного на родном языке [Швейцер, 1996, с. 25]. А поскольку интерференция обусловлена различиями между языками, переводчику необходимо знать эти различия для того, чтобы осознанно преодолевать интерферирующее влияние родного языка в процессе перевода, что еще раз подчеркивает значимость сравнительной типологии для науки и искусства перевода.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

2.1. Понятие языкового типа, языковой универсалии и языковой уникалии

Одной из центральных задач сравнительной типологии является типологическая классификация языков, а потому одним из базовых понятий сравнительной типологии является понятие языкового типа. Термин *тип* широко используется во многих науках при классификации различных явлений и понимается как обобщенная форма, или разновидность предметов или явлений. Понятие типа связано с процессами категоризации, систематизации, классификации, подведением всего многообразия процессов или явлений под определенные рубрики, или классы. Категоризация и классификация относятся к числу основных функций человеческого сознания, поскольку, познавая окружающий мир, мы подводим все многообразие явлений внешнего и внутреннего мира под определенные рубрики, категории, классы.

Существует множество определений языкового типа. Как отмечает В. Г. Гак, термин *тип* употребляется в языкознании в двух значениях: широком и узком [Гак, 1989а, с. 9]. В своем узком значении **тип** – это форма выражения, реализации универсального или общего языкового явления. Так, мы говорим о типах склонения, типах спряжения, типах словосочетания и т. п. В своем широком значении **тип**, по мнению В. Г. Гака, – это «совокупность обобщенных особенностей групп языков в целом» [Там же]. Эта совокупность обобщенных особенностей, характерная для ряда языков и служит той основой, на которой строится типологическая классификация языков. Близкое к этому определение языкового **типа** дает Т. П. Ломтев, характеризуя его как набор признаков, «общих для некоторого подмножества общего множества языков» [Ломтев, 1965, с. 41].

Более развернутое определение языкового типа дает В. Д. Аракин, предлагая понимать под **типом языка** «устойчивую совокупность ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенной связи, причем наличие или отсутствие какого-нибудь одного признака

обуславливает наличие или отсутствие другого признака или других признаков» [Аракин, 1979, с. 17].

Говоря о задачах сравнительной типологии, мы отмечали, что они включают в себя выделение всеобщего, общего и частного в сопоставляемых языках. Для типологических исследований важно не только знать специфические особенности отдельного языка, но и то, как в нем преломляются некоторые свойства, характерные для всех языков. Именно этот факт обуславливает значимость для типологии таких базовых понятий, как языковые универсалии и уникалии. Сопоставление языков по набору типологически релевантных признаков позволяет выявить как общие, так и специфические признаки. Первые получили название универсалий, а вторые – уникалий.

Универсалия представляет собой свойство, закономерность, присущую всем или большинству языков.

Так, Ч. Хоккет определяет языковую универсалию как *“a feature or property shared by all languages, or by all language. The assertion of a (putative) language universal is a generalization about language”* [Hockett, 1963, p. 1]. Говоря об универсалиях, Хоккет указывает при этом на тесную связь языка и культуры, отмечая, что *“any generalization about spoken language is also a hypothesis about human cultural universals”* [Hockett, 1963, p. 11]. На наличие такой связи между языком и культурой указывает и Дж. Гринберг, подчеркивая, что изучение проблемы универсалий должно учитывать эту связь: *“since language is at once both an aspect of individual behaviour and an aspect of human culture, its universals provide both the major point of contact with underlying psychological principles (psycholinguistics) and the major source of implications for human culture in general (ethnolinguistics)”* [Greenberg, 1963, p. 255].

Существование универсалий позволяет говорить об общности свойств языка вообще (language), т. е. языка внутри нас, или языковой способности, которая в целом едина для всех людей, что и обуславливает наличие общих свойств у языков. В этой связи лингвисты говорят о наличии языка мысли (т. н. *mentalese*), который носит в значительной степени универсальный характер [Pinker, 1995, p. 82]. Данная точка зрения имеет много оппонентов, при этом основным аргументом против универсальности языка мысли служит тезис о том, что наша когниция всегда является культурно обусловленной. Это означает, что мы воспринимаем, концептуализируем мир в контексте определенной культуры, что неизбежно накладывает отпечаток на нашу мысль. Как пишет американский лингвист Д. Л. Эверетт, *“...each language is a history of the symbiosis of grammar, mind and culture”* [Everett, 2012,

р. 9], указывая на обусловленность нашего мышления культурными ценностями, сформировавшимися в рамках того лингвокультурного сообщества, к которому мы принадлежим. В то же время наличие универсалий показывает, что, несмотря на культурные различия, в языке мысли имеются и элементы общности, что, очевидно, и находит отражение в существовании универсалий.

Существует несколько критериев классификации универсалий. Так, по степени общности выделяют абсолютные и частичные универсалии. К числу абсолютных универсалий относятся такие явления, как наличие гласных и согласных, имен собственных и нарицательных, частей речи, разграничение имени и глагола, наличие полисемии лексем, междометий, личных местоимений, категории числа существительных (хотя формы ее выражения могут значительно различаться в разных языках). Как можно видеть из приведенного списка, универсалии имеют место на всех уровнях языковой системы. К числу частичных универсалий можно отнести наличие т. н. кардинальных частей речи (существительного, глагола, прилагательного и наречия) во всех европейских языках, наличие грамматических способов выражения времени в большинстве языков мира (но не во всех!), наличие артикля во многих германских языках.

Кроме того, выделяют **синхронические** и **диахронические универсалии**. Первые определяют типологию языка в синхронном плане, вторые – характеризуют процесс движения, или развития, языка. Так, например, сопоставление фактов изменения фонемы [k] > [tf] в русском (*неку* > *печёшь*), английском (*cosan* > *cheseh* > *choose*), и итальянском (лат. *centum* [kɛntum] > итал. *cento* [tʃɛnto]) языках позволяет сделать предположение об универсальном характере этих фонетических изменений в индоевропейских языках. Приведем другой пример. Тот факт, что во многих европейских языках существует супплетивный способ выражения грамматических значений времени (*go – went, идти – шёл*) или степеней сравнения прилагательных (*good – better; хороший – лучше*), также позволяет сделать вывод об универсальном характере данного явления, а именно о том, что данные формы первоначально воспринимались как отдельные лексемы, а позднее, когда сформировались чисто грамматические средства выражения грамматических значений, эти формы остались в языках, получив статус особого способа передачи грамматических значений. С учетом того, что, как мы уже отмечали, основным подходом в сравнительной типологии является синхронический, факты диахронических универсалий представляют больший интерес для сравнительно-исторического языкознания, но они важны и для сравнительной типологии.

К уникалиям относятся явления, свойственные какому-либо конкретному языку и не имеющие аналогов в других языках. К таким уникалиям можно отнести, например, наличие двойственного числа в некоторых языках, наличие рамочной конструкции в немецком языке, образование английских глаголов с помощью послелогов (*to bring – приносить; to bring up – воспитывать*), а также возможность английского глагола с предложным дополнением употребляться в форме пассивного залога, в результате чего предлог перемещается в конец предложения (*He was never shouted at*), наличие т. н. абсолютных причастных конструкций в английском языке (*The flight being cancelled, we had to go by train*).

При этом необходимо подчеркнуть, что для типологии одинаково важно изучение как универсалий, так и уникалий. Как справедливо отмечает А. Л. Зеленецкий, осмысление различных свойств языков с учетом существования в любом языке элементов всеобщего, общего и единичного неизбежно предполагает учет всех свойств языков, как общих, так и специфических, и лишь при этом условии мы можем получить полное и адекватное представление о строе изучаемого языка и отнести его к тому или иному типу [Зеленецкий, 2004, с. 31]. Не менее важно знание об универсалиях и уникалиях и для практического овладения иностранным языком, поскольку первые создают основу для процессов трансференции, а вторые могут порождать интерференцию.

2.2. Структурно-типологическая классификация языков

Как мы уже отмечали, первые попытки типологической классификации языков на основе морфологического критерия были предприняты братьями Фридрихом и Августом Шлегелями, а полная морфологическая классификация языков, которая не потеряла своей актуальности до настоящего времени, была разработана В. фон Гумбольдтом [Гумбольдт, 2000, с. 107–182]. Он выделил четыре языковых типа: флективный, агглютинативный, аморфный (изолирующий) и инкорпорирующий типы. Остановимся на них более подробно. В **языках флективного типа** средством выражения грамматических значений служат грамматические морфемы, включающие префиксы, суффиксы и внутренние флексии. Мы полагаем, что сюда относятся также т. н. прерывистые морфемы, с помощью которых образуются аналитические грамматические формы. Как правило, эти морфемы могут одновременно передавать несколько грамматических значений, т. е. являются синкретичными. Так, например,

суффикс *-ый* в русском прилагательном *красивый* одновременно служит показателем числа, рода и падежа; суффикс *-(e)s* в английском глаголе *travels* служит показателем лица, числа, наклонения, времени, залога, вида и временной соотнесенности. К языкам флективного типа относятся индоевропейские, а также семито-хамитские языки. Несмотря на то, что они относятся к одному типу, между ними существуют значительные различия. Так, русский язык является преимущественно синтетическим, а английский – преимущественно аналитическим, а в семито-хамитских языках преобладает т. н. внутренняя флексия.

В языках агглютинативного типа грамматические значения также выражаются с помощью суффиксов, но принципиальное отличие от флективных языков состоит в том, что в языках агглютинативного типа суффикс выражает только одно грамматическое значение, и для передачи нескольких грамматических значений в слове требуется «наращивание» суффиксов, которые поочередно присоединяются к корню. Приведем пример из турецкого языка: *okul – школа; okullar – школы; okkularimiz – наши школы; okkularimizda – в наших школах* (пример заимствован из [Аракин, 2010, с. 14, 15]). К данному типу языков относятся тюркские языки, финно-угорские, монгольские, банту, японский, полиазиатские и др.

В языках аморфного, или изолирующего типа, не имеющих словоизменяемых морфем, грамматические значения передаются при помощи порядка слов, ударения и интонации. Так, в китайском и вьетнамском языках одно и то же слово может в зависимости от положения относительно определяемого им слова выступать и как атрибут, и как предикат. К этому типу относятся китайский, тайский, вьетнамский, бирманский и другие языки Юго-Восточной Азии, а также *Pidgin English*, используемый в портовых городах для общения носителей разных языков.

Основная типологическая черта **инкорпорирующих**, или **полисинтетических языков** – нечеткое разграничение словоформы и предложения. Предложение представляет собой сложный комплекс, в котором сказуемое присоединяет в себе другие члены предложения, образуя с ними единое целое, как, например, *g-ana-kaa-nmy-len*, означающее «*жирного оленя убили*». К этой группе языков относятся чукотско-камчатские языки и языки американских индейцев. В. фон Гумбольдт, выделивший их в отдельный тип, связывал его особенности (как и всех остальных типов) с особым типом мировидения. Он высказывал предположение о том, что феномен инкорпорирования является следствием нерасчлененного, целостного (*holistic*) восприятия

мира данными этносами, т. е. действие, субъект, объект и обстоятельства его протекания воспринимаются как единое целое, что находит свое отражение в строении предложения, которое представляет собой единый морфолого-синтаксический комплекс.

Следует особо подчеркнуть, что при построении морфологической классификации языков Гумбольдт высказывал мысль о том, что различия между языками отражают различия в мировосприятии, и разные типы языков представляют собой разные способы упаковки мысли, обусловленные различием в мировидении этносов. Эти идеи Гумбольдта получили дальнейшее развитие в когнитивной лингвистике, этнолингвистике и лингвокультурологии. Гумбольдт подчеркивал, что предложение как средство выражения мысли не составляется из отдельных слов, а стоит у истоков зарождения мысли. Говорящий исходит из необходимости выразить мысль, а не собрать ее из отдельных слов. И лишь в процессе оформления мысли говорящий либо дробит ее на отдельные слова и придает им соответствующую грамматическую форму, как это имеет место в языках флективного и агглютинативного строя, либо помещает слова в определенные позиции, как в языках изолирующего строя, либо выражает ее с помощью столь же тесного сплочения, как сама мысль, соединяя слова в единый морфолого-синтаксический комплекс, как в инкорпорирующих языках [Гумбольдт, 2000, с. 144, 145].

Классификация языковых типов на основе синтаксического критерия была разработана И. И. Мещаниновым, который на основе этого критерия выделил языки номинативного строя, языки пассивного строя и языки эргативного строя [Мещанинов, 1958]. Отличительной чертой **языков номинативного строя**, к которым относятся индоевропейские, тюркские, монгольские, финно-угорские и другие языки, является употребление подлежащего в именительном падеже вне зависимости от переходности/непереходности глагола-сказуемого. В **языках пассивного строя**, к которым принадлежат инкорпорирующие языки, ни субъект, ни объект не имеют грамматического оформления, а объединяются в единый комплекс. В **языках эргативного строя**, куда относятся кавказские языки, имеется особая эргативная конструкция (падеж деятеля) при переходном глаголе, аналогичная русской конструкции *Крышу сорвало ветром*, в которой творительный падеж выражает значение субъекта действия.

Более подробная типологическая классификация была разработана Э. Сепиром на большом языковом материале [Sapir, 1949]. При ее построении Э. Сепир использовал комплекс признаков: виды и способы

выражения грамматических значений, техника соединения морфем, степень синтеза, что позволило ему создать более детальную таксономию, отражающую политипологизм языков и наличие языков переходных типов. В основе его классификации лежит т. н. холистический подход (*holistic approach*), при котором языки сопоставляются не по отдельным параметрам (*partial approach*), а как единое целое, во всем комплексе своих характеристик. Он писал: *“It must be obvious to anyone who has thought about the question of the general form of a language or who has felt something of the spirit of a foreign language that there is such a thing as a basic plan, a certain cut, to each language. This type or plan or structural ‘genius’ of the language is something much more fundamental. Much more pervasive than any single feature of it that we can mention, nor can we gain an adequate idea of its nature by a mere recital of the sundry facts that make up the grammar of the language”* [Sapir, 1949, p. 120].

Продолжая подход к типологической классификации языков, предложенный Э. Сепиром, Дж. Гринберг предложил ввести количественный принцип в определение типа языка. Не менее важными в теоретическом плане являются его выводы о том, что все языки политипологичны, т. е. совмещают в себе признаки различных типов, а также о необходимости уделять внимание в типологических исследованиях не только структуре, но также семантике и функционированию языковых единиц [Гринберг, 2004].

Комплексный, или холистический, подход к выделению языковых типов характеризует и исследования лингвистов Пражской школы, получившей название характерологии [Матезиус, 1989; Скаличка, 1989]. В основу этого направления положен тезис о том, что задачей типологических исследований является подробное изучение типологических признаков одного языка на фоне его сопоставления с другими языками с целью выявления его своеобразия. Они отмечают взаимосвязанность и взаимообусловленность этих признаков и на этой основе определяют языковой тип как пучок взаимообусловленных явлений. Так, В. Скаличка в своих программных работах выстраивает типологию языков на основе учета как дифференциальных, так и интегральных признаков, подчеркивая при этом отсутствие «чистых» языковых типов [Скаличка, 1963, 1966].

Заключая обзор существующих классификаций, отметим, что не существует «чистых» языковых типов. В любом языке, как будет показано ниже на примере английского языка, всегда имеют место элементы, присущие другим языковым типам, а отнесение языка к тому или иному языковому типу осуществляется на основе доминирующих

черт, присущих ему. Помимо этого, следует также учитывать тот факт, что язык может претерпевать существенные изменения в процессе своего исторического развития. Так, история развития английского языка показывает, что на протяжении своей истории английский язык «дрейфует» от языка преимущественно синтетического к языку преимущественно аналитическому. Утрата падежной системы и глагольных окончаний и закрепление фиксированного порядка слов привели к сближению английского языка с корнеизолирующими языками, в которых основным способом выражения грамматического значения служит порядок слов.

2.3. Отражение культурно-специфического в типологических особенностях языков

Существующие типологические классификации языков разработаны в системно-структурной парадигме и отражают существенные признаки языков в области звукового состава, способов выражения грамматических значений, особенностей синтаксического строения предложения, преобладание которых формирует тот или иной языковой тип. Поскольку при описании языковых типов в фокусе внимания исследователей находились особенности внутренней структуры языков, вопросы отражения в ней особенностей мировосприятия этноса занимали периферийное положение. Вместе с тем полное и глубокое описание типологических особенностей языков неминуемо выводит исследователя на специфику мировосприятия и мышления. Так, описывая типологические особенности языков банту, В. А. Виноградов отмечает, что когнитивной основой этой классификации является этнокультурная категоризация мира [Виноградов, 2000, с. 420]. Совершенно очевидно, что утверждение об этнокультурной основе категоризации мира и ее отражении в классификации языков справедливо не только в отношении отдельной группы языков, в которых следы этнокультурной специфики мировосприятия прослеживаются более отчетливо, но и в отношении тех языков, в которых эти следы прослеживаются менее отчетливо, потому что многие грамматические факты языка могли «технизироваться», т. е. стать частью языковой системы языка и утратить признаки этнокультурной специфики (о чем говорил в свое время В. И. Абаев).

Уже в работах основоположника морфологической классификации языков В. фон Гумбольдта мы находим мысль о том, что различия в морфологическом строении языка несут на себе печать, являются результатом различий мировосприятия, которые запечатлелись

в грамматическом оформлении мысли. Именно особенности мировосприятия, характер нации, по мнению В. фон Гумбольдта, коренятся в глубине языков и определяют строение каждого языка. Так, говоря о характере языков, лежащем в основе выделения языковых типов, Гумбольдт пишет: «Грамматическим строем, который мы до сих пор рассматривали в общем и целом, и внешней структурой (*Structur*) сущность языка, однако, еще далеко не исчерпывается; его более своеобразный и подлинный характер покоится на чем-то гораздо более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа (подчеркнуто нами – Л. К.). <...> В соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер. <...> Образ мысли и мироощущение народа, придающие... окраску и характер его языку, с самого начала действуют на этот последний. <...> Царство форм – не единственная область, которую предстоит осмыслить языковеду; он не должен по крайней мере упускать из виду, что в языке есть нечто более высокое и самобытное, что надо хотя бы познать, если невозможно понять» [Гумбольдт, 2000, с. 162, 163]. Представляется, что именно в этих словах великого ученого содержится программа действий для будущих исследований в области этнолингвистики, направленных на то, чтобы попытаться выявить причины этнокультурного характера, которые обусловили появление тех или иных грамматических форм и их дальнейшее развитие в национальном языке.

К сожалению, и в работах самого Гумбольдта, и особенно у его последователей, лингвистов XX столетия, идеи взаимосвязи языка и мышления получили несколько иное развитие. Исходя из совершенно справедливого тезиса о взаимозависимости языка и мышления, Гумбольдт пытался описать зависимость между языком и мышлением в терминах оценочной иерархии типов, считая флективный тип более совершенным по сравнению с другими и таким образом разделяя языки на совершенные, к которым он относил языки флективного строя, и несовершенные, в которых грамматические значения передаются иными способами, и утверждая, на этой основе, что уровень развития мышления нации определяется степенью развития грамматического строя языка («в полном соответствии с развитием идей пребывают только языки с развитым грамматическим строем») [Гумбольдт, 2000, с. 347].

Именно этот тезис получил развитие в трудах неогумбольдтианцев и подвергался справедливой критике. Попытка такой оценочной иерархии языков прослеживается и в работе О. Есперсена, который отдавал

«пальму первенства» аналитическим языкам, считая их наиболее совершенными по сравнению с синтетическими, за что он также подвергался справедливой критике [Воронцова, 1960, с. 14].

В противоположность Гумбольдту, Э. Сепир и другие американские этнографы и лингвисты при разработке вопросов типологической классификации языков не устанавливали оценочной иерархии языковых типов и не относили языки, не имеющие развитой системы флексий, к неразвитым, или менее совершенным. Так, Э. Сепир считал, что «когда речь идет о языковой форме, Платон шагает рядом с македонским свинопасом, а Конфуций – с охотящимся за головами дикарем из Ассам» (*“When it comes to linguistic form, Plato walks with the Macedonian swineherd, Confucius with the headhunting savage of Assam”*) [Chafe, 1994, p. 49].

Эту же мысль высказал и известный американский лингвист Р. А. Холл: «Все исследования, которые до сих пор проводились на “примитивных” языках, показали, что они имеют тот же тип строения и такой же богатый словарь, как и другие языки... Короче говоря, на современном этапе человеческого развития нет такой вещи, как “примитивные” языки. Очевидно, существовала стадия, на которой человеческая речь была гораздо меньше развита, чем сейчас, но этот период имел место по меньшей мере несколько сотен тысяч лет тому назад, и от него нигде не осталось никаких следов. Все языки, на которых говорят сейчас, даже языки племен американских индейцев, африканцев и австралийцев, достигли в целом одной и той же ступени развития... Многие так называемые “примитивные” языки... имеют грамматический строй, который символизирует иные и столь же важные различия в окружающем нас мире, что и строй наших “цивилизованных языков”» (цит. по: [Бархударов, 2010, с. 24, 25]).

Развивая тезис В. фон Гумбольдта о том, что существующие в настоящее время языковые типы несут на себе следы мировосприятия этноса, можно предположить, что в т. н. инкорпорирующих языках, представляющих собой «тесное сплочение предложения в единую форму», запечатлено в языковой форме особое восприятие мира данными этносами как цельного, нерасчлененного, целого. Эту же мысль высказывает Е. Я. Режабек, рассматривая вопрос о вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры. Он говорит о том, что палеоазиатский инкорпорируемый комплекс «волко-олене-убивание» отражает когницию особого рода, а именно когницию холистического восприятия мира [Режабек, 2006, с. 29].

Подобное холистическое восприятие нашло свое отражение и в концептуализации времени, которое в некоторых языках американских

индейцев также не членится на настоящее, прошедшее и будущее, как это имеет место в европейских языках, а воспринимается как нечленимая, вечная сущность. Таким образом, можно утверждать, что типологическая классификация языков содержит следы культурно-специфического мировосприятия этноса, а потому анализ некоторых особенностей грамматического строя языков в этнолингвистическом ракурсе может выявить этнокультурные основания, обусловившие развитие тех или иных грамматических категорий.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что некоторые данные, полученные при проведении классификации языков в рамках т. н. внутренней лингвистики, могут быть дополнены и могут получить дальнейшее объяснение при их рассмотрении в этнолингвистическом ракурсе. Приведем один пример. Так, описывая особенности английского синтаксиса с позиций характерологии (отрасли лингвистики, изучающей особенности конкретного языка в сопоставлении с другими языками в синхронном плане), В. Матезиус выделил такие особенности синтаксической организации английского предложения, как сохранение одного и того же подлежащего в рамках одного предложения или последовательности предложений, а также предпочтение личного подлежащего безличному. Данная характерологическая особенность английского подлежащего, как справедливо отмечает В. Матезиус, находится в прямой связи с другими характерными чертами английского языка, в частности, с более частотным, по сравнению, например, с русским или чешским языками, употреблением пассивных конструкций. Давая объяснение этим фактам, В. Матезиус связывает эту характерологическую особенность английского языка с особенностями актуального членения, а именно с тенденцией к тематическому представлению подлежащего, т. е. с тем фактом, что подлежащее, выраженное личным местоимением, указывающим на одушевленное лицо, наиболее приспособлено для выполнения тематической роли в предложении [Матезиус, 1989, с. 18–26].

Вполне разделяя точку зрения В. Матезиуса на то, что подлежащее, обозначающее одушевленное лицо, является наилучшим кандидатом для выполнения тематической функции в рамках актуального членения предложения, мы считаем, что этому можно также дать объяснение с учетом этнокультурного фактора. Можно полагать, что подобная специализация подлежащего на выполнении тематической функции обусловлена в первую очередь спецификой мировосприятия и типом культуры. Поясним сказанное. В культурах бытия (*cultures of being*) человек осмысливается не как активный творец, а как часть мироздания,

а потому свойством активности, воздействия могут наделяться не только люди, но и неодушевленные предметы, магические силы и т. д.

В этом смысле культуры бытия оказываются ближе к т. н. архетипам культуры, в которых свойством активности наделяется все сущее в мире. В культурах деятельностного типа, как мы уже отмечали в первой главе, человеку отводится роль активного начала, творца, что и находит свое отражение в языке, в частности, в четко выраженной тенденции употреблять в роли подлежащего, прежде всего, существительные или местоимения, указывающие на одушевленное лицо. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная типологическая особенность английского языка также несет на себе следы этнокультурной специфики мировосприятия.

Не менее значимой для этнолингвистического анализа грамматики является семантическая классификация языков, предложенная Ш. Балли и получившая дальнейшую разработку в трудах А. Вежбицкой. Ш. Балли выделяет две противоположные «психологические тенденции», находящие свое проявление в синтаксисе языков, т. н. **импрессионистическую**, для которой характерно отражение явлений с точки зрения их восприятия, и **аналитическую**, ориентирующуюся на рационалистическое представление отношений между причиной и следствием. Применяя данную классификацию к французскому, английскому, немецкому и русскому языкам, Ш. Балли располагает эти языки на шкале психологической ориентации по степени проявления в них двух выделенных им психологических тенденций. Русский язык относится, по мнению Балли, к языкам импрессионистической ориентации, а английский – к языкам аналитической ориентации. Немецкий язык оказывается ближе к русскому по сравнению с французским, который оказывается ближе к английскому, т. е. более тяготеет к аналитической ориентации [Балли, 1955].

На классификацию языков по семантическому типу, впервые предложенную Ш. Балли, опирается в своих исследованиях А. Вежбицка [Wierzbicka, 1988]. Разрабатывая свою концепцию этносинтаксиса, она выдвигает тезис о том, что концепты, имеющие наибольшую значимость в культуре нации, получают не только более подробную лексическую, но и грамматическую репрезентацию в языке. Так, отмечая большую значимость концепта КАУЗАТИВНОСТЬ как важного компонента построения межличностных отношений в обществе для менталитета англичан, она отмечает, что эта значимость находит свое проявление как в лексиконе языка, в котором имеется более полутора десятков глаголов, не имеющих точных соответствий в русском языке вследствие

количественной межъязыковой асимметрии в данной лексико-семантической группе (это такие глаголы, как *advocate*, *intercede*, *decree* и т. д.), так и в грамматике языка, в которой имеется большее, по сравнению с русским языком, число синтаксических конструкций, передающих различные значения каузативности.

Таким образом, подробное картирование концепта каузативности как в лексике, так и в грамматике языка позволяет относить английский язык к языкам аналитической ориентации, отдающим приоритет рационалистическому представлению отношений между явлениями объективного мира в терминах причины и следствия, что, в свою очередь, отражает особенности менталитета нации. Напротив, в русском языке, как языке импрессионистической направленности, более подробную репрезентацию как на лексическом, так и на грамматическом уровне находит эмоциональное состояние человека, переживаемые им эмоции. Ср.: *Ему тоскливо. Он тоскует. У него тоска. Он в тоске* [Wierzbicka, 1988, p. 252]. Мы остановимся на этом более подробно в соответствующих разделах работы, посвященных анализу синтаксиса в этнолингвистическом ракурсе, но здесь мы лишь хотели бы подчеркнуть присутствие и целесообразность учета культурологической составляющей в типологической классификации языков.

Значительный теоретический интерес представляет, на наш взгляд, и попытка П. В. Дурст-Андерсена описать структурную специфику языков с позиций ментальной грамматики [Дурст-Андерсен, 1995]. Его теория базируется на том, что ситуации действительности имеют три разных манифестации в человеческом сознании: по форме восприятия, ментальной модели и архивному месту. По его мнению, английский язык, рассматриваемый с данной позиции, ориентирован на разные ментальные архивы. Далее, опираясь на коммуникативную модель К. Бюлера, базирующуюся на экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной функциях языка, Дурст-Андерсен разрабатывает теорию супертипов, согласно которой грамматические категории и синтаксические структуры языка базируются на одном из следующих элементов: 1) на коммуникативном намерении говорящего, отражающем его эмоции и чувства; 2) на сообщении, предназначенном, прежде всего, для слушающего; 3) на ситуации, символом которой служит структура предложения такого языка [там же, с. 31].

Согласно этой классификации, английский язык относится к языкам, ориентированным на слушающего, что находит свое непосредственное отражение в грамматической системе языка, и, прежде всего, в наличии артиклей как особых средств формального выражения категории

определенности/неопределенности. Информация предложения, предназначенная для слушающего, должна быть соотнесена со старой или новой, известной или неизвестной для него информацией, в чем и состоит предназначение артикля, а также особых ремовыделяющих синтаксических конструкций типа *It was he who did it*. Подчеркнем, что при выборе артикля говорящий исходит именно из степени осведомленности слушающего, а не самого себя: определенный артикль употребляется лишь в том случае, когда предмет, о котором идет речь, известен и говорящему, и слушающему. С этим приходится постоянно сталкиваться на начальном этапе обучения английскому языку, когда русские студенты, аргументируя свой выбор артикля, говорят: «Но я же знаю, о каком предмете идет речь», т. е. исходят при этом из собственной степени осведомленности, а не из степени осведомленности слушающего. Это лишь подчеркивает необходимость формирования у обучающихся т. н. языковой эмпатии, т. е. умения воспринимать мир с позиции носителя другого языка, о чем мы уже говорили в первой главе.

Русский язык, как показывает П. В. Дурст-Андерсен, более ориентирован на ситуацию, т. е. реальность, что, по мнению автора, находит свое отражение в категории вида, который создает для слушающего копию определенной части действительности: совершенный вид показывает ему копию события, а несовершенный – копию процесса [там же, с. 35, 36].

Рассматриваемая с позиции архивного места, грамматическая система английского языка основывается на уровне ментального архива, в котором хранится информация о настоящих и прошлых ситуациях, об их причинно-следственной взаимосвязи, что обуславливает выбор в системе видовременных форм между актуальностью/неактуальностью прошлых событий для настоящего. Очевидно, этим и объясняется существование в английском языке особой грамматической категории – категории временной соотнесенности. Как известно, основное отличие между формами *Present Perfect* и *Past Indefinite* состоит именно в том, что первая используется для обозначения действия, которое, хотя и произошло в прошлом (точное время события при этом не является актуальным), но является значимым для настоящего (*Present time relevant*), т. е. связь с настоящим является не столько темпоральной, сколько причинно-следственной по своей сути. Ср.: “*I realize that being President of France is an ultimate aim for you. But I've been a president's wife before*” (*J. Suzann*). Значение *Present Perfect* в примерах, подобных приведенному, интерпретируется в терминах *Present Perfect of experience* [Козлова, 2005, с. 91].

Таким образом, как показывает анализ отдельных грамматических явлений в предложенном ракурсе, сопоставительный анализ языков в аспекте ментальной грамматики также представляет определенный интерес для этнокультурного описания языка. Несмотря на то, что, как признает П. В. Дурст-Андерсен, данная теория нуждается в дальнейшем совершенствовании, ее значение определяется, прежде всего, тем, что в ней сделана попытка соотнести грамматическую систему языка со спецификой мышления и ментальными процессами, лежащими в основе употребления грамматических форм.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что типологические классификации языков, разработанные в рамках системоцентрического подхода к языку, несут на себе четкие следы культурно-специфического, и именно грамматика языка, будучи ближе всего к менталитету нации, отражает особенности национального менталитета в системе своих единиц и категорий, совокупность которых и определяет принадлежность языка к тому или иному типу.

2.4. Типологические особенности английского языка в сопоставлении с русским языком

Английский и русский языки относятся к семье индоевропейских языков. Русский относится к славянской группе языков (восточнославянской группе), а английский – к германской группе языков.

По своему фонетическому составу оба языка относятся к консонантным языкам, но при этом количество гласных звуков в английском языке превышает их количество в русском языке. Характерной особенностью английского языка, отличающей его от русского, является наличие дифтонгов. Более подробно мы рассмотрим различия в области фонетического строя языков в следующей главе.

Оба языка относятся к языкам флективного типа, но при этом английский – это язык с ярко выраженной тенденцией к аналитизму, а русский – более синтетический, т. е. большинство грамматических форм в русском языке образуется с помощью суффиксов, а в английском – с помощью служебных слов. Вместе с тем, как отмечают исследователи, в современном русском языке, как и во всех славянских языках, наблюдается увеличение различных отклонений от типа, который был характерен для классических индоевропейских языков, и эти отклонения трактуются большинством лингвистов как движение к аналитизму. Так, В. В. Виноградов, отмечая эту тенденцию в

русском языке, писал: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами» [Виноградов, 1972, с. 36]. Данное мнение подтверждает, что, во-первых, любой язык представляет собой динамическую систему, которая постоянно находится в стадии изменения, а во-вторых, что граница между языками различных типологий носит диффузный характер, потому что в любом языке могут иметь место отдельные признаки, характерные для языков другого типа.

Как показывает история английского языка, он развивался и продолжает развиваться от языка преимущественно синтетического строя к языку преимущественно аналитического строя, причем тенденция к аналитизму имеет место и в современном английском языке, что находит свое проявление в существовании т. н. полуаналитических форм, например, *to be going + Inf. (What's going to happen to us?)*. Следствием распада падежной системы в английском языке стало закрепление порядка слов, который пришел на смену свободному порядку слов. Данный факт подтверждает характеристику языкового устройства как системы, в которой изменения, происходящие на одном из ее участков, неизбежно влекут за собой изменения на ее другом участке. Установление фиксированного порядка слов носило, таким образом, компенсирующую функцию, поскольку синтаксическая позиция слова в предложении стала одним из основных способов передачи грамматического значения слова, его роли в предложении, выражения падежных отношений (если понимать падеж как категорию семантического уровня, которая может иметь разные средства своего выражения в разных языках).

Таким образом, вторым существенным различием между английским и русским языками является фиксированный порядок слов в английском языке и свободный – в русском. Так, для русского предложения *Он написал роман* возможны шесть вариантов порядка слов в зависимости от вхождения данного предложения в контекст: *Он написал роман. Написал он роман. Написал роман он. Роман написал он. Он роман написал. Роман он написал*, а для английского возможен только один порядок слов: подлежащее – сказуемое – дополнение *He wrote a novel. (English is an S-V-O language)*. Основная роль, которую играет порядок слов в выражении грамматических значений, сближает английский язык с корнеизолирующими языками.

Что касается синтаксической структуры английского предложения, то прототипическая структура английского предложения характеризуется двусоставностью, т. е. с точки зрения формальной структуры предложения, подлежащее является обязательным компонентом. В случае отсутствия семантического субъекта, или агенса действия, в английском языке употребляется формальное подлежащее типа *it*, *there*, т. н. *dummy subject* (*It never rains, but pours. There is no persuading him*). В русском языке двусоставность не носит обязательный характер, и в случае отсутствия семантического субъекта предложение может быть односоставным по своей структуре (*Вечереет. Смеркается. Холодаем*).

При этом на роль подлежащего в английском языке чаще всего выбирается существительное или местоимение, обозначающее или указывающее на одушевленное лицо, которое является наиболее вероятным кандидатом на роль семантического субъекта действия. Как отмечал В. Матезиус, выделяя типологические особенности английского языка, таким наиболее вероятным кандидатом чаще всего оказывается сам говорящий, поэтому прототипическим подлежащим английской речи оказывается местоимение 1-го лица единственного числа, что позволило Матезиусу охарактеризовать английский язык как *I-language* [Матезиус, 1989, 18–26].

Вместе с тем, обращение к анализу английского и русского языков на функциональном уровне показывает, что для английского языка более, чем для русского, характерно употребление подлежащего во вторичных семантических функциях: объекта, причины, места, времени действия и самого действия. Например: *Every dinner was a short horror; my eating habits were remarked upon (A. Bloom); The bed had been slept in (J. Fowles); The grapes were good and three or four days would see them all picked (P. Mayle); There was a slight stiffening in the guards (I. Shaw)*.

Другой типологической особенностью английского языка является т. н. анимизм, т. е. тенденция наделять функцией семантического субъекта неодушевленные сущности, а также части тела [Хайруллин, 1995, с. 31], например: *The Alzheimer's disease stripped this '20s siren of her glamour and took her life at the age 68 (Time, July, 2000, 54); His look traveled over the room (J. Galsworthy)*.

Для русского языка подобное синтаксическое функционирование менее свойственно, что нужно учитывать при переводе и прибегать к т. н. переупаковке смысла, т. е. менять синтаксическую структуру предложения. Например: *His look traveled over the room* → *Он обвел глазами комнату. Cyprus is sunny 300 days a year* → *На Кипре 300 дней в году светит солнце*.

Другим важным следствием распада системы склонения и спряжения связанным с этим упрощением морфологической структуры слова в английском языке стало отсутствие четких словообразовательных маркеров частеречной принадлежности слова. Слова, принадлежащие к разным частям речи (прежде всего, существительные и глаголы), стали совпадать по своей форме, что обусловило высокую продуктивность такого способа словопроизводства, как конверсия, т. е. образование нового слова путем изменения его морфологической парадигмы и синтаксической позиции. В современном английском языке при помощи конверсии образуются не только односложные, но также производные слова и сложные слова. Например: *All the hermits Joel had ever heard about were unfriendly say-nothings* (T. Capote). Конверсия в английском языке имеет место во всех частях речи, как знаменательных, так и служебных. Например: *I conference with parents when children first come into school* (D. Dickson); *Morel rarely thee'd his son* (D. H. Lawrence); *But Piper had covered eleven typewritten pages, full of whereases* (I. Shaw). Результатом высокой продуктивности конверсии стало широкое распространение омонимии, прежде всего межчастеречной омонимии, которая сегодня пронизывает весь лексикон английского языка, вследствие чего принадлежность слова к той или иной части речи можно определить только в контексте предложения. Например: *He captained both the squash and tennis teams* (E. Segal); *You needn't 'Sir' me quite so often* (K. Grahame); *US downs Lybia jets (MS, January 10, 1989). The little hearts, the 'cant's' said his career in the Church was finished* (A. Wilson).

В русском языке большинство лексем имеет четкие частеречные маркеры, и случаи конверсионной омонимии представлены не столь широко. Так, в результате процессов адвербиализации форма творительного падежа существительных может в результате длительного употребления отщепиться от исходной лексемы и перейти в разряд наречий, что приводит к межчастеречной омонимии, например: *шёпотом, вечером* (нар.) – *громким шёпотом, дождливым вечером* (сущ. в твор. пад.). Другие случаи омонимии в русском языке представлены редкими примерами: *печь* (гл.) – *печь* (сущ.).

Что касается полисемии, то она свойственна английскому языку в большей степени, чем русскому, что связано с тем, что для русского языка более характерным является выражение нового значения путем создания нового слова, а в английском – путем использования уже имеющейся лексемы и расширения ее значения, а также с помощью словосложения или словосочетания. Ср., например: *подножие горы* –

the foot of the mountain; глава города – the head of the town; столик – little table; старина – old chap.

Как отмечала Г. Н. Воронцова, полисемия и омонимия представляют собой явления, которые пронизывают весь строй английского языка [Воронцова, 1960, с. 20–90]. Широкое распространение омонимии и полисемии в английском языке предоставляет богатые возможности для игры слов, например: *Teacher: 'Order, children, order!' – A student: 'OK, a coke and a hamburger, please!'; Age is entirely a matter of mind over matter: if you don't mind, it does not matter.* В русском языке омонимия также может использоваться для игры слов, например: *He всех, кто занимает должность, должность занимает.*

Омонимия, будучи значимой типологической особенностью английского языка, имеет место не только на уровне лексики, но на уровне синтаксиса, например: *They chose him king. They chose him a wife.*

На уровне функционирования систем языков мы также можем выделить значительные типологические различия между английским и русским языками. Так, несмотря на тот факт, что глаголу принадлежит основная роль в структурно-семантической организации предложения во всех языках, поскольку только глагол обладает валентностью, т. е. способностью определять количество и характер остальных членов предложения – актантов и сирконстантов, на уровне функционирования системы английский язык характеризуется ярко выраженной тенденцией к номинализации, т. е. использованию именных основ для передачи значения действия. Именно эта особенность позволила Р. Лизу охарактеризовать английский язык как язык номинализаций (*a nominalizing language*).

Русский язык более тяготеет к использованию глагольных основ, что позволило поэту Егору Исаеву характеризовать русский язык как «великоглагольный». По мнению многих лингвистов, тенденция к использованию сочетаний типа *принять решение* вместо *решишь* придает русскому языку черты канцеляризма, лишает его исконно присущей ему энергии и динамизма. Не случайно поэту Ю. Левитанскому приписывают заслугу в «реанимировании» глагола в своей поэзии.

Это типологическое различие между английским и русским языками, существующее на уровне функционирования языков, необходимо учитывать в процессе перевода. Ср.: *I usually do my thinking in the bath (E. Christie).* – Я обычно все обдумываю в ванной; *You'd better have another think (S. Turow)* – Вам лучше еще раз подумать. *He was a slow decision maker (E. Segal)* – Он медленно принимал решения.

Другой характерной особенностью английского языка является тенденция к широкому использованию неличных форм глагола при построении предложения, что придает английскому синтаксису бóльшую степень компрессии по сравнению с русским языком. Ср.: *I did not expect it to happen so soon.* – Я не ожидал, что это случится так скоро. *The wind being too strong, we did not go out into the sea* – Так как ветер был очень сильный, мы не вышли в море.

Тенденция к экономии, свойственная английскому языку, находит свою манифестацию и в достаточно высокой продуктивности образования глагольных лексем путем инкорпорирования актанта или сирконстанта, как, например: *He covers each of his shoes in a little bag as if he is gift-wrapping it* (E. Bombeck); *Tom sideslipped and flung him to the ground* (J. Toomer). Подробнее об инкорпорировании см. [Анохина, 2012].

Данная черта английского языка сближает его с инкорпорирующими языками, для которых способность к инкопорации актантов является основной типологической чертой, отличающей их от других языков. С языками агглютинативного типа английский язык сближает наличие в нем аффиксов, которые выражают только одно значение (например: *friend* → *friendly* → *unfriendly*; *wide* → *wider*), что является основной характеристикой агглютинативных языков.

Таким образом, обобщая, мы можем охарактеризовать английский язык как язык флективный, преимущественно аналитический, сочетающий в себе некоторые признаки языков других типов. Более подробно мы рассмотрим типологические особенности сопоставляемых языков при анализе фонетического, лексического и грамматического уровней.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

3.1. Общая характеристика фонетического строя английского и русского языков

Язык как средство формирования, хранения и передачи мыслей в процессе коммуникации представляет собой сложную семиотическую систему, имеющую иерархическую, или уровневую, организацию, основными компонентами которой являются фонетический строй, лексический строй (лексикон) и грамматический строй. Фонетический строй образует низший уровень языковой структуры, служащий материальной основой языка и определяющий физическое представление значимых языковых единиц всех уровней [Блох, 2002, с. 11].

Первое знакомство с языком, которым предстоит овладеть, начинается с фонетического уровня, и формирование произносительных навыков представляет собой важный и необходимый этап в овладении языком.

Произношение – это своего рода «визитная карточка» говорящего, потому что первое, на что мы обращаем внимание при общении с человеком, – это чистота и правильность его звучащей речи, минимизация акцента, если человек говорит на иностранном языке. Неправильное произношение слова может приводить к искажению смысла высказывания. Пример такого искажения смысла приводит в своем романе «Моя рыба будет жить» (*A Tale for the Time Being*) американская писательница Рут Озеки, когда один из персонажей – японец – произносит известную фразу из песни *I believe I can fly* как *I bereave I can fry*, что обусловлено тем фактом, что в японском языке отсутствует звук [I]. Данный пример говорит о важности сопоставления фонетического строя языков, что поможет преодолеть интерферирующее влияние родного языка и объяснить причины появления подобных ошибок.

Для проведения сопоставительного анализа фонетического строя языков необходимо прежде всего определить параметры, или инвентарь единиц, по которым проводится сопоставление. В случае фонетического строя этот инвентарь включает систему гласных и согласных, их количественное и качественное соотношение, а также систему ударения и интонации со всеми ее компонентами. **Основной**

единицей фонетического уровня языка является фонема, которая представляет собой мельчайшую языковую единицу, выполняющую смысловоразличительную функцию. Как и все единицы эмиического уровня, т. е. уровня системы, фонема представляет собой абстракцию (образ звука в нашем сознании), которая реализуется в речи при помощи ее позиционных вариантов, или аллофонов. Они могут различаться по звучанию, но сохраняют при этом единую смысловоразличительную функцию. Поэтому определение инвентаря фонем – вопрос не всегда простой. Так, фонетисты расходятся во мнении относительно количества гласных звуков в русском языке. Это касается статуса фонемы [ы]. Одни считают ее самостоятельной фонемой, а другие – позиционным вариантом фонемы [и], что подтверждается, например, позиционными чередованиями этих звуков в таких словах, как *интересный и безынтересный; искусный и безыскусный, идейный и безыдейный*.

По количественному соотношению гласных и согласных в их составе оба языка относятся к языкам консонантного строя, но при этом английский язык отличается от русского большей степенью вокализма, так как в русском языке имеется 6 гласных звуков, а в английском – 20, из них 12 монофтонгов и 8 дифтонгов.

Общее соотношение фонем в английском и русском языках следующее. Английский язык: всего фонем – 44; гласных – 20 (12 монофтонгов и 8 дифтонгов); согласных – 24. Русский язык: всего фонем – 41; гласных – 6; согласных – 35. Далее рассмотрим систему гласных и согласных фонем английского и русского языков.

3.2. Сопоставительный анализ гласных фонем английского и русского языков

При классификации и описании артикуляции гласных обычно исходят из положения языка. Для обоих языков основными характеристиками гласных является ряд и подъем. Так, русское [и] и английское [i:] являются гласными переднего ряда и верхнего подъема; русское [о] и английские краткое и долгое [o] – гласными заднего ряда нижнего подъема. В английском языке выделяется дополнительный признак: существуют гласные переднего отодвинутого ряда [i] и заднего продвинутого ряда: [a], [u]. Признак подъема также имеет в английском языке добавочную характеристику, а именно широта звуков, т. е. степень раскрытости ротовой полости. По этому признаку различают долгие и краткие звуки: долгие [i:] и [u:] – узкие, а краткие [i] и [u] – широкие; гласные среднего подъема [e] и [э:] – узкие, нейтральный [ə] – широкий;

гласные нижнего подъема [ʌ] и [o:] – узкие, а [æ] – широкое. Таким образом, краткие и долгие [u] и [i] отличаются не только долготой, но и качеством звуков. Краткий [i] – это звук переднего отодвинутого ряда, а долгий [i:] – переднего ряда; краткий [o] – это широкий звук нижнего подъема, а долгий [o:] – узкий звук того же подъема. В русском языке нет узких и широких разновидностей гласных, которые характерны для английского языка.

Основное типологическое различие между языками состоит в том, что долгота и краткость в английском языке несут смысловозначительную функцию, а в русском – нет. Важно и то, что долгие и краткие гласные различаются в английском языке не только долготой, но и качеством звука. В русском языке нет узких и широких разновидностей гласных, которые характерны для английского языка. Типологические признаки английского вокализма – наличие гласных двух разновидностей, узких и широких, на всех трех подъемах, а также деление на гласные обычного и гласные отодвинутого назад (или продвинутого вперед) ряда и отсутствие этих признаков в русской фонологической системе представляют значительные трудности при постановке английского произношения. Другое типологическое различие – это наличие дифтонгов в английском языке (ai, au, ei, eu, eə, iə, əi, uə), в то время как в русском языке соположение гласных имеет место, но они не образуют дифтонга. Следует также отметить, что сегодня фонетисты отмечают тенденцию английских дифтонгов к монофтонгизации. Не менее важной характеристикой английских гласных является бóльшая, по сравнению с русским языком, степень напряженности органов речи, что также необходимо учитывать при работе над произношением.

Сопоставление артикуляции гласных звуков английского и русского языков позволяет констатировать, что они произносятся при помощи различных, присущих разным языкам, приемов, которые образуют артикуляторную базу каждого конкретного языка. Наблюдения за характером устойчивых ошибок русскоязычных людей при произнесении английских гласных говорят о том, что эти ошибки возникают вследствие межъязыковой интерференции. Типичными ошибками в произнесении английских гласных у русскоязычных обучающихся являются следующие: несоблюдение различий между долгими и краткими гласными, что приводит к искажению смысла (*beach* – *bitch*), недостаточно четкая дифференция качества звука, которое существует между английскими долгими и краткими гласными, а также недостаточный учет таких дополнительных характеристик английских гласных, как степень открытости полости рта, а также

степень напряженности органов речи при произнесении гласных. При этом первый тип (неразличение долготы и краткости) относится к фонематическим ошибкам, приводящим к нарушению смысла, а остальные типы – к нефонематическим ошибкам, не приводящим к нарушению смысла, но делающим наше произношение недостаточно аутентичным, поскольку в нем сохраняется акцент родного языка [Фунтова, 2005, с. 198].

3.3. Сопоставительный анализ системы согласных в английском и русском языках

Подсистема согласных английского языка включает 24 фонемы, а подсистема согласных русского языка состоит из 35 фонем. Такое количественное расхождение обусловлено тем фактом, что в русском языке для большинства согласных звуков есть твердые и мягкие корреляты (*матч – мяч, мать – мять* и т. д.), т. е. оппозиция твердости и мягкости выполняет смыслоразличительную функцию, твердые и мягкие согласные являются разными фонемами, а не вариантами одной фонемы. Это важное типологическое различие, которое следует учитывать при обучении русскому языку. Англоговорящим трудно научиться произносить мягкие согласные, поскольку здесь нет аналогии с родным языком. В английском языке большинство согласных не имеет твердых и мягких коррелятов, а если имеют, как например, согласный [l], то это лишь позиционные варианты, не имеющие смыслоразличительной функции (ср. *lark* – твердый вариант [l] (*dark l*) и *light* – мягкий вариант [l] (*light l*)).

Признак звонкости и глухости является смыслоразличительным как в английском, так и в русском языке (*бить – нить; том – дом; трава – дрова; big – pig; time – dime; bear – pear*). Однако на функциональном уровне имеются различия: в русском языке имеет место оглушение звонких согласных в конце слова, т. е. нейтрализация оппозиции (сад[ð]ы – сад[m]), в английском языке нейтрализации не происходит, звонкие согласные не теряют звонкости в конце слова. В русском языке имеет место и противоположное направление нейтрализации оппозиции «глухость – звонкость»: под влиянием звонкого согласного в следующем слове глухой согласный может озвончаться: *мы с[з]Димой*. Это важное типологическое различие следует также учитывать в практике обучения английскому языку, поскольку интерферирующее влияние русского языка в данном случае весьма значительно.

Артикуляционные различия между русскими и английскими согласными состоят в следующем: по месту артикуляции в английском

языке существуют следующие группы согласных: альвеолярные, межзубные (интердентальные), лабиальные (один билабиальный – [w]), средняяязычные, заднеязычные и гортанные. В русском языке нет интердентальных, билабиальных и гортанных, а вместо альвеолярных – зубные.

Существуют дополнительные артикуляционные характеристики у сходных фонем: наличие аспирации (придыхания) у ряда английских согласных ([p], [k], [t], [d]) и ее отсутствие у русских согласных. В английском языке наиболее четко это придыхание слышно перед гласными, тогда как перед согласными его практически нет. Итак, с точки зрения артикуляции, отличающейся от русского языка, английские согласные можно условно разделить на три группы:

1) звуки, близкие по артикуляции к звукам русского языка: [p], [b], [s], [z], [g] и др. Артикуляционная база русского языка считается достаточной для произнесения этих согласных, а их звучание (большая интенсивность ряда согласных, придыхание и т. д.) можно легко откорректировать;

2) звуки, которые кажутся – в силу наличия общих свойств – похожими на звуки русского языка, но отличаются от них существенными признаками: [d], [t], [h] и др. Эта группа требует пристального внимания, так как овладение данными звуками связано с ломкой привычного стереотипа и частичной перестройкой артикуляционной базы, привнесением в звук качеств, не характерных для русского языка;

3) звуки, не имеющие артикуляционных или акустических аналогов в русском языке: [w], [ŋ], [r]. При работе со звуками этой группы необходимо создать новую, не существующую в русском языке, артикуляционную базу.

Типичными ошибками в произношении английских согласных являются:

1) замена английских согласных ближайшими эквивалентами из русского языка, что приводит к смешению слов и является фонематической ошибкой; либо придает речи иностранный акцент (например, замена английского гортанного [h] русским заднеязычным [x], что является нефонематической ошибкой);

2) полное оглушение конечных звонких согласных;

3) озвончение глухих согласных в положении перед звонкими;

4) смягчение согласных перед гласными переднего ряда.

Имеются различия между английским и русским языками и в структуре слога. Так, в английском языке сонанты выполняют слогообразующую функцию (слово *table* имеет два слога). Кроме того,

для английского языка более характерно скопление согласных в конце слова (*whistle, rustle, grumble, tumble*), а для русского – в начале слова (*скрежет, скрижали, стриж, здравствуй, страстный, скрипучий*).

3.4. Сопоставительный анализ ударения и интонации в английском и русском языках

Установление и описание типологических особенностей языка будет неполным без обращения к суперсегментным средствам – ударению и интонации. Под ударением понимается выделение, или акцентуация, одного из слогов в составе слова, или одного слова в составе фразы, поэтому выделяют словесное и фразовое ударение. Сопоставительный анализ ударения проводится по нескольким параметрам, отражающим основные свойства ударения: природа ударения, место ударения и степень его подвижности, функция ударения [Аракин, 1979, с. 83, 84].

Природа ударения в разных языках может быть различной, и по этому параметру выделяются следующие типы ударения: музыкальное, основанное на вариациях высоты тона, количественное, в основе которого лежит долгота звука, и силовое, основанное на силе выдоха (акцентном выделении слога). По своей природе словесное ударение в английском и русском языках сходно, так как в своей основе оно является силовым, или динамическим. Однако при этом в английском ударении преобладает высотный компонент, а в русском – количественный.

По месту ударения между английским и русским языками имеются весьма существенные различия. Значительное число исконно английских слов имеют ударение на первом слоге, например: *ˈduty, ˈcity, ˈmother, ˈbrother, ˈmoney*, etc. По степени подвижности английское ударение отличается меньшей степенью подвижности, чем русское. Ударение в английском языке никогда не меняет своего места при словоизменении (*winter – winters*). Большинство английских слов сохраняют место ударения также и при словообразовании, например: *ˈbeauty – ˈbeautiful, ˈwonder – ˈwonderful, ˈtravel – ˈtraveling*. Однако в отдельных случаях производные единицы могут менять ударение, например: *adˈmire – ˈadmirable, ˈadvertise – adˈvertisement*. Характерно, что в американском варианте английского языка смены ударения при словообразовании в этих словах не происходит, что является проявлением тенденции к унификации. В ограниченном числе случаев смена ударения имеет место при конверсии, например: *ˈpresent – to preˈsent, ˈimport – to imˈport, ˈrecord – to reˈcord*. В английском языке ударение может менять место при словообразовании, но никогда при словоизменении.

В русском языке ударение характеризуется гораздо большей степенью подвижности. Оно может служить средством разграничения как отдельных слов (*му`ка – `мука*), так и отдельных словоформ (*ру`ка – `руки, зи`ма – `зимы, чис`ло – `числа*).

Сопоставляемое с позиций функции, ударение может выполнять как смысловозначительную функцию, т. е. служить средством разграничения разных лексем, так и форморазличительную функцию. Как следует из степени подвижности ударения, в русском языке ударение выполняет как смысловозначительную, так и форморазличительную функцию, например: *зи`ма – `зимушка, `зимний; зи`ма – `зимы*. В английском языке ударение выполняет только смысловозначительную функцию, например: *`increase – in`crease*. Типологической особенностью английского языка является наличие т. н. вторичного ударения в составе многосложных слов (*secondary stress*), например, *,extra`ordinary, ,super`natural*. Наличие вторичного ударения в английском языке связано с особым ритмическим характером английской речи, что обеспечивается четким чередованием ударных и безударных слогов как в слове, так и во фразе. Таким образом, вторичное ударение в английском языке выполняет еще одну важную функцию – ритмообразующую. Это свойство английского ударения следует учитывать при работе над фонетической стороной речи русскоязычных студентов, поскольку вторичное ударение в русском языке встречается значительно реже, чем в английском, например: *`водонепрони`цаемый, `постпере`строечный* и не влияет на ритмическую организацию речи.

Что касается фразового ударения, то здесь мы обнаруживаем гораздо больше сходства, чем различий. В обоих языках фразовое ударение обычно падает на ударный слог последнего знаменательного слова в составе фразы, например: *Don`t ``go there. – He ho``di туда*. При этом следует обратить внимания на то, что в английском языке, в отличие от русского, при наличии двух безударных слогов в конце фразы на первом безударном слоге сохраняется слабое ударение: *I ``didn` ``look`at him. – Я не взгля`нул на него*.

При его использовании в составе предложения для выделения наиболее значимой информации фразовое ударение обычно именуется логическим, или эмфатическим, и используется как важное средство выражения актуального членения предложения, при этом его функционирование как в русском, так и в английском языке фактически не отличается. Характерно, что при выполнении этой функции логическое ударение может использоваться для акцентуации как

знаменательных, так и служебных слов, как, например: *But accidents, he said, `will happen. (A. Christie). As a matter of fact, I `am Dr. Manson (A. J. Cronin).*

Интонация является важной составляющей нашей иноязычной речевой деятельности, и нередко не столько качество звуков, сколько интонация является тем параметром, по которому носители языка судят об аутентичности нашей речи на том или ином языке. Нередко запоминается не столько то, что было сказано, сколько интонация, с которой было произнесено высказывание. Интонация нередко кардинально меняет смысл высказывания, достаточно привести пример, как можно произнести «*молодец!*» так, чтобы из похвалы эта фраза превратилась в порицание.

Интонация включает в себя следующие компоненты: мелодику (движение тона), паузацию, логическое ударение, темп, тембр, вариации и высоту тона. Она может характеризовать как целое предложение, так и его часть (синтагму), т. е. смысловую группу, которая интонационно отделяется от другой части посредством паузы. При этом основным критерием является мелодика, т. е. движение тона, и именно по этому параметру мы будем сопоставлять интонацию в английском и русском языках. И в английском, и в русском языках существует два основных тона: восходящий и нисходящий. Они выполняют важную коммуникативную функцию, позволяя различать коммуникативные типы предложений: повествовательное предложение и специальный вопрос произносятся с нисходящим тоном, а вопросительное (общий вопрос) – с восходящим. В английском языке интонация отличается более резким падением тона, чем в русском. Слабопадающий нисходящий тон, т. н. *low fall* имеет особую функцию: он используется для выражения безразличия: *I'm getting married. – Oh, are you ↗ really?*

В английском языке изменение тона может оказаться достаточным для выражения коммуникативной цели предложения. В т. н. суггестивных вопросах, имеющих не обратный, а прямой порядок слов, единственным маркером коммуникативного намерения говорящего выступает восходящий тон, например: *So you know the ↗ truth?* Основное различие между английским и русским языком в восходящем тоне состоит в типах тона и его движении: в русском языке восходящий тон заканчивается слабым падением на следующем безударном слого *Ты знаешь его?* ↘. Английский чисто восходящий тон не имеет такого добавочного элемента, и высота его вершинного компонента сохраняется во всех последующих безударных слогах: *Have you ↗ been here all these days?*

Как в русском, так и в английском языке интонация принимает участие в выражении эпистемической модальности, т. е. показывает степень уверенности говорящего в достоверности фактов, о которых идет речь, в выражении степени ассертивности высказывания. Например, вторая часть т. н. подтверждающего вопроса (*confirmative question*) может произноситься как с нисходящим, так и восходящим тоном (*You knew it, ↗ didn't you? You knew it, ↘ didn't you?*). Восходящий тон делает высказывание менее ассертивным, что находится в полном соответствии с принципом вежливости, являющимся одним из основных принципов англоязычного коммуникативного стиля. Отказ от предложения звучит в английском более вежливо, если он произносится с повышением тона на последнем слоге, например: *No, ↗ thanks*.

Важное значение при этом имеет и тот факт, что в целом английской речи свойственна более высокая шкала, чем в русском. Именно различие в высоте тона является причиной того, что нередко англоязычная речь русских кажется англичанам недостаточно вежливой и слишком ассертивной.

Английская интонация характеризуется также большей степенью модуляции (особенно британский вариант), использованием сложных тонов в эмоционально-насыщенной речи, таких, как восходяще-нисходящий тон (*rise-fall*), нисходяще-восходящий тон (*fall-rise*) и их сочетания (*rise-fall-rise*), при этом смена тонов может иметь место даже в пределах одного слова, что в целом может придавать высказыванию несколько вычурный характер (так говорили в аристократических салонах). Характерно, что подобные вариации в целом не свойственны для американского варианта английского языка.

Важной типологической характеристикой английской речи является ее ритмическая организация, которая обеспечивается равномерным чередованием ударных и безударных слогов, о чем мы уже говорили при анализе особенностей ударения.

Еще одной важной различительной чертой в сфере интонации является темп речи. Темп английской речи значительно быстрее, чем русской: по некоторым данным, средний темп английской речи – 200-210 слов в минуту, а русской – 120 (при этом следует учитывать, что в английском слова в среднем на 20 % короче, чем в русском и немецком). Громкость также имеет большое значение. Так, американцы заработали во многих странах мира репутацию людей грубых и бесцеремонных, потому что говорят гораздо громче, чем принято в Европе.

Таким образом, проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем английского и русского языков, который

позволил выявить типологические расхождения обоих языков, дает возможность теоретически определить трудности, ожидающие русскоязычных людей в процессе овладения ими фонетическими особенностями английского языка, выявить элементы сходства и различия и выделить те трудности, которые предстоит преодолеть обучающимся при овладении произносительными навыками английского языка.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

4.1. Функция лексикона в языке.

Лексема как основная единица лексического уровня языка.
Основные способы пополнения словарного состава языка.

Как известно, язык выполняет несколько функций. Его основными функциями являются **когнитивная, коммуникативная и номинативная**. Исследователи выделяют также такие функции языка, как **познавательная**, или аккумулятивная, **регулятивная, фатическая, эстетическая, эмоционально-эстетическая и магическая** [Норманн, 1996, с. 50–67]. Номинативная функция, т. е. функция именования предметов и явлений внешнего и внутреннего мира человека, воспринятых и осмысленных его сознанием, является одной из основных функций языка. По выражению Г. Гачева, сотворение мира было, по сути дела, раздачей имен всему сущему. Как отмечал Г. Гадамер, язык есть «всеобъемлющая истолкованность мира, и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке» [Гадамер, 1991, с. 29].

Номинативная функция тесно связана с когнитивной, поскольку номинация явления есть неотъемлемая часть познания. Результатом познания той или иной сущности является формирование концепта как кванта знания, причем знания не об одном конкретном объекте, а о классе объектов, объединенных общностью свойств или признаков. Формируя представление о том или ином явлении, формируя концепт в своем сознании, человек стремится закрепить это знание в слове, в результате концепт, «связанный знаком» [Никитин, 1973, с. 70], становится значением слова. Это означает, что всякий акт номинации представляет собой результат познания, понимания обозначаемой сущности, результат определенного гносеологического усилия. Таким образом, давая название той или иной сущности, человек закрепляет полученное знание об этой сущности при помощи слова. Б. Ю. Норманн приводит следующий пример: известный американский ученый, основатель кибернетики Н. Винер говорил, что деятельность возглавляемой им лаборатории во многом тормозила тот факт,

что они не могли выбрать точное название для данного научного направления. И только когда он придумал название, взяв за основу греческое слово со значением «кормчий, рулевой», и озаглавил свою книгу «Кибернетика» (1947 г.), новая наука стала стремительно развиваться [Норман, 1996, с. 61].

Процесс концептуализации неразрывно связан с процессом категоризации, т. е. подведения всего множества объектов мира под определенные категории, или классы. Совокупность концептов образует концептуальное пространство языка, которое характеризуется многомерностью и служит средством хранения двух основных типов знаний: энциклопедических, или знаний о мире и языковых знаний, т. е. знаний о языке. Это находит отражение в двух типах языковых значений и двух типах языковых категорий: лексических, отражающих онтологию мира и результат его познания, и грамматических, отражающих онтологию языка [Болдырев, 2005, с. 21]. Конечно, подобное разделение весьма условно, поскольку, как подчеркивает М. В. Никитин, жесткой границы между этими двумя типами знаний нет в силу вероятностной природы самих кодифицированных знаний [Никитин, 1988, с. 17]. Так, для осуществления языковой игры со значением слова говорящему нужны не только знания о мире, но и знания о языке, а в т. н. концептуальных грамматических категориях находят свое отражение не только знания о языке, но и знания о мире, поскольку в них отражаются процессы категоризации мира. Например, грамматическая категория числа отражает количественные отношения между однородными предметами окружающего мира, и это находит свое отражение в базовом концепте числа, образующем когнитивную основу грамматической категории числа.

Для процесса коммуникации и функционирования языка в качестве орудия коммуникации одинаково важны оба типа знания. Как отмечает Л. Талми, лексикон языка составляет концептуальное содержание нашей мысли, а грамматика – ее концептуальную рамку, или каркас, «строительные леса» (*scaffolding*) для концептуального содержания, выраженного с помощью слов [Талми, 1999, с. 91, 92].

Совокупность концептов образует концептуальную картину мира как образ мира в нашем сознании, а концептуальная картина мира, репрезентированная языковыми средствами, образует языковую картину мира. Таким образом, лексикон языка образует ту основу, на которой формируется языковая картина мира, именно поэтому он часто именуется «ментальным лексиконом». Поскольку наши знания о мире постоянно пополняются и корректируются, концептуальная картина

мира характеризуется высокой степенью динамизма, что, в свою очередь, находит свое отражение в динамичном характере лексикона. Одни слова выходят из употребления, так как именуемые их реалии теряют свою значимость для жизнедеятельности людей, а на их место приходят новые реалии, формирующие новые концепты, а с ними – и новые слова для имен концептов. Как отмечают исследователи, в сегодняшней языковой картине мира наблюдается переход от т. н. наивной картины мира к более осмысленной, научной, чему способствуют новые технологии, новые открытия во всех областях знания, существование т. н. виртуальной действительности, возможных миров, восприятие которых требует более абстрактного мышления, отличающегося от предметно-познавательного мышления прошлого [Кубрякова, 2004, с. 11, 12]. Лексикон языка также характеризуется открытостью своих границ, результатом чего являются заимствования, которые происходят наиболее интенсивно во время тесного взаимодействия контактирующих культур и трансфера знаний поверх границ культур. Результатом глобализации сегодняшнего мира, происходящей во всех областях деятельности, является формирование транснационального фонда обозначений во многих науках и видах деятельности (ср., например, такие номинации, как *тиар*, *дефолт*, *клон*, *рейтинг*, *кредит* и т. д.) [Кубрякова, 2004, с. 11]. В последние годы, в связи с развитием информационных войн, транснациональный фонд пополнился такими единицами, как *fake news* (*фейковые новости*), *posttruth* (*политическая культура, оторванная от деталей и упирающая на эмоции*).

Итак, лексикон языка выполняет номинативную функцию, именуя с помощью слов и словосочетаний результаты нашего познания мира, и средством номинации является слово (лексема) – основная единица лексического уровня языка, рассматриваемая во всей совокупности своих форм и значений и представляющая собой двустороннюю сущность, имеющую форму и содержание, или значение, отношения между которыми характеризуются значительной степенью подвижности: одна и та же форма может передавать разные значения (омонимия), одно и то же значение может передаваться разными словами (синонимия), одна и та же форма может использоваться для выражения нескольких значений (полисемия). Лексикон языка, как мы уже отмечали, является наиболее динамичной частью языковой системы, он постоянно пополняется новыми единицами, а старые единицы выходят из повседневного употребления. Часть из них становится архаизмами, поэтизмами, историзмами, а некоторые слова вообще выпадают из употребления. Так, сегодня немногие знают значение английского слова *refusenik*,

которое было создано для передачи значения русского слова *отказник*. Данное слово появилось в 70-е годы прошлого века, так называли граждан СССР, которым официальные власти отказывали в выезде в Израиль (*A Jew in the former Soviet Union who was refused permission to emigrate to Israel*) [English Oxford Living Dictionaries].

Любой язык обладает целой системой номинативных средств. Эти средства имеют универсальный характер, а их использование во многом определяется типологическими особенностями языка и носит специфический, идиоэтнический характер. В основу номинации одного и того же предмета реальности в разных языках могут быть положены разные признаки (ср., например, рус. *пылесос* и англ. *vacuum-cleaner*). В основу номинации данного предмета в русском языке положена его функция, а в английском – способ, с помощью которого эта функция осуществляется. Сопоставительный анализ выявляет значительное число случаев, когда близкие по смыслу слова в разных языках различаются объемом семантического пространства, покрываемого ими, в результате чего они отличаются по объему выражаемых ими значений. Так, значения русских лексем *рука* и *нога* шире соответствующих им английских лексем, в результате каждой из этих лексем соответствуют две английские лексемы: *hand* и *arm*; *foot* и *leg*. Это различие в семантическом объеме близких по значению слов может приводить к неточностям при переводе. Так, например, в одной из телепрограмм об Израиле была произнесена следующая фраза: “*If you decide to come to Israel, we will embrace you*”, которая была переведена как: «*Если вы решите приехать в Израиль, мы обнимем вас*». Данная неточность в переводе обусловлена тем, что английское слово *embrace* шире по своему значению, чем русское *обнимать* (ср.: *embrace* – 1) *fold (person etc.) in the arms as sign of affection*; 2) *accept eagerly (offer, opportunity etc.)*) [The Oxford Concise Dictionary]. В приведенном выше предложении глагол *embrace* был употреблен во втором значении, а потому предложение следовало перевести как «*Мы будем рады вас принять*».

Все средства номинации можно условно разделить на внутренние и внешние. К числу внутренних средств относятся: словообразование, переосмысление существующих слов, или т. н. семантическая деривация и словосочетания. К внешним средствам номинации относятся заимствования. Особенность использования этих средств в конкретном языке является его важной типологической чертой. При этом основная роль в определении типологических особенностей языка принадлежит внутренним средствам – словообразованию и переосмыслению значения слова и их соотношению в языке.

Что касается соотношения, то русский язык, будучи языком преимущественно синтетическим, использует больше словообразовательных средств, а английский в большей степени использует переосмысление слов (метафорическое и метонимическое), что приводит к развитию полисемии, которая пронизывает весь лексический состав языка. Например: *ножка стола* – *the leg of a table*; *ушко* (иголки) – *the eye of a needle*; *подножие* (горы) – *the foot of a mountain*.

Кроме того, английский чаще, чем русский, использует словосочетания как для номинации новых реалий, так и для передачи новых оттенков значений, что, по сути дела, отражает присущие ему аналитические тенденции, которые могут находить манифестацию и на лексическом уровне языка. Например: *новорождённый* – *a new-born baby*, *полнолуние* – *a full moon*, *домик* – *a little house*. Таким образом, можно полагать, что в типологическом плане словосочетания во многом выполняют компенсирующую функцию, восполняя ограниченность средств словообразования.

4.2. Сопоставительный анализ словообразовательных систем английского и русского языков

Особенности словообразования, характерные для того или иного языка, во многом зависят от особенностей морфологической структуры слова. Многие слова в английском языке имеют простую морфологическую структуру, являются односложными, в них корень совпадает с основой (английский язык не любит длинных слов), эти слова не имеют специальных частеречных маркеров. В русском языке бо́льшая часть слов является многосложными, в них корень не совпадает с основой, и имеются четкие частеречные показатели. Эти особенности морфологической структуры слова в английском и русском языках обуславливают и продуктивность способов словообразования. В русском языке основным способом словообразования является аффиксация: суффиксация, префиксация и их сочетание, а в английском они оказываются менее продуктивными, чем в русском, но при этом высокой продуктивностью обладает конверсия и словосложение. Это подтверждается с помощью метода типологических индексов – разновидности квантитативного анализа, разработанного Дж. Гринбергом [Гринберг, 1963] и использованного Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1966, с. 98, 99] (более подробно см.: [Аракин, 1979, 219, 220]). Их данные позволяют сделать вывод о том, что в области

лексикона английский язык является менее синтетическим, чем русский, а словосложение имеет бóльшую продуктивность в английском, чем в русском.

Разница в словообразовательном потенциале английских и русских слов подтверждается также сопоставлением лексических парадигм номинации в русском и английском языках. Под лексической парадигмой номинации, вслед за М. Я. Блохом, понимается особый парадигматический словообразовательный ряд, объединяющий существительное, глагол, прилагательное и наречие, образованные от единого корня [Блох, 2002, 75–78]. Выбор этих четырех частей речи объясняется тем, что они относятся к числу т. н. кардинальных частей речи, способных функционировать в синтаксических позициях всех членов предложения. Различие между словообразовательным потенциалом русского и английского языков выявляется наиболее ярко при сопоставлении лексических парадигм номинации в этих языках. Сопоставим лексические парадигмы номинации в русском и английском языках:

русский: *друг – дружить – дружеский – по-дружески*;

английский: *friend – to be friends – friendly – in a friendly way*.

Как видим из сопоставления, в русском языке эта парадигма полная, а в английском в ней имеют место две лакуны вследствие того, что глагольная и адвербиальная лексема не могут быть образованы с помощью словообразовательных суффиксов, а потому на помощь словообразованию приходит лексика, и глагольное значение передается с помощью связочного глагола и прилагательного (в английском языке есть глагол *befriend*, но он имеет несколько иное значение – относиться дружески, способствовать, помогать), а адвербиальное – с помощью лексемы *way*, которая выполняет функцию, аналогичную адвербиальному суффиксу *-ly*.

С другой стороны, отсутствие специальных частеречных маркеров (вследствие отпадения в среднеанглийский период глагольных суффиксов) привело к высокой продуктивности такого способа словообразования, как конверсия, когда образование слова одной части речи от другой происходит путем смены морфологической парадигмы и синтаксической позиции слова. А поскольку морфологическая парадигма есть только у существительного и глагола, то при помощи конверсии образуются преимущественно только существительные и глаголы от любой части речи, включая знаменательные и служебные слова. При этом продуктивность данного способа словообразования в английском языке сегодня настолько высока, что в нее вовлекаются слова не только

простой, но и сложной морфологической структуры, например: *to conference, critique, to captain* etc. Для русского языка конверсия не характерна. В. Д. Аракин полагает, что в случае конверсии английский язык сближается с корнеизолирующими языками [Аракин, 1979, с. 223]. При всем уважении к мнению этого крупного ученого, позволим себе не согласиться с ним в этом вопросе. Мы считаем, что английский язык при этом не приближается к корнеизолирующим языкам, поскольку в словах корнеизолирующих языков нет грамматических суффиксов, выражающих грамматические значения, а в английском они есть, и именно изменение морфологической парадигмы служит средством словообразования при конверсии [Смирницкий, 1953].

В обоих языках широко распространено словосложение, при этом в английском языке индекс словосложения существенно превосходит индекс суффиксации (см. таблицу в [Аракин, 1979, с. 220]). В русском языке две основы обычно соединяются между собой с помощью соединительных морфем (*лед-о-кол*), в английском – слова могут соединяться без таких морфем (*icebreaker*). Словосложение в английском языке является гораздо более продуктивным, чем в русском. Именно поэтому эквивалентами русских существительных, образованных с помощью суффиксов, часто являются английские сложные слова, ср.: *слезинка – a teardrop, росинка – a dewdrop, дождинка – a raindrop*. В значительном числе случаев английское сложное слово является результатом стяжения словосочетания из двух существительных в сложное слово, что можно рассматривать как результат длительного использования существительного во вторичной синтаксической функции, в данном случае атрибутивной [Козлова, 1997, с. 124–130]. Значительное число таких единиц проявляют колебания в орфографии и пишутся то слитно, то раздельно, то через дефис (*life style, life-style, lifestyle*), вследствие чего они получили название «нестойких сложных слов» [Смирницкий, 1956, с. 133, 134].

Говоря о факторах, обуславливающих стяжение словосочетания в одно слово, следует признать, что основным фактором цельюоформленности является семантический, согласно которому изменение формы отражает изменение смысла. Иначе говоря, стяжение словосочетания в одно слово отражает завершение процесса формирования нового значения, которое является результатом интеграции значений опорного существительного и определения к нему, и следствием такой интеграции является возникновение нового значения для именованной новой реалии внешнего или внутреннего мира. Специфика такого рода интеграции состоит в том, что семантика

опорного существительного при этом образует фон, а атрибутивный признак становится ведущим, т. е. образует фигуру. Например, в таких сложных словах, как *seaman*, *sportsman*, *cameraman* основную семантическую нагрузку несет первый компонент (в терминологии компонентного анализа – выражает дифференциальную сему), а второй является показателем принадлежности слова к классу существительных (выражает архисему) и потому в значительной мере подвергается десемантизации: его функциональная нагрузка может быть приравнена к словообразовательному суффиксу (ср.: *a seaman* – *a sailor*). Именно по этой причине второй компонент сложных слов может со временем утрачивать свой статус и превращаться в суффикс, как это произошло с такими суффиксами, как *-dom*, *-hood*, которые когда-то имели статус слова. Сегодня такие компоненты, как *fashion* рассматриваются как полуаффиксы [Marchand, 1960, p. 291, 292] на том основании, что такие словосочетания, как *cowboy fashion*, *whip fashion*, употребляемые как функциональные эквиваленты наречий образа действия, также проявляют тенденцию к стяжению в одно слово и часто пишутся через дефис, например: *He disliked snakes though as a boy he had hunted them to grab them by the tail and snap them whip-fashion* (S. A. Grau). Сказанное позволяет также утверждать, что граница между словосложением и словообразованием является достаточно диффузной.

Нельзя не заметить и тот факт, что словосочетания, построенные по модели *N+N*, подвергаются стяжению в одно слово чаще, чем словосочетания, построенные по другим моделям, что, очевидно, обусловлено фактом транспозиции, приводящей к асимметрии между принадлежностью слова к одной части речи и его функционированием в позиции другой части речи, а стяжение в сложное слово устраняет эту асимметрию.

А поскольку значение представляет собой концепт, репрезентируемый знаком, есть все основания говорить о том, что вариативность орфографии в данном случае отражает процесс становления нового концепта, который формируется в результате интеграции исходного концепта и его признака. Можно полагать, что слияние концепта и его признака в единый концепт и находит свое отражение в орфографии, т. е. приводит к слиянию словосочетания в одно слово, что, в свою очередь, может рассматриваться как результат устранения асимметрии между значением и формой.

Завершая вопрос о месте словосложения в английском и русском языках, особо подчеркнем, что более высокая продуктивность словосложения в английском языке обусловлена внутриязыковыми

причинами. Говорим об этом потому, что в лингвистике, в частности в работах неогумбольдтианцев, была попытка связать это с особенностями миропонимания и мышления. Так, Г. Вейсбергер, отмечая большую продуктивность словосложения в немецком языке по сравнению с французским, считал, что это свидетельствует о более конкретном, наглядном характере немецкого языка и, на этой основе, немецкого мышления по сравнению с французским [Мешков, 1985, с. 153], за что подвергался справедливой критике. Так, О. Д. Мешков, полемизируя с Г. Вейсбергером, сопоставляет два немецких существительных *Blumenhandlung* – *цветочный магазин* и *Bäckerei* – *булочная* и задает вполне резонный вопрос: следуя данной логике мышления, не кажется ли странным колебание уровня мышления у одного и того же народа? [Мешков, 1985, с. 153, 154]. Нам представляется, что основным фактором, определяющим выбор способа словообразования, являются структурные типологические особенности языков: чем выше степень синтетичности языков, тем больше арсенал морфологических средств словопроизводства, и, наоборот, чем меньше арсенал словообразовательных аффиксов, тем чаще язык использует словосложение, а результатом всегда является то, что на любом языке можно все сказать, т. е. найти адекватный способ выражения мысли.

Таким образом, мы можем заключить, что английский и русский языки имеют одинаковый набор внутренних средств номинации, но используются эти средства по-разному, что обусловлено типологическими особенностями языков. Русский язык для передачи нового значения относительно часто прибегает к созданию нового слова, а английский язык – к использованию существующих слов в новых значениях, что приводит к развитию полисемии. Английский язык как язык менее синтетический, чем русский, обладает менее богатым словообразовательным потенциалом, чем русский язык, поэтому многие значения, передаваемые в русском языке с помощью словообразовательных морфем, выражаются в английском языке аналитически, с помощью словосочетаний, которые с течением времени могут стягиваться в сложное слово, отражая завершение процесса формирования единого концепта. Простота морфологической структуры многих английских слов и отсутствие частеречных маркеров в морфологической структуре многих английских слов обуславливает высокую продуктивность конверсии в английском языке.

4.3. Сопоставительный анализ семантики слов в английском и русском языках

Говоря о сопоставительном анализе семантики слов, необходимо выделить те параметры, по которым следует проводить сопоставление. Прежде всего, отметим тесную связь между морфологической структурой слова, типичными способами словообразования и особенностями семантики. Вслед за В. Г. Гаком мы выделяем следующие параметры: мотивированность слова, характер отношений между формой и значением и обусловленные этим полисемия, омонимия, синонимия и десемантизация [Гак, 1989, с. 238–245].

Степень мотивированности семантики слова, прежде всего, обусловлена его морфологической структурой, поскольку мотивированность – это смысловые отношения между компонентами слова (*read-er*). Исходя из этого, можно заключить, что в русском языке степень мотивированности выше, чем в английском за счет высокой продуктивности аффиксации (*пере-дум-ать, при-близ-ить-ся*). В то же время можно констатировать достаточно высокую мотивированность семантики английских слов, образованных путем конверсии, а также в случаях метафорических и метонимических переносов (последнее верно как для русского, так и для английского языка).

Что касается отношений между формой и содержанием, то английскому языку более, чем русскому, свойственна омонимия, что в историческом плане обусловлено отпадением глагольных окончаний в среднеанглийский период, и, вследствие этого, высокой производностью конверсии в современном английском языке, результатом которой является межчастеречная омонимия (*an eye – to eye, a pilot – to pilot, a comb – to comb, etc.*).

Как мы уже отмечали, для русского языка более характерна передача новых значений посредством образования нового слова, для чего существуют богатые словообразовательные возможности всех частей речи, а для английского языка более характерно расширение значения исходного слова за счет метафорических и метонимических переносов, следствием чего является более широкое, чем в русском, распространение полисемии. Ср.: *ушко иголки – the eye of a needle; устье реки – the mouth of a river.*

Еще одной типологической особенностью английского языка в области семантики глагольных лексем является т. н. ингерентный способ выражения значения, т. е. наличие в семантической структуре глагола семантических компонентов, не имеющих формальных показателей.

Это касается большого числа т. н. адвербиальных глаголов, содержащих в своей семантической структуре компонент «образ действия», что выявляется при анализе их словарных дефиниций, ср.: *to stride – to walk with long steps, to glare – to look fixedly or fiercely*. Подобные глаголы есть и в русском языке, но в значительно меньшем количестве, что позволяет исследователям считать подобный способ выражения образа действия характерной типологической особенностью английского языка [Ungerer & Schmid, 1996, p. 236]. Данную особенность следует учитывать при переводе подобных глаголов на русский язык, поскольку она требует введения дополнительных слов, т. е. адгерентной представленности образа действия. Ср.: *He glared at us – Он свирепо посмотрел на нас*.

Синонимия имеет широкое распространение как в русском, так и в английском языке. Большое количество синонимов свидетельствует о богатстве лексического состава языка. Имеется много общего и в основных закономерностях формирования синонимических отношений в сравниваемых языках. Так, одним из источников синонимии являются заимствования. В английском языке в сфере глагола синонимия создается также за счет образования глаголов с помощью послелогов, в результате чего устанавливаются отношения функциональной синонимии между глаголами, образованными с помощью аффиксации и глаголами с послелогом, при этом глагол с послелогом является более разговорным. Ср.: *to reconcile – to make up, to compensate – to make up for, to organize – to set up, to soothe – to cheer up*.

Десемантизация представляет собой языковое явление, которое выполняет в языке важные функции: она служит для создания аналитических форм и служит средством синтаксической связи. С учетом того, что английский язык является гораздо более аналитическим, чем русский, десемантизация в грамматической системе английского языка играет значительно бóльшую роль, чем в русском. При этом следует помнить, что выражение грамматических значений с помощью аналитических форм являются не только фактом истории, а имеют место и в настоящее время, на что указывает наличие т. н. полуаналитических форм, таких, как *to be going* (*He is going to lose his job; It's going to rain*). Явление десемантизации имеет место и в сфере фразеологии, когда в составе фразеологического выражения встречается слово, которое уже не употребляется самостоятельно, т. е. утратило свое исходное значение (*Ни зги не видно; попал как кур в ощип; to and fro, hither and thither*). По мнению специалистов, число таких случаев десемантизации в русском языке значительно выше, чем в английском.

4.4. Отражение культурно-специфического в лексиконе языка

Метафорическое определение языка как зеркала культуры предполагает, что в языковых единицах различных уровней находят отражение и своеобразное преломление особенности мировосприятия этноса, национальные культурные ценности и особенности менталитета лингвокультурного сообщества, говорящего на том или ином языке. Принимая подобную точку зрения, необходимо также учитывать тот факт, что специфика культуры находит различные формы своей манифестации в разных единицах языка, и единицы разных языковых уровней обладают разной степенью культурной чувствительности.

Несомненно, что наибольшей степенью культурной чувствительности обладают лексикон языка и его фразеологический фонд. Не случаен тот факт, что именно с фразеологии началось изучение языка в лингвокультурологическом ракурсе. Как отмечает В. Н. Телия, фразеологический состав языка представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9].

Как лексикон языка, так и его фразеологический фонд являются своего рода «картой», на которой находят свое отражение особенности географического положения и ландшафта, климата и основного рода занятий людей, относящихся к той или иной нации, и, как следствие этого, – значимость тех или иных концептов и их место в ценностной картине мира, являющейся компонентом концептуальной картины мира. Как подчеркивает Т. Г. Пшенкина, фразеология языка отражает и фиксирует формирование культурных стереотипов, так как в языке закрепляются и фразеологизируются именно те единицы, которые связаны с национально-культурными эталонами, стереотипами, мифологемами и, таким образом, несут на себе отпечаток менталитета нации [Пшенкина, 1998, с. 66].

Так, например, сравнение английского фразеологизма *“It never rains but pours”* с наиболее близким русским эквивалентом *«Пришла беда – отворяй ворота»* наглядно демонстрирует разные источники формирования значений близких по смыслу фразеологизмов, обусловленных различием культур. Островное положение Великобритании, ее былой статус крупнейшей морской державы не могли не найти своего отражения в языке: в английском языке имеется большое число фразеологических выражений, связанных с морской тематикой, которые обладают высокой частотностью употребления в

современном языке. Например: *She looked from Daidra to Thomas and seemed to be testing the waters between them* (E. George).

It was also that he'd dined at her home the previous night and if they wanted to keep matters on an even keel, then it was his turn to provide a meal for her (E. George).

Сопоставление конвенциональных сравнений в различных языках также позволяет увидеть существенные различия в выборе реалий, служащих эталоном того или иного качества в разных лингвокультурных сообществах (ср.: *тощий как щепка* (русский язык), *как высохшая цикада* (вьетнамский), *как скелет комара* (японский), *как лестница* (туркменский), *как бенберийский сыр* (английский) [Пищальникова, 2007, с. 95].

Сопоставительный анализ фразеологизмов с позиций этнолингвистики позволяет исследователям сделать вывод, что во фразеологическом фонде языка находит свою репрезентацию предметная область культуры, в результате чего культурные смыслы находят свое воплощение в языковых сущностях, что позволяет рассматривать фразеологизм как «свернутый текст многослойного культурного знания» [Ковшова, 2006, с. 151].

Как отмечает Т. Г. Пшенкина, фразеологизмы отражают все сферы нашей жизни и относятся к числу т. н. «вечных образов», что обусловлено краткостью и емкостью содержащегося в них смысла [Добричев, Козлова, Пшенкина, 2013, с. 81]. При этом следует также учитывать тот факт, что фразеологический фонд языка является своего рода хранилищем, в котором отражается не столько современное состояние культуры и содержание определенных концептов, стоящих за фразеологизмом, сколько их содержание в ту историческую эпоху, в контексте которой появился тот или иной фразеологизм. В этой связи фразеологизмы могут и должны служить тем фактологическим материалом, по которому можно изучать эволюцию тех или иных концептов как в рамках одной культуры, так и поверх границ культур. Так, например, известная русская пословица «*Курица – не птица, баба – не человек*» отражает положение женщины в определенную историческую эпоху, а не ее положение в современном российском обществе.

Лексикон языка, напротив, фиксирует не только прошлое, но и настоящее языка и культуры, моментально откликаясь на необходимость именовать новые реалии или давать вторичные наименования старым. Значимость того или иного концепта и стоящей за ним реалии той или иной культуры обуславливают его «лексическую проработанность»,

т. е. наличие множества его именовании в языке. Так, например, в эскимосском языке имеется несколько слов для именовании моржа, «пребывающего в различных состояниях»: *аргуг` ак` – морж, плывущий к западу*; *к` аврык – морж, плывущий к северу*; *к` авалыг` рак` – морж, спящий на воде*. В языках многих народов Севера нет лексем для номинации оттенков красного и зеленого цветов, но при этом имеется много названий для оттенков белого.

И, напротив, если концепт и стоящая за ним реалья не играют значительной роли в культуре этноса, они не находят подробного картирования в языке. Лингвисты приводят многочисленные примеры, подтверждающие этот тезис. Так, Б. Ю. Норман пишет о том, что в языке племени *тасадау*, живущем в полной изоляции от остального мира на одном из островов Филиппинского архипелага, отсутствуют слова со значением «враг», «война», «ненавидеть». Подобное отсутствие объясняется тем фактом, что члены этого племени, как свидетельствуют наблюдения, научились жить в полной гармонии не только с природой, но и с самими собой, а потому данные концепты, не являясь для них актуальными, не получили именовании в их языке [Норманн, 1996, с. 58, 59].

Специфика культуры имеет различные формы своей манифестации в лексиконе языка. Во-первых, она находит свое отражение в том, что в основу именовании одних и тех же реалий в разных языках могут быть положены разные признаки, что связано с условиями проживания этносов, родом их деятельности, климатическими и географическими условиями и т. д. Так, Клод Ажеж пишет о том, что в языке пулуват (Микронезия) и в хинди буквальное значение слова *жена* – «та, что дома», даже если она работает вне дома; а в языке вунамбал (Австралия) глагол *пить* буквально означает «пойти пить», что отражает то далекое время, когда вслед за поеданием сухой пищи люди отправлялись к ручью, чтобы напиться [Ажеж, 2003, с. 51]. И хотя сегодня эти языковые единицы утратили свою мотивированность, их этимологический анализ показывает, что в основу их номинации положены определенные культурные факты из жизни того или иного этноса. Изменения, происходящие в той или иной культуре, находят свое отражение в средствах номинации. Примером могут служить те многочисленные изменения в номинациях, которые появились в связи с феминистским движением и толерантностью – т. н. политкорректная лексика типа *chairperson*, *physically-challenged* и т. п.

Во-вторых, специфика той или иной культуры находит отражение в именовании предметов и явлений, характерных только для

определенного этноса и не имеющих аналогов в других культурах, что приводит к существованию т. н. слов-реалий типа русского *самовар*, итальянского *пицца*, польского *бигус* и т. п. Подобные реалии служат своеобразными материальными знаками культуры наряду с историческими достопримечательностями, памятниками и т. п. Как отмечают исследователи, подобные лексические единицы указывают на уникальность именуемого ими концепта, что приводит к созданию когнитивной, а, следовательно, и лексической лакунарности, а потому неизбежно создает трудности при переводе. Поэтому при переводе используется либо описательный перевод, либо калькирование. Характерно, что, как отмечает С. А. Добричев, диапазон культурно-маркированных единиц языка оказывается достаточно широк, и они существуют даже в такой достаточно закрытой подсистеме лексикона, как терминология, что проявляется особенно ярко в юридической термосистеме [Добричев, Козлова, Пшенкина, 2013, с. 70–73]).

К этой же группе можно отнести слова, именующие реалии внутреннего мира, т. е. ключевые культурные концепты. Подобные единицы получили название ключевых слов культуры [Wierzbicka, 1997]. Традиционно к ключевым словам русской культуры исследователи относят такие единицы, как *судьба, душа, авось, тоска*; специфику немецкого менталитета точнее всего отражает слово *Ordnung*, британской культуры – *fair play, fact, evidence, reasonable, bias, impartial, commitment, compromise, opportunity, efficiency, presumably, alleged, exactly, precisely, really* [Wierzbicka, 2006, p. 10–17], американской – *challenge, privacy, community, competitive, goal-oriented, achiever*. Говоря о частотности вышеперечисленных слов в английском языке, Анна Вежбицка отмечает, что, хотя они употребляются носителями языка почти автоматически, в них содержится огромное число исторических сведений (*a wealth of history*), связанных с культурным наследием британской нации [Wierzbicka, 2006, p. 10, 11].

В-третьих, слова, именующие одни и те же концепты, могут отличаться по своему семантическому содержанию и объему, что, в свою очередь, свидетельствует о различиях в содержании и объеме концептов, именуемых данными словами. В качестве примера можно привести слова *счастье* и *happiness* и стоящие за ними концепты в русской и американской культурах. Как показывают специальные исследования, данный лингвокультурный концепт имеет сложную структуру и включает целый ряд компонентов, проецируемых в семантику слов – имен концепта и их производных [Воркачёв, 2004]. Как показывает анализ словарей, лексема *счастье*

включает такие компоненты, как 1) *участь, доля, судьба*, 2) *успех, удача*, 3) *душевное состояние* (производное от 1 и 2). В семантике производного прилагательного *счастливый* содержатся значения всех трех семантических компонентов имени *счастье*: *счастливый* – это тот, у кого благополучно складывается судьба; тот, кому сопутствует удача и тот, кто испытывает счастье. Как показывают наблюдения над употреблением данной лексемы, в русском языке наиболее частотным является ее употребление в значении *душевное состояние*, причем его причиной часто является удовлетворение не столько материальных, сколько духовных, эмоциональных потребностей. Как было отмечено в одном интервью, нельзя же испытывать настоящее счастье только от того, что ты заработал миллион.

В английском языке лексема *happiness* включает еще один семантический компонент *удовлетворение*, которого нет в семантической структуре русской лексемы (подробнее см. [Уженцева, 2014, с. 11]). Этот же компонент присутствует в семантике прилагательного *happy*. Так, в американской университетской аудитории после ответа на вопрос можно часто услышать фразу *Are happy about my answer?*, в которой реализуется значение *satisfied*. Причины подобных семантических различий следует искать в области культурных ценностей, в том представлении о счастье, которое исторически сформировалось в данных лингвокультурных сообществах.

Подобные различия можно проследить между такими лексическими единицами, как *друг* и *friend*, *свобода* и *freedom*, *совесть* и *conscience*, *mind* и *ум* и т. п. Как считает Е. Г. Беляевская, различия в семантическом объеме подобных лексем обусловлены различиями, выявляемыми в их концептуальной внутренней форме, под которой автор понимает «схематизированное представление, которое структурирует признаки обозначаемого, выделяя наиболее важные вершинные признаки на фоне других, менее важных для обозначения, признаков» [Беляевская, 2007, с. 48]. Именно в концептуальной внутренней форме содержится культурно-специфичная информация, которая и обуславливает различия в семантике подобных лексем в разных языках.

Различия в семантическом объеме подобных слов, манифестирующие различия в объеме и содержании называемых ими концептов, зачастую ведут к трудностям в выборе наиболее точного иноязычного эквивалента. Нередко естественные билингвы, интуитивно ощущая различия в семантическом объеме подобных слов, предпочитают перейти на родной язык, поскольку слово второго языка неточно передает смысл концепта, сформированного в рамках родной культуры и именуемого

словом родного языка. Приведем пример подобного употребления: *My table was from my family and was of a very fragrant red wood, not what you call rosewood, but hong mu, which is so fine that there's no English word for it* (Amy Tan).

Еще один способ кодирования культурной информации в семантике лексических единиц заключается в наличии в лексическом значении т. н. «культурной коннотации», под которой понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214]. Подчеркивая опасность незнания культурных коннотаций в межкультурной коммуникации, незнания, которое может привести к непониманию и даже конфликту, С. Г. Тер-Минасова прибегает к метафоре оружия и говорит о том, что культурные коннотации представляют собой изысканный вид оружия (из выступления на конференции в Томском государственном университете в 2006 году). Многочисленные примеры социокультурных коннотаций, содержащихся в зоонимах и цветообозначениях, анализируются в книге С. Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур» [Тер-Минасова, 2007, с. 148–163].

Ярким примером различий в культурной коннотации может служить английское прилагательное *ambitious* и его русский эквивалент *амбициозный*. Английское прилагательное имеет положительные коннотации, а его русский эквивалент до недавнего времени имел отрицательные коннотации. Причины подобных различий кроются в особенностях культуры и культурных ценностей. В деятельностном и маскулинном типе культуры, к которому относятся американская и британская культуры, поощряется соревновательность, стремление к успеху, что и обуславливает наличие положительных коннотаций в прилагательном *ambitious*. Русская культура традиционно относится к культурам бытия, в основе которых лежит желание не столько изменить мир, сколько осознать свое место в нем, а также феминным культурам, которым свойственна низкая степень соревновательности и стремления к личному успеху и благополучию, что и объясняет наличие отрицательных коннотаций в прилагательном *амбициозный*. Вместе с тем следует признать, что изменения в социальном строе и менталитете людей, произошедшие в последние десятилетия, привели к изменению культурных коннотаций в данном прилагательном. Большинство представителей молодого поколения россиян относят амбициозность, стремление к успеху, соревновательность к положительным качествам личности, а потому производное прилагательное лишается отрицательных коннотаций.

Культурный опыт человека, запас его знаний и эмоциональных переживаний, зачастую связанный с произведениями искусства, способствует формированию т. н. эмоциональной ауры слова (термин Д. С. Лихачёва [Лихачёв, 1997]), точнее, эмоционально-ассоциативной ауры, т. е. того комплекса эмоций и ассоциаций, связанных со стоящим за словом концептом, которые хранятся в сознании/памяти индивида и актуализируются при встрече со словом, именующим концепт.

Эмоционально-ассоциативная аура слова представляет собой особый вид культурных коннотаций, существенно отличающихся от коннотаций, рассмотренных выше. Мы усматриваем это различие в том, что коннотации относятся к сфере языковой семантики, а потому могут фиксироваться словарями. Эмоционально-ассоциативная аура – это тот комплекс эмоций и ассоциаций, который индуцируется словом в сознании, но он относится не к самому значению слова, а к стоящему за словом концепту, а потому и не находит отражения в словарных дефинициях или сопровождающих дефиниции словарных пометах.

Особая роль в создании такой ауры, несомненно, принадлежит мастерам искусства и литературы, т. е. «высокой культуре». Так, например, слова и сочетания типа *мимолётное виденье*, *берёза*, *рябина* или *калина красная* не имеют коннотаций, отраженных в словарях, но обладают мощной эмоционально-ассоциативной аурой в русскоязычной культуре, поскольку они связаны с именами и судьбами А. Пушкина, С. Есенина, М. Цветаевой и В. Шукшина. В данном случае можно скорее говорить о феномене прецедентности, который участвует в формировании эмоционально-ассоциативной ауры слов и образует особого рода культурные коннотации (более подробно об эмоционально-ассоциативной ауре слова см.: [Козлова, 2007]).

Таким образом, сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что особенности культуры и менталитета нации могут находить различные способы своей репрезентации в лексиконе языка и его фразеологическом фонде.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

5.1. Сопоставительный анализ частеречного состава английского и русского языков. Роль этнокультурного фактора в типологических особенностях частей речи.

Как мы уже отмечали в предыдущей главе, лексикон языка составляет концептуальное содержание нашей мысли, а грамматика – ее концептуальную рамку, или каркас, «строительные леса» (scaffolding) для концептуального содержания, выраженного с помощью слов [Талми, 1999, с. 91, 92]. Назначение лексикона состоит в том, чтобы именовать предметы нашей мысли, а назначение грамматики – в том, чтобы оформить нашу мысль в процессе построения высказывания, придать ей определенную форму в соответствии с грамматическими нормами конкретного языка. Таким образом, грамматика выполняет функцию оформления мысли в соответствии со структурными особенностями и арсеналом грамматических средств конкретного языка. Исходя из этого, можно полагать, что именно грамматика создает тот особый «покрой» языка, отличающий его от других языков, о котором говорил Э. Сепир [Сепир, 1993, р. 117].

Грамматика включает в себя две части: морфологию и синтаксис. Морфология – это раздел грамматики, который изучает части речи, их грамматические категории и типы формоизменения слов для выражения грамматических значений. Основной единицей морфологического уровня языка является **морфема – мельчайшая значимая единица языка**. По выполняемой ими функции морфемы разделяются на два типа: знаменательные (корневые), выражающие лексическое значение, и служебные, которые подразделяются на словообразовательные, или деривационные (аффиксы), и словоизменятельные, или формообразовательные (флекси, или окончания). Мы уже отмечали ранее, что и английский, и русский относятся к языкам флективного типа, но при этом значительно отличаются друг от друга в том плане,

что для русского языка характерен преимущественно синтетический способ выражения грамматических значений, т. е. с помощью флексий, а для английского языка – аналитический, т. е. с помощью служебных слов, а также с помощью позиции слова в предложении, что сближает английский язык с языками аморфного, или корнеизолирующего типа. Как отмечает И. В. Шапошникова, в своем историческом развитии английский язык претерпел существенную структурную перестройку от «неяркого флективного и синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему неяркие черты корнеизоляции и агглютинации» [Шапошникова, 2003, с. 24].

Поскольку объектом изучения морфологии являются части речи, их грамматические категории и способы выражения грамматических значений, которые лежат в основе этих категорий, целесообразно проводить сопоставительный анализ морфологического строя языков по этим параметрам, учитывая при этом как их системные, так и их функциональные характеристики.

Весь концептуальный материал, «пропущенный» через концептуальный каркас, находит свою репрезентацию, прежде всего, в системе частей речи, поскольку слово может принимать участие в оформлении мысли, только получив определенное частеречное оформление. Именно поэтому части речи нередко рассматриваются как своеобразные формальные ярлыки, или шаблоны, по которым оформляется в процессе вербализации мысли наш опыт освоения мира.

Говоря о частях речи, Э. Сепир отмечал следующее: «Наша условная классификация слов по частям речи есть лишь смутное, колеблющееся приближение к последовательно разработанному инвентарю опыта. <...> Часть речи отражает не столько наш интуитивный анализ действительности, сколько нашу способность упорядочивать эту действительность в многообразные формальные шаблоны» [Сепир, 1993, с. 114–116]. В этом понимании, по сути дела, уже содержится указание на тот факт, что части речи отражают когнитивную деятельность человека по концептуализации и категоризации мира, что нашло дальнейшее развитие в когнитивной лингвистике.

Рассматриваемые в когнитивном ракурсе, части речи представляют собой «векторы внутреннего лексикона», по которым проходит языковая репрезентация концептов как оперативных единиц сознания, или квантов знания. В рамках когнитивного подхода к частям речи, развиваемого в отечественной версии когнитивной лингвистики Е. С. Кубряковой и ее научной школой [Кубрякова, 1996, 2004; Афанасьева, 1992 и др.], **части речи предстают как особые когнитивно-дискурсивные образования,**

в которых реализуются две основные функции языка: когнитивная и коммуникативная. Когнитивная функция находит свое отражение в том, что вербализуемые концепты репрезентируют содержание кванта информации о мире, т. е. определенную когнитивную структуру, а коммуникативная функция реализуется в том, что в процессе своей вербализации концепт получает то частеречное оформление, которое необходимо для его вхождения в определенную позицию в предложении, т. е. для участия в дискурсивной деятельности говорящего. Части речи представляют собой основные узлы того концептуального каркаса, по которым происходит структурное оформление мысли в процессе речемыслительной деятельности. Сам процесс выделения частей речи и их дальнейшая дифференциация является следствием классификационно-познавательной деятельности человека, осуществляемой посредством концептуализации и категоризации получаемых знаний.

Рассматриваемые в системоцентрическом аспекте, части речи представляют собой лексико-грамматические классы слов, выделяемые на основе общности их семантических (общекатегориальные значения типа «предметность», «действие», «признак», «признак признака» и т. д.), морфологических (словообразовательных и словоизменительных) и синтаксических (позиция в предложении и сочетаемость с другими словами) признаков. Подчеркнем, что системоцентрический и когнитивный подход к частям речи не противоречат друг другу, а, напротив, когнитивный подход позволяет выявить глубинные основания частеречной системы, их соотнесенность с процессами концептуализации и категоризации, со структурами знания.

Части речи, как мы уже отмечали, являются универсалией, а их число и значимость того или иного критерия их выделения варьируются от языка к языку и зависят от конкретных типологических особенностей языка, а также факторов этнокультурного характера, обуславливающих предпочтения в частотности их употребления в том или ином языке. В языках флективного типа с богатой словообразовательной системой и четкими маркерами частеречной принадлежности слова, а также большим арсеналом словоизменительных суффиксов морфологический критерий имеет гораздо большую значимость, чем синтаксический, и зачастую он оказывается достаточным для частеречной идентификации слова. Так, например, в работе В. В. Виноградова при описании частей речи отводится значительное место их словообразовательному потенциалу [Виноградов, 1972, с. 46–520]. В известной классификации частей речи русского языка, разработанной Ф. Ф. Фортунатовым,

части речи делятся на изменяемые и неизменяемые, а изменяемые подразделяются на склоняемые – существительные и прилагательные, и спрягаемые – глагол [Фортуатов, 1900, с. 88, 238], т. е. основным критерием является наличие/отсутствие и характер формоизменения.

В английском языке значим как морфологический, так и синтаксический критерий в частеречной классификации. Для слов, имеющих четкие частеречные маркеры, морфологический критерий оказывается достаточным: даже не зная значения таких слов, как, например, *transmogrify* (превращать или видоизменять причудливым образом) и *transmogrification*, мы можем без труда определить по их суффиксам, что первое является глаголом, а второе – существительным. Но для одноморфемных слов, а таких в английском языке очень много, определить их частеречную принадлежность можно только по их синтаксической позиции в предложении. Например: *Her eyes were ocean-blue. He always eyes people with suspicion.* Частое отсутствие четких частеречных маркеров в английском языке, наличие большого числа одноморфемных слов (это – системный аспект) обуславливает еще одну важную типологическую особенность английского языка, а именно высокую степень синтаксической мобильности частей речи, их способность употребляться во вторичных синтаксических функциях, т. е. транспонироваться в синтаксическую сферу других частей речи, оставаясь при этом в границах своего класса. Этот процесс получил название синтаксической, или функциональной, транспозиции (подробнее см. [Козлова, 1997, с. 32–55]). Например:

1. *Being in no haste, Indian fashion, he hunted his dinner in the course of the day's travel (J. London).*

2. *A noonday hush fell (G. Greene).*

3. *You dance a treat (J. Galsworthy).*

4. *“Harry”, the woman said in her supermarket voice (I. Shaw).*

Синтаксическая транспозиция выполняет в английском языке две важные функции: компенсирующую и экспрессивную. Суть первой функции заключается в том, что транспозиция восполняет в составе части речи отсутствие той или иной лексемы, обусловленное определенными ограничениями в области словообразования (примеры 1, 2). Экспрессивная функция реализуется в тех случаях, когда транспонированное слово является более выразительным по сравнению с конвенциональным средством передачи этого же значения (примеры 3, 4).

Общий состав, т. е. номенклатура, частей речи в английском и русском языках в основном совпадают, за исключением того факта,

что в английском языке существует дополнительная служебная часть речи – артикль. Оппозиция определенного, неопределенного и нулевого артиклей конституирует грамматическую категорию детерминации (определенности/неопределенности).

Разные языки могут по-разному оформлять одни и те же концепты, что находит свое отражение в разном объеме частей речи в различных языках. Так, разграничение существительного и глагола является универсалией, поскольку существительные называют предмет мысли, а глаголы атрибутируют предмету мысли тот или иной признак. Наличие глагола связано с актом предикации, без которого не может состояться высказывание. Говоря об универсальном характере этих двух частей речи, Э. Сепир писал: «Какой бы неуловимый характер ни носило в отдельных случаях разграничение имени и глагола, нет такого языка, который вовсе бы пренебрегал их различием. Иначе обстоит дело с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является абсолютно необходимой» [Сепир, 1993, с. 116]. Наличие прилагательного в системе частей речи не является универсалией: в большинстве западноевропейских языков признаковые слова оформлены в самостоятельный класс слов – прилагательные, а во вьетнамском и китайском языках прилагательные и глаголы не имеют формальных морфологических разграничений и получают такие разграничения только на основе синтаксической позиции, которая позволяет определить, какой признак выражает слово – динамический или статический. В языках банту, как отмечает Г. Ветцер, признаковые слова также не образуют отдельного класса слов, а распределены между двумя полярными классами: существительными и глаголами [Wetzer, 1995, p. 44].

Вместе с тем, даже представляя языковую универсалию, существительное и глагол различаются по своим количественным параметрам и частотности функционирования в разных языках: одни языки отличаются большей «любовью» к номинативному оформлению мысли, другие – тяготеют к ее глагольному оформлению. Английский язык, по мнению многих исследователей, отличается большей степенью номинативности в сопоставлении с русским. Номинативность английского языка увеличивается также за счет существования и высокой частотности употребления герундия – неличной формы глагола, совмещающей в себе морфологические признаки глагола с синтаксическими признаками существительного и нередко используемой в тех случаях, когда на модель образования существительных накладываются различные ограничения структурного или семантического характера.

Большая степень номинативности английского языка становится наиболее выпуклой при сопоставлении текстов оригинала и переводов, когда переводчику нередко приходится использовать частеречные замены. Приведем пример. *I thought I would have a bath and a glass of sherry, a quiet dinner in the grill and an early bed-time* (G. Greene) – Я подумал, что приму ванну, выпью бокал хереса, спокойно поужинаю в гриль-баре и рано лягу спать.

Сегодня, обращаясь к этой типологической характеристике английского языка, исследователи пытаются объяснить это свойство с позиций специфики мировосприятия, т. е. в этнокультурном ракурсе. Говоря о тенденции английского языка к номинативности, С. Поттер пишет: *“Our Western civilization... favours an overdevelopment of the intellect at the expense of emotions. This is why people prefer nouns to verbs. They suffer from what the Germans call ‘noun disease’”* (цит. по: [Джиоева, 1995, с. 42]).

А. А. Джиоева, отмечая тенденцию английского языка к именным способам представления мысли, высказывает мысль о том, что номинативность представляет собой «еще одно проявление действия этносоциокультурного фактора в мыслительных процессах человека и в их языковой репрезентации» [Джиоева, 2004, с. 94].

В чем заключается действие этносоциокультурного фактора? Мы полагаем, что тенденция к номинативному представлению мысли, прежде всего, обусловлена исторически сформировавшимся в рамках британской культуры уважением к факту и научной точности (ср. характеристику английского этнического характера, которую давал в своей работе П. Гриаже [Grieger, 1961, p. 279–280]). Как отмечает А. Вежбицка, идеалом английской речи, сформировавшейся в течение всего периода развития английского языка, является речь, обладающая следующими характеристиками: она должна быть рациональной, лишенной эмоций, основанной на фактах, ясной и точной [Wierzbicka, 2006, p. 30]. Именно приверженность фактам и точность в их изложении, культивируемые в британской культуре общения на протяжении нескольких веков и унаследованные американской и другими англоязычными культурами, способствовали тому, что в английском языке вырабатывались средства, позволяющие выражать мысль кратко, точно и ясно. Развитие английского языка, прежде всего, как языка науки, требующего точного, ясного и компактного изложения мысли, свободного от эмоций, способствовало формированию таких характеристик языка, как тенденция к номинативности, поскольку именно существительное является тем классом слов, который служит

для осуществления категоризации всего многообразия предметов окружающего нас мира, для номинации новых явлений, открываемых человеком, и для именованя продуктов его труда.

Очевидно, именно этим можно объяснить особую «любовь» английского языка к именным способам оформления мысли. Именно приверженность фактам связана с необходимостью четкой классификации всего многообразия предметов окружающей действительности, а классификация требует именованя выделяемых классов, в первую очередь существительных, что и лежит в основе развития номинативных тенденций английского языка. В дальнейшем этот фактор, как и многие другие, может «технизироваться», т. е. восприниматься как чисто структурная типологическая особенность языка, однако в его исторической основе лежат причины этнокультурного характера.

Русский язык, по сравнению с английским, в функциональном плане обладает большей степенью глагольности. При этом обращает на себя внимание наличие в русском языке глаголов, передающих не значение действия, которое является прототипическим для глагола, а значение эмоционального состояния. Это такие глаголы, как *волноваться, гневаться, негодовать, нервничать, переживать, сердиться, скучать, томиться, тосковать, унывать, хандрить* и т. д. Как особо подчеркивает А. Вежицка, данная культурно-значимая семантическая область, получившая подробное картирование в русском языке, наиболее четко демонстрирует значимость эмоционального начала, импрессионистический характер русского этноса [Wierzbicka, 1988, p. 254].

В английском языке, напротив, число глаголов, именующих эмоциональные состояния, относительно невелико по сравнению с русским, что обусловлено сложившимися в британской культуре правилами сдерживать свои эмоции, не выражать их открыто в обществе. В британской культуре считается дурным тоном показывать свое эмоциональное состояние другим, в чем находит отражение как идеал сильного человека, умеющего управлять своими эмоциями, так и уважение к окружающим, стремление не навязывать им свои личные проблемы, с которыми сильный человек в состоянии справиться сам (вспомним знаменитое киплингское “*If*”, воспевающее сильную личность, умеющую управлять своими чувствами). Это такие глаголы, как *sulk, fret, fume, rave*, при этом значительная часть подобных глаголов имеет отрицательные коннотации, которые культурно обусловлены. Ср. дефиниции таких глаголов: *sulk – maintain an attitude of ill-humored reserve* [New Webster’s Dictionary of the English Language, p. 1534].

Соответствующее эмоциональное состояние, как правило, передается английским прилагательным, которое «оглаголивается» с помощью связочного глагола *be* (*to be sad, to be homesick*). Наибольшая степень такого «оглаголивания» выявляется в тех случаях, когда глагол *be* функционирует в форме длительного вида, приобретая значение «вести себя определенным образом, проявляя качества, называемые прилагательным». Приведем пример: *Rennie decided that she was being silly and possibly neurotic as well* (M. Atwood). Подобные культурные различия проецируются и в значение этнонимов, которые, как известно, аккумулируют в своей семантике не только знания лексикографического характера, но и знания о мире, в данном случае, знания из области этнических стереотипов. Так, в предложении *She was being very Russian tonight, clapping her hands and screaming with laughter* (A. Christie) сочетание связочного глагола *be* с этнонимом *Russian* передает значение чрезвычайно эмоционального поведения, традиционно приписываемого русским.

Значительное место, отводимое эмоциональному началу в русском этническом характере, находит свое отражение в существовании в русском языке многочисленных синонимичных пар в составе глаголов и прилагательных, называющих эмоциональные состояния. Это синонимические пары типа *грустить – быть грустным, сердиться – быть сердитым, радоваться – быть радостным* и т. п. Различие между данными синонимами заключается в активном vs пассивном проявлении эмоций: прилагательные передают эмоциональное состояние, в котором пребывает человек, а глаголы подчеркивают его активное проявление.

Различия между английской и русской культурами, связанные с ролью и значимостью эмоционального начала, находят свое проявление не только в сфере знаменательных, но и в области служебных частей речи. Как известно, основное различие между знаменательными и служебными словами заключается в различии их функций в процессе вербализации мысли. Знаменательные слова именуют компоненты мысли, а служебные – организуют ее в соответствии с правилами конкретного языка.

В этой связи значительный интерес в этнолингвистическом описании частей речи представляют такие служебные части речи, как частицы и модальные слова. Как справедливо отмечает Т. М. Николаева, количественная представленность частиц в языке представляет собой важную типологическую особенность языка [Николаева, 1985, с. 10]. Отмечая сложности, возникающие в связи с переводом частиц на другие языки, она характеризует частицы как национально

специфические коммуникативные слова, подчеркивая тем самым их коммуникативную нагруженность и их этнокультурную специфику [там же]. Сопоставление количественного состава частиц, частотности их употребления, а также диапазона их коммуникативных функций в русском и английском языках позволяет выявить значительные различия, большая часть которых отражает различия в менталитете и культурных ценностях британцев и русских. Русский язык относится к т. н. *particle languages*, т. е. к языкам, для которых частицы являются важной типологической характеристикой. Частицы обладают широким диапазоном функций: они акцентируют коммуникативный центр высказывания (выделительная функция), передают отношение говорящего к содержанию высказывания (модальная функция), усиливают эмоциональную окрашенность высказывания (эмотивная функция), участвуют в формировании смысловых импликатур, передавая т. н. скрытые смыслы и тем самым вносят свой вклад в формирование когерентности текста (смыслообразующая функция). По мнению А. Вежбицкой, частицы обладают способностью выражать минимальной ценой широкий комплекс прагматических значений [Wierzbicka, 1976], а именно прагматический компонент значения обладает наибольшей культурной чувствительностью.

Наибольшие различия в функционировании частиц и актуализации ими этнокультурной специфики прослеживаются при выполнении ими модальной и эмотивной функций. В русском языке частицы регулярно участвуют в выражении т. н. персуазивных модальных значений [Нагорный, 2000]. Введение в высказывание частиц типа *ведь, же, да* делает высказывание более асертивным, безапелляционным, звучащим как неоспоримый факт. Например: *А ведь шинель-то моя!* (Н. В. Гоголь). Категоричность отказа возрастает за счет введения частиц *да и всё, да и только*, например: *Нет, да и только* (А. С. Пушкин). Введение частицы *же* в вопросительное высказывание привносит дополнительное эмотивное значение упрека или раздражения, испытываемого говорящим, например: *Что же ты не одета?* (А. С. Пушкин). Употребление частицы *-ка* в высказываниях императивного характера делает их менее официальными, нередко фамильярными, уменьшает коммуникативную дистанцию между коммуникантами, способствует интимизации общения. Примечательно, что данная частица обычно употребляется при обращении к собеседнику на *ты*, например: *Раскрой-ка первый том. Читай вслух* (А. С. Пушкин). Добавление частицы *-то* к высказыванию привносит дополнительный смысл неопределенности, например: *Что-то не очень-то верится*. Таким образом, можно

сделать вывод о том, что значительное количество частиц в русском языке и их широкое использование отражает такие особенности русского национального характера, как повышенная эмоциональность, стремление к сокращению коммуникативной дистанции, стремление к интимизации общения, аппроксимативность, неопределенность (традиционно связываемые с загадочностью русской души, а потому невозможностью точной передачи ее состояния), а также высокую степень категоричности, ассертивности, что связано с отсутствием срединной устойчивости, готовности к компромиссу, о чем писал Н. А. Бердяев.

Подобные частицы, как правило, не находят отражения в переводе на английский язык, поскольку в английском языке нет их точных эквивалентов (ср.: *The cloak is mine (N. Gogol)*; *Why are you not dressed? (A. Pushkin)*; *Open the first volume and read aloud (A. Pushkin)*). Отсутствие точных эквивалентов для передачи значения подобных русских частиц вновь возвращает нас к тезису о прямой зависимости между значимостью какого-либо концепта или культурной ценности и арсеналом средств их языковой репрезентации. Высокая степень эмоционального начала в русском национальном характере, а также высокая степень категоричности, отсутствие стремления к компромиссу находят свое отражение в существовании значительного арсенала частиц, передающих широкую гамму эмоций, а также частиц, выражающих персуазивную модальность, и придающих высокую степень ассертивности высказываниям. И, напротив, отсутствие точных эквивалентов подобных частиц в английском языке объясняется, прежде всего, отсутствием коммуникативной потребности в подобных средствах, что обусловлено иными культурными ценностями и иным коммуникативным кодексом.

С учетом сказанного можно считать, что непредставленность подобных русских частиц при переводе на английский язык вряд ли следует рассматривать как переводческие потери. Мы полагаем, что именно непереводаемость подобных частиц, отражающих специфику русского менталитета и русского национального характера, позволяет переводчику придерживаться принципа доместикации при переводе, т. е. приводить подобные высказывания в соответствие с нормами принимающего языка, в данном случае английского, что делает перевод более приемлемым для англоязычного читателя.

Английский язык можно с полной уверенностью охарактеризовать как *modality language*. Модальность, особенно т. н. субъективная, или вторичная, представлена в английском языке не менее, если не более

широко, чем в русском, однако это модальность иного порядка, а именно эпистемическая модальность, или модальность мнения, связанная не с эмоциональным, а с рациональным, рассудочным началом. В свою очередь, стремление к компромиссу, коммуникативная толерантность, уважение к мнению собеседника (одно из правил коммуникативного поведения формулируется как *Give options – Дайте собеседнику возможность выбора иного мнения*) объясняют широкое распространение в английском языке модальных средств, способствующих снижению категоричности высказывания. К числу таких средств относятся модальные глаголы в значениях предположения, сомнения, неуверенности, модальные слова, подтверждающие вопросы и т. д.

Мы уже упоминали тот факт, что принадлежность английского языка к языкам, ориентированным на слушателя, объясняет значимость категории определенности/неопределенности, основным грамматическим средством выражения которой выступает артикль. Развитие данной категории, несомненно, связано и с кардинальной тенденцией развития английского языка в сторону максимальной точности в подаче информации, что было связано, прежде всего, с развитием научной революции, а потому образцом «хорошего английского» (*good English*) считался язык науки, основными характеристиками которого являются сжатость, рациональность, фактуальность и точность [Wierzbicka, 2006, p. 29, 30].

Не последняя роль в придании языку фактуальности и точности принадлежит артиклю, что и могло привести к становлению категории определенности/неопределенности и формированию артиклей на базе местоимений и числительных. При этом важно подчеркнуть, что в выражении категории определенности/неопределенности принимают участие не только артикль и его функциональные эквиваленты, но и глагольные категории вида и временной отнесенности. При формировании высказывания имеет место своеобразная «грамматическая гармонизация» т. е. согласование грамматических смыслов, выражаемых разными грамматическими средствами, участвующими в формировании высказывания. В. Г. Адмони описывал данное явление в терминах «грамматического аккорда» [Адмони, 1961]. Приведем простой пример. *In another minute the man was already bandaging my arm.* Данное высказывание может восприниматься как осмысленное только при наличии определенного артикля перед подлежащим, т. е. конкретность называемого действия гармонизирует с конкретностью его исполнителя, таким образом, в актуализации категории определенности принимает

участие не только артикль, но и видовременная форма глагола. Именно этот факт, т. е. совместное участие двух категорий, именной и глагольной, как отмечает В. И. Карасик, придает данной категории статус суперкатегории и позволяет относить ее к числу тех категорий, которые определяют этнокультурную специфику языка [Карасик, 2002, с. 208, 209].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в частях речи как основных векторах ментального, или внутреннего, лексикона, находят своеобразное преломление некоторые особенности национального мировосприятия и национального характера, что отражается как в объеме и значимости таких кардинальных частей речи, как существительное и глагол и их словообразовательных потенциях, так и в объеме и коммуникативной значимости таких служебных частей речи, как частицы, модальные слова и артикли.

5.2. Сопоставительный анализ существительного и его грамматических категорий в английском и русском языках

Существительное является одной из двух универсальных частей речи, которая выполняет важную номинативную функцию именованности объектов как внешнего, так и внутреннего мира. Выше мы говорили о том, что части речи являются языковыми репрезентантами базовых онтологических категорий, какими являются объект, признак (как динамический, так и статический), а также признак признака, или признак второй степени. При этом онтологическая категория объекта рассматривается многими лингвистами в качестве первичной, или центральной категории человеческого опыта [Кубрякова, 2004, с. 241]. И даже если первые высказывания наших далеких предков носили преимущественно императивный характер, например, предупреждение об опасности, то в качестве таких императивов выступали имена, которые привлекали внимание к объекту, представлявшему опасность (ср. однословные высказывания типа *«Волк! Волк!»*) [там же]. Г. Гачев писал: «Возможно, что творение мира, о котором рассказано в Книге Бытия, на самом деле было разданием имен, слов уже наличным небу, свету, дню, суше, солнцу, звездам... человеку, что воспринималось людьми как равносильное их сотворению, т. е. превращению из хаоса в члены космоса, мирового уклада» [Гачев, 1988: 82]. Таким образом, существительные имеют все основания претендовать на статус «языкового первенца» [Гуреев, 2014, с. 93]. Косвенным подтверждением

этому может служить и тот факт, что первыми словами в речи ребенка являются существительные, а в речи родителей, общающихся с младенцем, также преобладают существительные, в том числе такие, которые употребляются в разговоре только с младенцами: *жюга, вава, зюзя, ляля* и т. п.

Помимо того, что существительные именуют объекты физического мира, они обладают способностью опредмечивать самые разнообразные сущности: действия (*бег, возвращение*), качества (*доброта, жалость*), состояния (*сон, грезы*), абстрактные понятия (*равенство, свобода*). В подобных существительных предметность, по выражению В. В. Виноградова, является лишь «фундаментом», на котором воздвигаются значения, близкие к категориальным значениям других частей речи. В связи с семантической неоднородностью существительных исследователи предлагают различать предметность двух типов: т. н. онтологические предметы, называющие реальные объекты окружающего мира, и гносеологические предметы, представленные в качестве предметов мысли в языковой семантике [Руденко, 1990, с. 64].

С точки зрения их коммуникативной функции знаменательные части речи разделяются на идентифицирующие и предикатные слова. Первые призваны называть предметы окружающего мира, а вторые – сообщать то, что мы думаем о мире, т. е. они ориентированы на познающего субъекта [Арутюнова, 1976, с. 343]. Прототипическими идентифицирующими словами являются местоимения и имена собственные, а прототипическими предикатными словами – глаголы и прилагательные. С точки зрения их коммуникативной функции нарицательные существительные являются бифункциональным классом, т. е. они способны выполнять как идентифицирующую, так и предикативную функцию, что и обуславливает частотность их употребления в дискурсе. Ср.: *Children should be seen but not heard. She is but a child.*

Все перечисленное обуславливает место существительных в составе частей речи в любом языке. Так, Г. Павский отмечал, что в русском языке более половины всех основ входят в состав существительных [Павский, 1850, с. 15]. Во французском языке, согласно данным В. Г. Гака, существительные составляют 62,5 % от всего лексикона [Гак, 1968]. В английском языке существительные составляют около 42 % от всего лексикона, но при этом, в силу присущей английскому языку номинативной тенденции, они характеризуются большой частотностью употребления в речи. Так, согласно данным исследователей, каждое

четвертое слово, употребляемое в речи, является существительным [Johanson, Hofland, 1989, p. 15].

Естественно предположить, что широкое семантическое пространство, покрываемое существительными, находит свое проявление в их синтаксической вариативности и в их словообразовательном потенциале. Первичными синтаксическими функциям имен существительных являются функция подлежащего, дополнения и предикатива в его классифицирующей функции: *She was a child of ten*. При этом существительные как в русском, так и в английском языке регулярно употребляются во вторичных синтаксических функциях: определения и обстоятельства, а также предикатива в его характеризующей функции: *улицы Москвы; жить в Москве; Moscow streets; to do smth. another way; She is an adult woman, but a child at heart*. Существенное различие при этом состоит в том, что в русском языке для употребления существительного во вторичной синтаксической функции требуются специальные маркеры, или транспозиторы (форма падежа или предлог), а в английском индикатором синтаксической функции может быть только позиция слова в предложении как, например: *She sings it very Dixieland (J. F. Salinger). You look very tired. A hard day? A nothing day (J. Carroll)*.

Существительное в русском языке обладает богатым словообразовательным потенциалом, включающим такие способы, как префиксальный (*порядок – беспорядок*), суффиксальный (*город – городок*), суффиксально-префиксальный (*вера – безверие*), словосложение (*лесовоз*), нулевую суффиксацию (*зеленый – зелень*) (подробнее см.: [Виноградов, 1972, с. 56–62; Янко-Триницкая, 2001; Валгина, Розенталь, Фомина, 2002, с. 136, 137] и др.).

Продуктивные словообразовательные суффиксы существительных образуют несколько групп, включая:

- 1) суффиксы, служащие для образования названий предметов;
- 2) суффиксы, употребляемые для образования названий лиц (мужчин и женщин);
- 3) суффиксы, служащие для образования слов с отвлеченным значением (абстрактных);
- 4) суффиксы, служащие для образования существительных, передающих субъективную оценку, при этом каждая из этих групп включает значительное число суффиксов [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002, с. 136, 137].

Так, для образования названий предметов используется 9 суффиксов, включая такие высокопродуктивные, как *-ник/льник/лка* (*будильник,*

маятник, грелка, вилка и др.), -чик/щик (счётчик, автоответчик и др.), -ник (кофейник, бумажник и др.), -тор (фиксатор, изолятор и др.). Для образования существительных, называющих род занятий, профессию, принадлежность к нации, стране, идейному направлению и т. д. существует 10 продуктивных суффиксов, среди которых наиболее частотными являются такие, как -тель/итель (исполнитель, воспитатель и др.), -чик/щик (разносчик, наборщик и др.), -ик/ник (академик, химик, волшебник и др.), -овец/ец/ист (вузовец, истец, журналист и др.), -ач (циркач, силач и др.), -анец/янец, -ин/анин/янин/чанин (американец, итальянец, татарин, англичанин, киевлянин и т. д.). Некоторые суффиксы, образующие названия лиц мужского пола, имеют еще дополнительные экспрессивные значения ласкательности, фамильярности, пренебрежительности. Таков, например, суффикс -ыш со значением носителя признака (глупыш, малыш и др.). Ласкательно-пренебрежительный оттенок вносит суффикс -онок/ёнок, употребляемый для образования наименований не только детенышей животных, но и людей (медвежонок, внучонок, ребёнок).

Для образования существительных женского рода (большей частью такие существительные являются производными, соотносительными с существительными мужского рода) употребляются следующие суффиксы: -к-а (скрипачка, артистка, осетинка и др.), -ница (работница, учительница, читательница); -щица/льщица (уборщица, вязальщица), -ша (издательша, генеральша).

Для образования абстрактных существительных в русском языке используется 10 суффиксов, среди которых наиболее продуктивными являются: -ость/ность (бодрость, изысканность, готовность); -мость (заболеваемость, сопротивляемость); -аци-я/яци-я/фикаци-я (агитация, калькуляция, фальсификация); -ств-о/еств-о (авторство, председательство, ученичество); слова с осложненным суффиксом -ианств-о/янств-о) называют идейное направление, течение (кантианство, гегельянство); -изм (материализм, оптимизм, туризм); -ур-а (архитектура, адвокатура, скульптура).

Для выражения субъективной оценки уменьшительности, ласкательности, уничижительности также используются 10 суффиксов, среди которых наибольшей продуктивностью обладают следующие: -ик/чик (домик, столик, моторчик), -к-а, -очк-а, -иц-а (ножка, корочка, сестрица, лужица), -ц-е/ц-о/иц-е/ец-о (платьице, вареньице, коленце, мяско, письмецо), -ушк-о/юшк-о/ушк-а/юшк-а/ышк-о (хлебушко, дедушка, хозяйюшка, солнышко), -оньк-а/еньк-а (девонька, доченька, дяденька и др.), -ишк-о/ишк-а, используемые

для образования слов мужского, женского и среднего рода чаще со значением пренебрежительно-презрительным, реже уменьшительно-ласкательным (*бельшишко, плутишка, братишка, шалунишка*), *-онк-а/ёнк-а*), при помощи которых образуются существительные женского (реже мужского рода) со значением пренебрежительности (*книжонка, избёнка, мальчонка* и др.), *-ищ-е/ищ-а*, при помощи которых образуются существительные мужского, женского и среднего родов со значением увеличительности (*сомище, волчище, ножища* и др.) [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002, с. 136, 137].

Большое количество суффиксов образования существительных в русском языке обусловлено как внутриязыковыми, так и этнокультурными факторами. К внутриязыковым относится существование в русском языке категории рода существительных, которая требует морфологического оформления. К числу этнокультурных факторов относится присутствие сильного эмоционального начала в русском национальном характере, что находит свое отражение в наличии большого числа уменьшительных суффиксов, передающих широкий спектр дополнительных значений: уважительности, ласкательности, уничижительности и т. п. По оценке специалистов в этой области, способностью к экспрессивной и оценочной модификации обладают более 6 тысяч русских слов, которые, в свою очередь, образуют в совокупности более 20 тысяч дериватов с эмоционально-экспрессивным значением в составе различных частей речи [Химик, 2007, с. 326]. Достаточно привести такие вариации в области номинации одного и того же денотата, как, например: *девушка, дева, девица, девонька, девчонка, девчоночка, девуленька, девка; мужчина, мужик, мужлан, мужичок, мужичонка, мужчинка*, а также многочисленные вариации в сфере имен собственных, например: *Александр, Саша, Сашка, Саня, Санёк, Сашуля, Сашенька, Сашок, Санечка, Шура, Шурка, Шурик, Шурёна*. Именно в таких существительных находит свое отражение импрессионистический характер русского языка, значимость эмоционального начала.

Класс существительных в английском языке имеет достаточно развитую систему словообразования, которая включает аффиксацию (преимущественно суффиксацию), конверсию, словосложение. У существительного в английском языке исследователи насчитывают от 30 [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik, 1972, p. 993–1000] до 60 словообразовательных суффиксов существительных [Структура имени существительного, 1975, с. 62–143], обладающих разной степенью продуктивности. Число суффиксов, образующих существительные,

значительно превышает словообразовательный потенциал других частей речи, но их значительно меньше, чем в русском языке, что обусловлено перечисленными выше факторами.

Такие суффиксы английского языка, как, например, *-ness*, *-ity*, *-tion*, *-ism* отличаются высокой степенью продуктивности, образуя значительное число абстрактных существительных, которые широко используются как в метаязыке различных наук, так и в повседневном общении. Высокая продуктивность данных суффиксов проявляется в их высокой частотности в различных функциональных стилях, в первую очередь, в научном стиле (ср. такие единицы в метаязыке лингвистики, как, например, *nouniness*, *verbiness* или такие термины, как *otherness*, *selfness*, *in-betweenness*, *isness*, *suchness* и т. д. в метаязыке теории межкультурной коммуникации). О высокой продуктивности данных суффиксов говорит также их использование для создания индивидуальных, авторских субстантивных единиц, как, например, существительного *three-men-in-a-boatishness*, созданного Дж. Фаулзом: *It was far less that he believed in what we would call today upward social mobility than that he permanently missed the jolly expensiveness, the three-men-in-a-boatishness, of a large 1890s and Edwardian household and the style and dash of an Honourable Artillery Company mess (J. Fowles. The Tree)*. Толкование значения подобных существительных невозможно без обращения к феномену прецедентности.

В английском языке чрезвычайно высокой продуктивностью обладает суффикс *-er* и его эквиваленты со значением деятеля, с помощью которого образуются существительные от глаголов, от словосочетаний и окказионально – от целых предложений. Например: *an achiever, an arranger, a slow thinker, a great packer, a decision-maker, a never-say-dier, a beer-drinker*). С помощью этого же суффикса образуются существительные, называющие неодушевленные предметы, приспособления, события. Например: *a sleeper, a choker, a one-nighter*.

Данный суффикс, как отмечают многие исследователи, практически не имеет ограничений, и существительные со значением деятеля легко создаются говорящими по готовой модели, присутствующей в их языковом сознании и позволяющей создавать все новые и новые единицы, которые могут становиться как фактами словаря, т. е. пополнять лексикон языка, так и оставаться окказиональными образованиями с абсолютно прозрачной семантикой. Например: *She was a little hoper (D. Lessing). ...in mathematics he was actually a late bloomer rather than a child prodigy (J. Campbell)*.

Основной функцией подобных существительных в предложении является **предикативная**. В данном случае в семантике существительных со значением деятеля находит свое отражение деятельность познающего субъекта, результатом которой является отнесение людей к тому или иному классу по результатам выполняемых ими действий. Это дает нам основание полагать, что в существовании данного класса имен, а также в их более высокой, по сравнению с русским языком, частотности употребления находит своеобразное преломление факт принадлежности англоязычной культуры к деятельностному типу, т. е. сформировавшейся в рамках данной культуры традиции проводить классификацию людей прежде всего по критерию их деятельности.

В английском языке данные существительные обладают высокой частотностью и употребляются даже в тех случаях, когда речь идет не о регулярно повторяющемся действии, позволяющем относить человека к определенному классу, а о единичном действии, как в следующем примере: *He was the only speaker at the moment (I. Murdoch).*

На высокую продуктивность образований с суффиксом *-er* указывает и тот факт, что они могут образовывать оппозитивные пары с существительными, обозначающими объект действия, как, например, *In business you were sometimes the pusher and sometimes the pushee (I. Shaw).* На русский язык подобные оппозитивные пары переводятся глаголами: *В бизнесе либо выталкиваешь кого-то ты, либо выталкивают тебя.*

Не менее продуктивным средством словообразования в английском языке является **конверсия**, посредством которой можно образовывать существительные практически от любой части речи, как знаменательной, так и служебной, а также от словосочетаний и целых предложений. Например: *Would you like a with or a without? (S. Potter). No ifs, no buts, no more cuts (MS). The little hearts, the 'can'ts said his career in the Church was finished (A. Wilson).*

Сопоставительный анализ словообразовательных средств в составе существительных позволяет сделать вывод о том, что русский язык, как более флективный, обладает большим числом словообразовательных средств, что обусловлено как внутриязыковыми, так и этнокультурными факторами. Типологической особенностью английского языка является высокая продуктивность конверсии, что обусловлено внутриязыковым фактором (морфологическая простота слова), а также высокая частотность употребления существительных со значением деятеля, в чем находит своеобразное отражение деятельностный тип англоязычной культуры. Далее мы проведем сопоставительный анализ грамматических категорий существительного в английском и русском

языках. Английское существительное имеет следующие грамматические категории: числа, падежа и категорию детерминации (определенности/неопределенности), выражаемую не морфологически, а синтаксически, с помощью артикля, который относится к служебным частям речи. Русское существительное имеет три грамматических категории: рода, числа и падежа. Проведем сопоставительный анализ этих категорий.

Грамматическая категория числа

Данная категория является языковой универсалией, поскольку отражает представление о количественных отношениях между предметами реального мира. Значимость концепта ЧИСЛО (он относится к числу базовых концептов нашей концептосферы) в нашем сознании и жизнедеятельности проявляется в том, что, во-первых, он находит свою репрезентацию в особой части речи (числительных); во-вторых, в грамматической категории числа в классе существительных, для которых она имеет ингерентный характер, т. е. внутренне присуща этому классу; в-третьих, категория числа представлена также в классе глагола как в русском, так и в английском языке, а также в классе прилагательных в русском языке, где она имеет формальный характер и обусловлена грамматическими правилами конкретного языка (грамматического согласования между подлежащим и сказуемым или между существительным и прилагательным в составе именной фразы). Количество грамматических форм числа в составе данной категории и числовое поведение существительных варьируются от языка к языку. Так, в некоторых папуасских языках имеются формы единственного, множественного, а также двойственного и тройственного числа. В древних индоевропейских языках, санскрите, древнегреческом, а также древнегерманских языках существовало три формы числа: единственное, двойственное и множественное.

В современном английском и русском языках существует значительное сходство в содержании категории числа, что находит свое проявление в правиле согласования в форме числа между подлежащим и сказуемым, а также в частичном совпадении подклассов исчисляемых и неисчисляемых существительных в обоих языках, что позволяет заключить, что принципы субкатегоризации существительных в основном совпадают, что, в свою очередь, говорит об общности в концептуализации именуемых ими реалий англоязычным и русскоязычным сознанием. Так, к группе *Singularia Tantum* и в русском, и в английском языках относятся существительные, обозначающие абстрактные сущности, вещества, т. е. понятия, несовместимые с идеей счета (*любовь – love, свобода – freedom, равенство – equality,*

сахар – sugar; молоко – milk). К группе *Pluralia Tantum* относятся существительные, именующие предметы, состоящие из двух или более частей, а также собирательные существительные: *ножницы – scissors, щипцы – tongs, брюки – trousers, джинсы – jeans, принадлежности – belongings, сбережения – savings*.

И в русском, и в английском языках подобные единицы могут иметь нетривиальное числовое поведение, передавая при этом новые смыслы. Например: рус. *красоты (виды)*; англ. *snows, waters (space plurality); fruits, coffees (variety plurality)*.

Но вместе с тем существуют и значительные различия в числовом поведении существительных, обусловленные различиями в концептуализации именуемых ими реалий. Эти примеры нам хорошо известны из курса практической грамматики. Так, в английском языке такие существительные, как *advice, news, knowledge, information* являются неисчисляемыми, а в русском их эквиваленты являются исчисляемыми; в английском языке существительные *cattle, game, poultry, police* относятся к группе *Pluralia Tantum*, а их русские эквиваленты – к группе *Singularia Tantum*. Русские существительные *часы, сани, ворота, выборы, похороны, именины* употребляются только в форме множественного числа, а их английские эквиваленты имеют формы обоих чисел. Русское существительное *деньги* имеет форму только множественного числа, а английское *money* – только единственного.

Подобные расхождения, как мы уже отметили, свидетельствуют о различиях в концептуализации именуемых ими сущностей в разных лингвокультурах. Так, например, в таких существительных, как *сани, ворота* в русском языке форма множественного числа отражает тот факт, что в основе именованного лежит перцептивный признак (именуемые ими предметы представляют собой конструкции, состоящие из двух частей), что и могло послужить причиной выбора формы множественного числа для их номинации, в то время как в английском в основе номинации данных предметов нашел отражение не перцептивный, а функциональный признак, что и определяет исходную форму единственного числа существительных *sledge* и *gate* в английском языке.

Существительное *деньги* в русском языке имеет только форму множественного числа, а в английском существительное *money* – только форму единственного числа. Рассматривая данные существительные в аспекте специфики концептуализации именуемых сущностей, можно предположить, что в основе различий в числовом оформлении данных существительных лежит тот факт, что в англоязычном сознании в

структуре данного концепта превалирует понятийный компонент, т. е. деньги концептуализируются прежде всего как капитал, который может вкладываться в дело и приумножаться, т. е. как единое целое. В русском языковом сознании, очевидно, доминирующим является визуальный образ денег как массы монет или купюр (отсюда фразеологизмы *денег куры не клюют*, *швыряться деньгами* и т. д.), что и может лежать в основе различий в числовом поведении существительных – имен данного концепта в русском и английском языках.

Значительные различия существуют и в правилах согласования в форме числа между подлежащим и сказуемым. Так, в английском языке, в отличие от русского, в случае собирательных существительных имеет место как формальное, так и семантическое согласование, например: *My family is very large. My family are hockey fans.*

Случаи расхождения в числовом поведении существительных, обусловленные различиями в концептуализации именованных сущностей, требуют особого внимания при изучении и при обучении английскому языку или русскому как иностранному, поскольку родной язык оказывает значительное интерферирующее влияние, и преподаватель должен прогнозировать вероятность появления ошибок и разрабатывать систему упражнений, направленных на преодоление интерференции родного языка.

Грамматическая категория падежа

Грамматическая категория падежа характеризуется особой спецификой: в большинстве флективных языков, таких, как в русском или немецком, она выражена падежными флексиями существительного, но по своему семантическому содержанию она выражает отношения между существительным и связанными с ним другими словами в предложении. А синтаксическая и семантическая функция существительного, в свою очередь, определяются, прежде всего, семантикой глагола-сказуемого, его валентностью. Как справедливо отмечает В. А. Плунгян, категория падежа связана с синтаксическим понятием управления [Плунгян, 2003, с. 161], а функция управления в структуре предложения принадлежит глаголу. По выражению У. Чейфа, именно «природа глагола определяет, что собой будет представлять остальная часть предложения: в частности, какие существительные будут глагол сопровождать, какое отношение к нему будут иметь эти существительные и как эти существительные будут определяться в семантическом отношении» [Чейф, 1975, с. 115]. Таким образом, именно глагол как структурно-семантическое ядро предложения для реализации своего значения «заказывает» определенное число и определенные роли

актантов, которые и принимают необходимые падежные формы в языках флективного строя и находят другие способы выражения в языках иных типологий.

Развитие семантического синтаксиса привело к пересмотру сущности падежа, который стал трактоваться как семантическая категория, выражающая отношения между действием и его участниками и определяющая семантическую функцию существительного по отношению к действию, называемому глаголом [Филлмор, 1981a]. На этой основе Ч. Филлмор выделяет такие «семантические» падежи, как **агентив** (*John is working*), **инструментатив** (*I opened the door with the key*), **объектив** (*He painted the fence*), **фактитив** (*He built a house*), **бенефактив** (*I did it for you*), **датив** (*I gave the book to him*).

Следует отметить, что и количество, и имена семантических падежей варьируются как в работах самого Филлмора [Филлмор, 1981a; Филлмор, 1981b], так и в трудах других многочисленных исследователей [Богданов, 1977, с. 66–70; Плунгян, 2003, с. 165, 166 и др.], но сущность предлагаемого подхода при этом не меняется. Семантические роли, выполняемые существительным, и определяемые прежде всего семантикой глагола в структуре предложения, могут находить различные формы грамматического выражения в языках разных типов. В языках флективного и агглютинативного строя с развитой системой морфологических показателей они выражаются падежной формой существительного, прилагательного и местоимения, образуя падежные парадигмы. При этом число падежей в разных языках может варьироваться. Так, исторически индоевропейские языки насчитывали восемь падежей, в современном русском языке существует шесть падежей, в немецком – четыре, а в английском – два падежа, при этом падежные системы у существительных и местоимений не совпадают: у существительных это общий и притяжательный падеж, а у личных местоимений – именительный и объектный падежи. В древнеанглийском языке у существительных и местоимений было четыре падежа. Современная падежная система английского языка является результатом распада падежной системы, который произошел в результате редукции безударных гласных, что привело к омонимии падежных форм. Таким образом, у существительных сложилась систем двух падежей: общего и притяжательного, а у местоимений – именительного и объектного, в котором соединились значения дательного и винительного падежей, а значение генетива стало выражаться отдельным подклассом – притяжательными местоимениями. Распад падежной системы имени

обусловил необходимость фиксированного порядка слов. Основная нагрузка на выражение падежных отношений в английском языке, таким образом, лежит на предлогах и порядке слов. Некоторые лингвисты говорят в этой связи о наличии в английском языке, помимо морфологических форм падежа, т. н. *Prepositional cases* и *Positional Cases*. Такая трактовка в принципе возможна, если понимать падеж как категорию не морфологическую, а семантическую. Именно предлоги и порядок слов в английском языке выполняют основную падежную функцию – выражение отношений между действием и его участниками на уровне глубинной, или семантической, структуры предложения, и выражение семантико-синтаксических отношений между членами предложения на уровне синтаксической структуры предложения. Таким образом, бóльшая часть значений, передаваемых русскими падежными формами, передается в английском языке с помощью порядка слов и сочетаний существительного с предлогами.

Что касается английского притяжательного падежа, то его действие ограничено пределами именной фразы и не распространяется на структуру всего предложения. Кроме того, в форме притяжательного падежа употребляются преимущественно существительные, называющие одушевленных лиц. Существительные, обозначающие неодушевленные объекты, употребляются в форме притяжательного падежа значительно реже. Ср.: *the city's population, the novel's hero* и т. д.

Как в русском, так и в английском языке падежные формы обладают широкой палитрой значений, что обусловлено как семантикой существительных в составе падежной структуры, так и семантикой предлога. Так, русский творительный падеж обладает чрезвычайно широкой палитрой значений. Помимо прототипической семантической функции инструмента действия (*бить молотом, писать пером, резать ножом, ранить словом*), творительный падеж может выполнять следующие функции: **средство**: *рисовать красками; писать чернилами*; **паиенс**: *руководить заводом, дирижировать оркестром*; **агенс**: *Дом строится рабочими*; **эффектор**: *ветром сорвало крышу; градом побило посевы*; **причина**: *болеть гриппом, страдать бессонницей*; **траектория**: *ехать лесом*; **стимул**: *восхищаться красотой, пахнуть морем*; **время**: *воскресным утром, долгими зимними вечерами*; **мера**: *грузить апельсины бочками*. **аспект**: *красив душой, отличаться умом и сообразительностью*; **эталон сравнения**: *кричать петухом* [Печёный, Русская корпусная грамматика].

Помимо ролевых употреблений, творительный падеж имеет также предикативное употребление. Ср.: *быть помощником*. При этом способы

перевода конструкций с творительным падежом на английский язык также отличаются большим разнообразием: он может переводиться с помощью именных конструкций с предлогами *with, by, in, along, of, like, on, from*, беспредложных конструкций, а также путем изменения всей структуры предложения.

Английский притяжательный падеж также обладает широкой семантикой. Помимо прототипического значения притяжательности, он может выражать значения **агенса**, или субъекта действия (*my husband's arrival*); **объекта действия** (*the criminal's arrest*); **автора** (*Shakespeare's tragedies*); **предназначения** (*a sailor's uniform*), **меры** (*a day's wait*), **места** (*at the florist's*), **описания или сравнения** (*a lion's courage*).

Русский родительный падеж также обладает широким объемом значений, включающих значение **принадлежности** (*дача моей матери*), **агенса действия** (*речь президента*); **объекта действия** (*выборы президента*); **содержимого** (*стакан молока*); **качественной характеристики действия** (*человек большого ума, врач высшей категории*); **количества** (*наговорить глупостей*). В отличие от английского языка, семантика русского родительного падежа распространяется не только на уровень именной фразы, но и на уровень всего предложения: родительный падеж может быть обусловлен семантикой и валентностью глагола (*желать добра*), прилагательного (*полон надежд, сомнений*). Таким образом, семантика и объем значений русского родительного падежа и английского притяжательного не совпадают, что следует учитывать при переводе. Английский притяжательный падеж может переводиться на русский язык не только существительным в родительном падеже, но и прилагательным (*a boys' school* – мужская школа; *a lion's courage* – львиная храбрость), а также путем изменения структуры именной фразы или всего предложения, ср.: *a day's wait* – ожидание длиной в день. Аналогичным образом при переводе русских генетивных конструкций на английский язык может использоваться притяжательный падеж (*дом моего брата* – *my brother's house*), именная, адъективная или глагольная фраза с предлогом *of* (*чашечка кофе* – *a cup of coffee*; *полон надежд* – *full of hopes*), или без предлога (*пожелать спокойной ночи* – *to wish smb. good night*).

Грамматическая категория рода

Категория рода как грамматическая категория не является универсалией, она представлена не во всех языках, и ее концептуальная природа и категориальные основы во многом обусловлены спецификой этнического сознания носителей конкретного языка. Как отмечает А. Л. Шарандин, истоки концептуализации и категоризации

родовых признаков лежат в перцептивном опыте человека и связаны с осмыслением двух тесно связанных между собой понятий – рода и пола. Эти два понятия взаимосвязаны, но между ними существует принципиальное различие: род характеризует языковые знания, связанные с техникой согласования изменяемых слов русского языка, а пол отражает знания о мире в отношении живых существ, дифференцируя и классифицируя их по половому признаку с учетом их значимости для жизнедеятельности человека [Шарандин, 2017, с. 446]. Это принципиальное различие находит свое выражение в том, что отнесение существительных к определенному роду имеет как содержательную, или онтологическую, так и чисто формальную основу. Выбор рода у существительных, обозначающих живые существа, определяется полом референта, при этом род может выражаться как с помощью противопоставления лексем: *мужчина – женщина, утка – селезень; дама – кавалер*, так и с помощью словообразовательных суффиксов: *учитель – учительница, студент – студентка, князь – княгиня*. При этом родовые оппозиции не охватывают все существительные, обозначающие одушевленные существа. Так, такие существительные, как, например, *президент, премьер, председатель, инженер, пилот* относятся к общему роду. В русском языке категория рода у существительных имеет не грамматический, а лексико-грамматический характер, поскольку существительные не склоняются по родам, как прилагательные, у которых данная категория имеет чисто грамматический характер, а относятся к определенному роду, т. е. данная категория имеет классификационный характер, что находит свое отражение в словарных статьях. Родовая принадлежность существительного находит свое отражение в нескольких моментах:

- 1) в типах склонения существительных;
- 2) в выборе местоимения 3-го лица при замещении существительных;
- 3) в выборе формы рода прилагательных, притяжательных и указательных местоимений и порядковых числительных, употребляющихся в препозиции к существительному. Кроме того, принадлежность существительных к определенному роду находит свое отражение и в классе русских глаголов: глагол в форме прошедшего времени имеет категорию рода, которая носит чисто формальный, отраженный характер: *он пришёл, она пришла, время пришло*.

Что касается существительных, обозначающих неодушевленные предметы, то в них отсутствует содержательная, или онтологическая, основа, и их отнесенность к роду носит чисто формальный характер

и определяется типом окончания слова: слова с окончанием на *-o/e* относятся к среднему роду (*окно, солнце*), с окончанием на *-a* – к женскому роду (*луна, страна, Родина*), а слова с окончанием на твердый согласный – к мужскому роду (*город, стадион, тенор*). При этом имеются случаи, когда онтологическая и формальная основа входят в противоречие друг с другом: существительное *мужчина* по своей онтологической основе должно относиться к мужскому роду, но по своим формальным признакам оно относится к женскому роду. Существительные с окончанием на мягкий согласный могут относиться как к женскому (*печаль, суть*), так и к мужскому роду (*хрусталь, путь*). Особую сложность представляют слова, которые принадлежат к одной тематической группе и имеют формальное сходство, но принадлежат к разным родам (*кофе* и *какао, тюль* и *вуаль*).

Категория рода в английском языке является не грамматической, а лексической в своей основе. Родовые различия у существительных, обозначающих живые существа, выражаются с помощью противопоставления лексем (*a boy – a girl, a king – a queen, a cow – a bull*), с помощью словообразовательных суффиксов (*a poet – a poetess, a steward – a stewardess*), а также с помощью компонентов сложных слов, маркирующих род (*a he-wolf – a she-wolf, a boy-friend – a girl-friend, a Tom-cat – a Jenny-cat*). Однако эта оппозиция, как и в русском языке, не охватывает весь класс существительных, называющих одушевленные существа, значительное число таких существительных относятся к общему роду (*a person, a student, a cousin, a parent, a president*).

Категория рода в английском языке, как и в русском, находит свое отражение в выборе личного местоимения для замещения существительного, особенно в случаях использования приема олицетворения. При этом, в отличие от русского языка, где выбор местоимения определяется принадлежностью слова к определенному роду, в английском языке выбор местоимения может диктоваться такими факторами, как традиция, соотнесенность с мифологическими персонажами, а также особенности поэтического воображения автора. Так, названия судов и автомобилей в английской традиции соотносятся с женским полом (*Look at “Queen Mary”. Isn’t she glorious!*), существительное *the Sun* ассоциируется с божеством мужского пола (*Helios*), а существительное *the Moon* – с божеством женского пола (*Selene*).

В художественной прозе выбор рода существительного может определяться творческим воображением автора, что можно продемонстрировать на примере известной сказки О. Уайльда: “*One night there flew over the city a little Swallow. His friends had gone to Egypt*”

six weeks before and he stayed behind, for he was in love with the most beautiful Reed” (O. Wilde. The Happy Prince).

Эти типологические особенности в выражении рода в английском и русском языках могут представлять трудности при переводе.

5.3. Сопоставительный анализ глагола и его грамматических категорий в английском и русском языках

Глагол является второй кардинальной частью речи и структурно-семантическим ядром предложения. В мире не существует языка, в котором бы отсутствовала данная часть речи. Э. Сепир говорил, что только глагол и существительное являются универсалиями, так как многолетний опыт записи и анализа бесписьменных индейских и африканских языков привел его к убеждению, что, несмотря на бесконечность примеров несоизмеримости разнообразных способов опыта членения в языках, в основе анализа любой ситуации лежат понятия сущности и акта [Сепир, 1993, с. 248–258].

В современной лингвистике описание глагола как наиболее сложного лексико-грамматического класса основывается на том, что он играет важную роль в когнитивных процессах категоризации и концептуализации мира. Внимание лингвистов все чаще направлено на исследование сложности и разноплановости связей, существующих между высказыванием и обозначаемой ситуацией. Глагол может быть представлен как единица описания реальности, за которой стоит динамическая ситуация реального мира. Как отмечает Е. С. Кубрякова, в современной лингвистике не вызывает сомнения мысль об особой роли глагола в концептуализации и описании положения дел и событий, импликаций в его семантике того или иного компонента событий [Кубрякова, 1997, с. 275]. Событие включает в себя онтологические условия существования, участников, их отношения друг к другу и к реальной действительности, а также взгляд наблюдателя на описываемое событие.

Многие современные исследователи сходятся во мнении, что в предложении отражается не ситуация во всех ее объективных связях в мире, а то, каким образом эту ситуацию осмыслил говорящий, исходя из личного опыта, особенностей менталитета и языковых возможностей языка. Все эти составляющие находят свое выражение в категориях глагола, его синтаксических и семантических особенностях. С точки зрения коммуникации глагол является наиболее важным лексико-грамматическим классом. Именно глагол вносит основной вклад в

выполнение языком коммуникативной функции, поскольку только соединение глагола и существительного образует предложение как основную единицу коммуникации. Существуют языки, в которых допускается построение предложения без подлежащего, но построить предложение как единицу языка без глагола-сказуемого невозможно. Так, например, по-испански можно сказать “*No hablo Ingles*” – Я не говорю по-английски, не используя при этом подлежащее в предложении, поскольку значение первого лица имплицитно представлено в форме глагола *hablo* [Berk, 1999, p. 9]. Ведущая роль глагола в построении предложения заключается в том, что он является ядром синтаксических и семантических отношений внутри предложения. Л. М. Ковалева пишет: «Глагол является семантическим и синтаксическим центром предложения прежде всего из-за своей роли в акте общения: говорящий выразит свою мысль в предложении только тогда, когда предмету, лицу или явлению он припишет некий признак, который обозначен языковой единицей, но принадлежит мысли говорящего» [Ковалева, 2008, с. 22].

У. Чейф придерживается точки зрения, что глагол занимает центральное положение, и что «доминирующим является семантическое влияние глагола, которое распространяется на подчиненные сопровождающие существительные». Он также пишет: «То, что мы называем предложением, является или одним-единственным глаголом или глаголом, сопровождаемым одним или более существительными, или конфигурацией подобного вида, к которой добавлен один или более сочинительных или подчинительных глаголов» [Чейф, 1975, с. 114–116]. Главенствующая роль глагола в предложении обеспечивается его уникальным свойством – валентностью, т. е. способностью глагола предопределять свое окружение, присоединять к себе другие члены предложения для реализации своего значения и, в результате этого, построения предложения как коммуникативной единицы. Б. Ю. Норман, говоря о роли глагола в построении предложения, пишет, что на глаголе-предикате держится предложение, а актантам отводится роль его свиты [Норманн, 2013, с. 125].

Содержание глагола невероятно глубоко, т. к. оно включает в себя объемный блок информации, который не ограничивается самим действием, но и может включать в себя цель, способ совершения действия, место, время, причину, результат, направление действия и т. д. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «глагол, обращенный прежде всего к экзистенциальной материи, к движению во времени и пространстве, формирует на основе своего главного понятийного признака такие значения, которые отражают характер действия, особенности

протекания обозначенного процесса, способ его осуществления и конечный результат» [Кубрякова, 2004, с. 52].

Семантика периферийных глаголов может достаточно сильно отличаться от прототипических, так как сфера референции многих глаголов чрезвычайно широка: процессы, свойства, состояния, поступки, отношения, соответствие и т. д. Исходя из этого, семантическое пространство, покрываемое классом глаголов, очень широко. В английском и русском языках, как и большинстве языков мира, глаголы являются довольно многочисленным классом слов. Как мы уже отмечали, на функциональном уровне русский язык больше тяготеет к глагольному способу номинации, а английский – к именному. Оба языка обладают развитой системой словообразовательных глагольных средств, о чем уже шла речь в предыдущей главе. Существенное различие состоит в том, что в русском языке имеется значительно больше, чем в английском, глаголов, выражающих различные эмоциональные состояния (*грустить, тосковать, ревновать* и т. д.), в английском языке эти состояния выражаются прилагательными со связкой *be* (*to be sad, to be jealous*).

Количество словообразовательных средств в сфере глагола в английском языке также значительно уступает их количеству в русском языке. Основными способами глагольного словообразования являются префиксальный, суффиксальный и смешанный префиксально-суффиксальный способы. Наиболее продуктивным является префиксальный способ, позволяющий образовать новый глагол с иным видовым оттенком от бесприставочных глаголов, чаще всего глаголов движения, например: *бежать – вбежать, выбежать, прибежать, отбежать, перебежать, забежать, избегать/избежать*.

Суффиксальный способ образования глаголов применяется при образовании глаголов от существительных и прилагательных, а также от местоимений, числительных и междометий. Суффикс *-нича-* (*-ича;* *-а-*) употребляется при образовании глаголов от названий лиц со значением «заниматься чем-либо, действовать как кто-либо»: *лодырничать, мошенничать, сапожничать*. Суффикс *-ова-* (*-ева-*) и его производные *-ствова-*, *-ирова-*, *-изирова-* образуют глаголы от существительных со значением «осуществлять что-либо»: *господствовать, дебютировать, коллективизировать, советовать*. От существительных и прилагательных образуются глаголы посредством суффикса *-и-* со значением «создавать известное качество или состояние»: *сорить, белить*. От прилагательных возможно образование глаголов суффиксом *-е-*, имеющим значение «делаться, становиться таким-то»: *стареть*,

слабеть; реже используется суффикс *-ну-*: *слепнуть, крепнуть*. От междометий образуются глаголы суффиксом *-а-* (*охать, ахать*) и его вариантом *-ка-* – от междометий и звукоподражательных слов (*мяукать, аукать*), а также суффиксом *-ну-* (*ахнуть, цокнуть*) [Виноградов, 1972, с. 345–348].

Суффиксально-префиксальный способ в глагольном словообразовании менее продуктивен: *плясать – приплясывать, любить – недолюбливать, прыгать – подпрыгивать, голодать – изголодаться, оружие – обезоружить, закон – узаконить, земля – приземлиться*. При этом обращает на себя особое внимание наличие большого числа словообразовательных глагольных средств с видовым значением (*поглаживать, поглядывать, похаживать*). Ср.: *И когда по деревне идешь, на окошки мои не поглядывай*. Такие глаголы представляют трудности при переводе, так как они не имеют точных эквивалентов в английском языке. Так, значение повторяющего действия в прошлом передается в английском языке аналитическим способом, с помощью структур *used – to Inf.* и *would – Inf.*, например: *He used to visit us every day. He would glance at her every time she spoke*, однако они не являются точными эквивалентами русских глаголов со значением повторяемости типа *похаживать* или *поглядывать*.

Значительный интерес в типологическом плане представляет большая группа глаголов с суффиксом *-ся* (*взгрустнулось, вздремнулось, привиделось, повелось*), передающим значение бессубъектного действия или состояния с дополнительными модальными значениями неожиданности, удачи, случайности, неполной контролируемости описываемого действия. Например: *В Тетерках мне хорошо писалось (Г. Горбовский); Что-то мне никак не умирается (Л. Дуров). «Чего же ты побежал?» – возмутился Кузнечик. «Не знаю», радостно признался Горбач. «Как-то побежалось» (М. Петросян).*

Как отмечает Ю. П. Князев, данная группа глаголов не получила подробного описания в специальных работах [Князев, 2007, с. 291]. А между тем подобные глаголы представляют интерес с точки зрения их этнокультурной обусловленности – они отражают тенденцию представлять действие или состояние как не зависящее от воли субъекта, а обусловленное внешними, не всегда объяснимыми обстоятельствами, чаще всего препятствующими выполнению действия.

Наиболее продуктивными суффиксами в сфере английского глагольного словообразования являются следующие: *-ize* (*dramatize, realize, specialize*), *-ify* (*electrify, magnify, specify*), *-ate* (*activate, cultivate*), *-en* (*broaden, strengthen, widen*). Среди префиксов наибольшей

продуктивностью обладают префиксы *mis-*, *dis-*, *un-*, *il-*, *ir-*, *in-*, с помощью которых создаются антонимические пары: *understand – misunderstand*, *do – undo*, префиксы *under-* и *over-*, передающие значения недостаточности или избыточности действия, например: *underestimate – overestimate*. Высокой производностью обладает конверсия, с помощью которой могут образовываться глаголы от всех частей речи, а также от словосочетаний, например: *Don't but me. The family ohed and ahed. He okeyed the expenses.*

Важной типологической особенностью английского языка является такой способ глагольного производства, как добавление послелого, например: *to do – to do in*, *to bring – to bring up*, *to make – to make up*, *to give – to give in*. В современном английском языке все более широкое распространение получает также такой способ глагольного производства, как словосложение с инкорпорированным актантом или сирконстантом, например: *to emergency-land*, *to beach-comb*, *to air-kiss*, *to soft-boil* и т. д.

Использование словосочетаний в английском языке выступает в качестве компенсаторного средства ограниченности словообразовательных средств, например: *влюбиться – to fall in love*; *разлюбить – to fall out of love*.

Число грамматических категорий глагола в английском и русском языках одинаково – семь, но существуют типологические различия как в их составе, так и в их семантическом содержании). У русского глагола в форме прошедшего времени есть грамматическая категория рода, которая имеет чисто формальный, или отраженный, характер и обусловлена необходимостью грамматического согласования в роде с подлежащим (ср.: *Зима пришла. Поезд пришел. Время пришло*). Остановимся более подробно на сопоставительном анализе грамматических категорий глагола.

Грамматическая парадигма форм лица и числа глагола в русском языке характеризуется полнотой. Каждая глагольная форма лица и числа имеет свои грамматические флексии (*Я иду, ты идешь, он идет, мы идем, вы идете, они идут*). В английском языке большая часть маркеров лица и числа у глагола была утрачена в процессе эволюции языка. В настоящее время достаточно полная парадигма имеется только у глагола *be*, в котором эти формы представлены супплетивно. У остальных глаголов имеется лишь один маркер лица и числа в глаголе настоящего времени. Функцию указания на лицо и число выполняет личное местоимение. Таким образом, глагольное окончание 3-го лица единственного числа *-(e)s* носит в значительной степени реликтовый

характер, что значительно препятствует становлению навыка его употребления, поскольку в данном случае имеет место внутриязыковая интерференция, т. е. отсутствие грамматических маркеров лица и числа в большинстве глагольных форм приводит к тому, что обучающийся «забывает» употреблять это окончание в форме 3-го лица единственного числа.

Основной категорией глагола является **грамматическая категория времени**, которая служит средством выражения времени события, о котором идет речь в предложении. Концепт ВРЕМЯ относится к числу базовых концептов и выступает одним из параметров типологизации культур. Значимость концепта ВРЕМЯ находит свое отражение в том факте, что в большинстве языков оно имеет множество средств его репрезентации. В актуализации данного концепта принимают участие языковые единицы всех уровней, начиная от морфемы и заканчивая синтаксическими конструкциями. Именно разноразрядная представленность языковых средств передачи значения темпоральности делает целесообразным их систематизацию по принципу функционально-семантического поля, в центре которого находится грамматическая категория времени как основной способ языковой репрезентации данного базового концепта, а периферия представлена многочисленными средствами различных уровней, передающими различные оттенки темпоральных отношений [Бондарко, 2001, с. 66–94; Функционально-семантические и словообразовательные поля, 1998, с. 121–135].

Категория времени представляет собой грамматическую категорию глагола, которая является специфическим языковым отражением объективного времени и служит для темпоральной локализации события или состояния, о котором говорится в предложении [ЛЭС, 1990, с. 89]. Эта локализация носит дейктический характер, т. е. соотносится прямо или косвенно с реальным или воображаемым «здесь и сейчас» и указывает посредством временных форм глагола на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или какому-либо другому моменту, принятому за точку отсчета. Момент речи представляет собой величину достаточно неопределенную в том смысле, что может иметь различную протяженность – от мгновения, обозначенного точкой на оси времени, как, в *Here he comes!* до бесконечности и занимать собой всю ось времени, как в *The earth rotates round the sun*. В когнитивно-ориентированных исследованиях категории времени сущность временных форм описывается с учетом фактора наблюдателя и на основе тесной связи пространственных и временных координат. Так, например, в работах А. В. Кравченко настоящее время

определяется как форма, обозначающая действие, находящееся в перцептивном пространстве говорящего; прошедшее – как форма, обозначающая действие, вышедшее из поля зрения говорящего, будущее – как форма, обозначающая действие, еще не вошедшее в перцептивное пространство говорящего [Кравченко, 1996, с. 72–82].

Грамматическая категория времени присутствует в большинстве языков мира, но при этом существуют значительные различия как на системном, так и на функциональном уровне, обусловленные как спецификой мировосприятия, так и грамматическими особенностями конкретного языка, в частности, характером отношений между категорией времени и другими глагольными категориями. Различия в мировосприятии времени разными этносами находят свое отражение как в трактовке сущности категории времени, так и в количестве языковых форм выражения времени. Так, сопоставляя систему времен в английском языке и языке американских индейцев хопи, Б. Уорф отмечает, что в языке хопи глаголы не имеют времен, аналогичных английскому языку: вместо них употребляются формы утверждения (*assertions*), видовые формы и формы, связывающие предложения (наклонения), и все это придает сообщениям большую точность. Формы утверждения обозначают, что говорящий сообщает о событии как о свершившемся или свершающемся факте, что соответствует настоящему и прошедшему времени в английском; или что он предполагает, что это событие должно произойти, что соответствует будущему времени в английском. Формы вида определяют различную степень длительности и различные направления «в течении длительности». В случае сообщения о нескольких событиях, отношения между ними – предшествование, последовательность или одновременность – выражаются в языке хопи с помощью форм наклонения [Уорф, 2003, с. 175, 176]. Таким образом, мы видим иную языковую репрезентацию времени, обусловленную спецификой мировосприятия этноса.

Значительный интерес представляют также факты о трактовке сущности будущего и прошедшего в языке и жестах индейцев Аймара, проживающих на территории Боливии. Как показал анализ языка и жестов этого племени, проведенный американскими учеными в 2006 году, индейцы этого племени совершенно иначе «видят» направление, в котором течет время: в виртуальной пространственно-временной шкале будущее для Аймара находится позади (поскольку невидимо), а прошлое – впереди, поскольку оно известно (видимо). В ходе исследования выяснилось, что слово *naura* (глаз, зрение) используется для обозначения событий прошлого, а слово *qhira* (спина, позади)

Аймара употребляют, говоря о будущем. Поэтому выражение *naura tara* (дословно: *в прошлом году*) обозначает, как ни парадоксально, *в будущем году*. Кроме того, Аймара обладают достаточно специфичным «языком тела»: указывая рукой перед собой, они говорят о прошедших событиях. Так, если в европейском сознании будущее находится впереди, а прошлое – позади, в сознании этого этноса будущее находится позади нас, и поэтому мы не можем его видеть, а прошлое, напротив, уже впереди, оно ушло вперед и если мы еще видим недавнее прошлое, то чем больше оно от нас удаляется, тем хуже мы его видим. При этом исследователи также отмечают, что сегодня все больше молодых представителей народа Аймара, свободно говорящие по-испански, пользуются привычными для нас жестами, что свидетельствует о переориентации их восприятия времени, что является следствием взаимодействия культур [Индейцы аймара...].

Наличие особой формы прошедшего времени, т. н. *passato remoto* в итальянском языке для описания событий далекого прошлого, например, для описания времен античности, возможно, связано с тем, что этому периоду отводится важное место в истории итальянской культуры. Большая частотность употребления форм настоящего времени для описания будущих действий в немецком языке может быть обусловлена влиянием основного для немецкой нации концепта *Ordnung*, а именно стремлением представлять даже будущие действия как непреложный факт [Карасик, 2002, с. 211]. Все приведенные примеры подтверждают значимость этнокультурного фактора в языковой репрезентации времени в разных языках.

Грамматическая категория времени в английском и русском языках во многом совпадает: и в том, и в других языках она представлена трехчленной оппозицией форм настоящего, прошедшего и будущего времен; в обоих языках формы будущего времени представляют собой более поздние образования, созданные на базе модальных словосочетаний (*shall/will – Inf.*) или форм настоящего времени (*делаю – сделаю*). В русском языке будущее время имеет две формы: синтетическую и аналитическую в зависимости от аспектуального характера глагола (*свою – буду неть*).

Существенное различие между английским и русским языками заключается в том, что в английском языке существует оппозиция т. н. абсолютных и относительных времен (*Absolute and Relative Tenses*), т. е. системы временных форм, используемых в тех случаях, когда действие соотносится не с моментом речи, а с определенным моментом в прошлом, принятым за точку отсчета, например: *He said he was married / He said he*

had been married / He said he would be married soon. Наличие двух систем временных форм – абсолютных и относительных – и основанное на этом правило согласования времен (*Sequence of Tenses*) не имеет аналогии в русском языке, а потому требует большего внимания и тренировки при обучении английскому языку.

В функциональном плане между английским и русским языком также существует как сходство, так и различие в употреблении временных форм. В обоих языках временные формы обладают широким спектром прагматических значений, актуализируемых в процессах транспозиции. Так, формы настоящего времени могут транспонироваться в сферу прошедшего (т. н. драматическое и историческое настоящее), как, например: *Идет Иван-царевич дальше и видит...*; *And then, on the night of the banquet, she suddenly appears in her emeralds (M. Mitchell).* Формы прошедшего времени регулярно транспонируются в сферу настоящего – это т. н. претерит скромности, как, например: *Я только хотела спросить, можно ли мне сегодня уйти чуть пораньше. “I thought you might like dinner”, he said “Some place with real food”. “I’ll put on my shoes, says Rennie (M. Atwood).* Формы будущего времени в обоих языках также обладают способностью к транспозиции, но при этом их значения различаются: в русском языке будущее может транспонироваться в сферу настоящего для выражения значения предположительности (*До ближайшего города километров 20 будет*) и в сферу настоящего или прошедшего для выражения повторяющегося действия: *А иногда он проснется ночью... просто так, неизвестно отчего (Ю. Трифонов).* В английском языке будущее время транспонируется в сферу настоящего для выражения повторяющихся действий, воспринимаемых как «вечные истины» (так было, есть и будет всегда), например: *Boys will always be boys. They will always fight.*

Для английского языка более характерно широкое употребление форм настоящего времени (преимущественно длительного вида) для выражения будущих действий (*Peter is coming tomorrow*), что может быть связано с наличием омонимии между формами будущего времени и сочетанием модальных глаголов *shall/will* с инфинитивом (в русском языке такая омонимия отсутствует). Во-вторых, в силу сложившейся практики в английском языке в придаточных предложениях времени, уступки и условия употребляются формы настоящего, а не будущего времени, что представляет собой реликтовое явление, свидетельствующее о том, что в древнеанглийском не было грамматической формы будущего времени, а значение будущего выражалось формами настоящего времени. Этот частный случай часто

является причиной ошибок в англоязычной речи русских учащихся и в русскоязычной речи англоговорящих, вызванных интерференцией родного языка.

Как отмечает У. Клайн в своем исследовании, темпоральность как языковая категория, репрезентирующая концепт ВРЕМЯ в языке, находит свое выражение в языке тремя способами: представляя время действия по отношению к моменту речи, показывая последовательность событий и представляя внутренние темпоральные характеристики действия [Klein, 1994, p. 5], что подтверждает значимость данного концепта в жизнедеятельности человека и его языковом сознании. Это тройкая репрезентация концепта ВРЕМЯ находит свою репрезентацию в категориях времени, вида и временной соотнесенности в английском языке и категориях времени, вида и таксиса в русском языке.

Грамматическая категория вида выражает интерпретацию говорящим внутреннего характера действия в его отношении к таким признакам, как внутренний предел, результат, длительность, повторяемость и т. д. Б. Комри в своей монографии, посвященной данной категории, определяет сущность вида как *“different ways of viewing the internal temporal constituency of a situation”* [Comrie, 1976, p. 3]. Данная категория тесно связана с категорией времени, но, в отличие от времени, вид связан не с дейктической темпоральной локализацией действия, а с его внутренней темпоральной структурой, т. е. с тем, как она интерпретируется говорящим [ЛЭС, 1990, с. 83]. Данная категория существует во многих языках, но при этом ее семантическое содержание в разных языках значительно отличается, поскольку в основу категории вида разные языки выбирают разные признаки действия. Так, в русском и других славянских языках в основе категории вида лежит значение внутреннего предела действия, и в соответствии с этим признаком выделяются совершенный и несовершенный вид. Противопоставление совершенного и несовершенного вида охватывает всю систему русского глагола, при этом видовые различия могут выражаться как с помощью грамматических, или словоизменительных, морфем (*делать – сделать, петь – спеть, шагать – шагнуть*), так и с помощью словообразовательных морфем (*переделать, недоделать, напеть, недопеть, перешагнуть* и т. д.). Значение вида лежит в основе классификации глаголов на предельные и непредельные (*любить – разлюбить, жить – умереть* и т. д.). Видовое значение повторяемости действия также выражается с помощью словообразовательных морфем (*поглядывать, подсматривать, похаживать* и т. д.). Вся совокупность видовых противопоставлений образует обширное функционально-

семантическое поле аспектуальности, охватывающее обширное семантическое пространство (подробнее см. [Теория функциональной грамматики, 2001, с. 40–210]).

В английском языке значение завершенности и незавершенности действия также находит свое выражение в языке, в частности, с помощью противопоставления предельных и неопредельных глаголов (*to live – to die*), с помощью добавления послелогов к глаголу (*to eat – to eat up*), с помощью сочетания неопредельных глаголов с предельными (*to know – to come to know, to love – to fall in love, etc.*), однако подобные противопоставления не охватывают весь класс глаголов и потому не могут быть положены в основу грамматической категории вида. В основе грамматической категории вида в английском языке лежит значение процессуальности, или длительности, действия в его противопоставлении констатации действия, и грамматическая категория вида образована оппозицией форм длительного и общего вида. С позиции когнитивного подхода сущность данной оппозиции также трактуется с учетом фактора наблюдателя: формы длительного вида обозначают действие, которое находится в поле зрения наблюдателя, а в форме общего вида такое значение отсутствует. Данная оппозиция охватывает весь класс английских глаголов, за исключением небольшой группы глаголов, семантика которых несовместима со значением процессуальности (*contain, consist* etc.). Форма длительного вида, образуемая с помощью вспомогательного глагола *be* и Participle I основного глагола, выражает ограниченную длительность, или процесс. Данное значение выступает наиболее отчетливо при противопоставлении форм общего и длительного вида в одном фрагменте текста, например: *He was blushing and Rennie was entranced: the men she knew did not blush* (M. Atwood).

В различных контекстуальных условиях формы длительного вида могут выражать широкий спектр значений, взаимодействуя с категориями времени и модальности (подробнее см. [Козлова, 2005, с. 83–85]).

Различия в семантическом содержании грамматической категории вида в английском и русском языках делает сопоставление этих форм довольно сложным. Так, значение несовершенного вида в русском языке может переводиться на английский язык как формами общего, так и формами длительного вида. Ср.: *По воскресеньям он играл в футбол. Когда я пришел, он играл в футбол. On Sundays he played football. When I came he was playing football.* А формы английского общего вида могут переводиться на русский язык как формами совершенного, так и

формами несовершенного вида. Ср.: *He wrote books in three languages. He wrote his first poem when he was only ten. Он писал книги на трех языках. Он написал свое первое стихотворение в возрасте 10 лет.* Таким образом, русский несовершенный вид шире английского длительного по своему семантическому объему, а английский общий вид шире русского совершенного.

Существенные различия между значениями форм вида в английском и русском языках представляют значительную трудность для англоговорящих студентов, изучающих русский язык. Так, поскольку английскому предложению *He came yesterday* соответствуют русские *Он пришел вчера* и *Он приходил вчера*, эти формы недостаточно четко дифференцируются англоговорящими и нередко смешиваются.

В английском языке глагол имеет еще одну грамматическую категорию, не имеющую грамматических аналогов в русском языке. Это **категория временной (со-) отнесенности**, представленная оппозицией форм *Perfect – Non-Perfect*, которая выражает темпоральную характеристику действия в плане его предшествования и соотносительности с другим действием. Заслуга в ее описании принадлежит А. И. Смирницкому, который впервые в отечественной англистике выделил ее в особую категорию глагола, тесно связанную с категориями времени и вида, но имеющую свой особый статус в системе глагольных категорий и назвал ее категорией временной отнесенности [Смирницкий, 1959, с. 274–316]. Термин «временная соотносительность» является, по мнению Б. А. Ильиша, более точным [Ильиш, 1971, с. 92].

Грамматическое значение перфекта включает два тесно связанных компонента: предшествование и корреляцию с другим действием или моментом времени в настоящем, прошедшем или будущем. Как и категории времени и вида, данная категория носит глубоко антропоцентрический характер и отражает говорящим интерпретацию характера отношений между действиями, о которых идет речь. Так, основное различие между формами *Present Perfect* и *Past Indefinite*, которое также выражает предшествование действия моменту речи, заключается в том, что, используя *Present Perfect*, говорящий акцентирует релевантность, особую значимость прошлого действия для настоящего, тем самым устанавливая причинно-следственную связь между событиями. Например: *Their tongues lolled and their tails drooped between their legs. They had all come a long way (A. Carter).* Причинно-следственная связь между состоянием животных и предшествующими событиями настолько очевидна, что мы можем соединить эти предложения с помощью союза *because*.

П. В. Дурст-Андерсен дает объяснение сущности данной категории с позиций т. н. ментальной грамматики. Он отмечает, что, рассматриваемая с позиции архивного места, грамматическая система английского языка основывается на уровне ментального архива, в котором хранится информация о настоящих и прошлых ситуациях, об их причинно-следственной взаимосвязи, что обуславливает выбор в системе видовременных форм между актуальностью/неактуальностью прошлых событий для настоящего [Дурст-Андерсен, 1995]. Очевидно, этим и объясняется существование в английском языке категории временной соотнесенности.

В различных контекстуальных условиях перфектные формы передают широкий спектр значений, таких, как завершенность действия, опыт, интенсивность и т. п. Перфектные формы выполняют также важную текстообразующую функцию, выступая в качестве одного из основных средств создания ретроспективного плана повествования (подробнее см.: [Козлова, 2005, с. 90, 91]).

В русском языке значение предшествования не имеет специального грамматического средства выражения, а потому при переводе с английского на русский оно обычно передается лексически. Ср.: *The coat was long and old and had been grey* – *Пальто было длинным и старым и когда-то (прежде) было серым.*

Отсутствие специальных морфологических форм выражения предшествования в русском и других языках делает ее восприятие языковым сознанием представителей других языков достаточно сложным и требует более кропотливой работы со стороны преподавателя.

Частично категорию временной соотнесенности можно соотнести с категорией таксиса, выделяемой многими исследователями. Понятие таксиса, впервые введенное Р. О. Якобсоном, получило дальнейшую разработку в трудах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и других ученых. Как писал Р. О. Якобсон, таксис «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения [Якобсон, 1972, с. 101]. Важные мысли об отношении таксиса к категориям времени и вида находим в работах Ю. М. Маслова, который отмечал, что значения одновременности, предшествования и следования не являются, строго говоря, ни временными, ни видовыми, а находятся между теми и другими. Таким образом, подчеркивая тесную связь между категориями времени, вида и таксиса, он отмечал тот факт, что в каждой из этих категорий значение времени преломляется по-разному [Маслов, 1978, с. 8, 9]. Таксисные значения находят свое выражение в синтаксических конструкциях с причастными и

деепричастными оборотами (*Сделав дело, гуляй смело*), в составе сложных предложений (*Пока вы спорили, я нашел ответ*), в составе последовательности предложений (*Автомобиль остановился. Они приехали*). Принципиальное различие между категорией таксиса в русском и других языках и категорией временной соотнесенности, существующей в английском языке, состоит в том, что категория временной соотнесенности является морфологической категорией, имеющей специальные грамматические формы ее выражения, а таксисные значения не имеют специальных морфологических форм, а передаются синтаксически, в них «доминируют синтагматические отношения» [Бондарко, 2001, с. 105]. Таксисные отношения имеют место и в английском языке, но они не образуют морфологической категории, а носят чисто синтаксический характер.

Важной типологической особенностью глагольных категорий английского языка является тесная взаимосвязь грамматических категорий времени, вида и временной соотнесенности, которые, тесно переплетаясь при употреблении глагола в предложении, образуют сложную систему видовременных форм группы *Indefinite, Continuous, Perfect* и *Perfect Continuous*. Овладение навыками правильного употребления видовременных форм английского глагола составляет основу овладения языком, а потому этому должно уделяться основное внимание при обучении иностранному языку. Не случайно глава, посвященная описанию системы видовременных форм английского глагола в работе Р.Е. Морсбергера, носит красноречивое заглавие “*Tension over Tenses*” [Morsberger, 1965 р. 96]. При этом важно учитывать как сходство, на основе которого возможна трансференция знаний и навыков родного языка в сферу иностранного, так и различие, способное оказывать интерферирующее влияние. Немаловажное значение для преодоления интерференции имеет развитие у обучающихся когнитивной эмпатии, т. е. способности воспринимать и интерпретировать действие глазами и сознанием носителя английского языка.

Грамматическая категория наклонения предназначена для выражения номинативного содержания предложения к действительности, устанавливаемого говорящим. Так же, как и категория времени, она имеет первостепенное значение для построения предложения, поскольку она участвует в выражении предикативности – той основы, на которой строится предложение как единица коммуникации.

В содержательном плане в данной категории не существует различий между английским и русским языками, что обусловлено общностью

мышления: в том и в другом языке говорящий может представлять действие, о котором идет речь в предложении, как соответствующее действительности, противоречащее ей или гипотетическое и желательное, что находит свое языковое выражение в наличии в языках трех форм наклонения: изъявительного, сослагательного и повелительного. Различие между языками существует в плане выражения перечисленных значений: и в русском, и в английском языках существуют формы индикатива и императива, которые совпадают в своих значениях, а основные различия существуют в сфере выражения ирреального действия. В русском языке существует одна форма сослагательного наклонения, образуемая с помощью прошедшего времени индикатива и частицы *бы*, которая может занимать как контактное, так и дистантное положение по отношению к глаголу: *Если бы он знал об этом раньше, он не пришел бы на эту встречу*. Поскольку в русском языке есть только одна форма сослагательного наклонения, она употребляется как в главном, так и в придаточном предложении [Валгина и др., 2002, с. 188, 189]. Нереальное условие может выражаться в русском языке также с помощью формы повелительного наклонения, транспонируемого в сферу ирреальности, ср.: *Знай он об этом раньше, он бы так не поступил*. Форма сослагательного наклонения может транспонироваться в сферу повелительного наклонения: *Шел бы ты своей дорогой!*

В английском языке для представления действия как нереального существует четыре формы наклонений, которые различаются как по значению, так и по синтаксическим условиям их употребления. Сослагательное II (*Subjunctive II*), совпадающее по форме с прошедшим временем индикатива, и условное наклонение (*Conditional Mood*), образуемое с помощью вспомогательных глаголов *should/would*, полностью совпадают в своем значении, но отличаются контекстами употребления: *Subjunctive II* употребляется в придаточных, а *Conditional Mood* – в главном предложении. Ср.: *If you had come a few minutes earlier you would have found him here*. Эта синтаксическая обусловленность форм наклонения в английском языке нередко служит причиной возникновения ошибок в англоязычной речи русскоговорящих. Оба наклонения могут также употребляться в простом предложении: *Subjunctive II* – для выражения нереального желания (*Oh if you were my sister!*), а *Conditional Mood* – для выражения желания при наличии подразумеваемого условия *I'd be happy to have a cup of coffee! (if I were offered)*.

Два других наклонения в английском языке – т. н. предположительное (*Suppositional Mood*), образуемое с помощью вспомогательного

глагола *should* со всеми лицами и инфинитива основного глагола, и *Subjunctive I*, совпадающее по форме с инфинитивом без частицы *to*, в основном совпадают в своих значениях (за исключением значения пожелания в предложениях типа *Long live peace and friendship*, в которых употребляется только *Subjunctive I*), но употребляются в разных вариантах английского языка. *Subjunctive I*, ранее употреблявшееся в британском варианте английского языка, было вытеснено в новоанглийский период формами *Suppositional Mood* [Расторгуева, 1989, с. 125, 126], но при этом осталось в американском варианте английского языка. Ср.: *I demand that you should follow my instructions (BE); I demand you follow my instructions (AE)*. В британском варианте английского языка формы *Subjunctive I* в настоящее время считаются устаревшими, и их употребление ограничено поэтическим и официальным стилем.

Таким образом, несмотря на смысловую общность форм наклонения в английском и русском языках, количественная асимметрия в сфере форм наклонения в английском и русском языках и синтаксическая обусловленность форм косвенных наклонений в английском языке создают значительные трудности для их усвоения русскоязычными студентами и требуют большой работы по закреплению навыков их употребления.

Грамматическая категория залога, в основе которой лежат отношения между действием, его агенсом и объектом действия, относится к числу наиболее ранних языковых категорий и имеет статус языковой универсалии, поскольку лежащие в ее основе отношения имеют большое значение в жизнедеятельности человека и характере взаимоотношений человека с окружающим миром. Залоговые отношения находят свое выражение в той или иной форме, грамматической или неграмматической, во всех языках мира, и изучению этих отношений уделяется большое внимание на протяжении всей истории развития лингвистики. На значимость залоговых отношений в языке указывает и тот факт, что как в русском, так и в английском языке залоговые значения имеют множественные способы языковой репрезентации и включают не только морфологические, но и лексические и словообразовательные средства, вся совокупность которых образует функционально-семантическое поле залоговости [Бондарко, 1972; Медведева, 1983].

В рамках традиционной грамматики залог рассматривался как морфологическая категория, но при этом исследователи указывали на тот факт, что залоговые отношения носят морфолого-синтаксический характер, так как изменение грамматической формы глагола влечет за собой изменение всей структуры предложения. Ср.: *Он написал свою*

первую картину в 6 лет / Его первая картина была написана им в 6 лет. He painted his first picture at the age of 6 / His first picture was painted by him at the age of six.

Как отмечает В. Ю. Копров, залог – это прежде всего синтактико-морфологическая (а не морфологическая, лексико-грамматическая или чисто синтаксическая) категория, а потому ее анализ связан с изучением семантико-структурного устройства предложения. По его мнению, синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку в довольно широких пределах [Копров, 2010, с. 133].

В семантическом синтаксисе залог определяется в терминах диатезы, т. е. как морфологически маркированные отношения между семантикой и синтаксисом предложения: форма активного залога маркирует параллелизм между семантической и синтаксической функциями подлежащего, а форма пассивного залога – отсутствие такого параллелизма [Холодович, 1979, с. 284; Долинина, 1989]. Я. Г. Тестелец определяет залог как диатезу, грамматически выраженную в глаголе [Тестелец, 2001, с. 411].

Значительный вклад в выявление сущности залоговых различий внесли работы, выполненные с позиции когнитивной грамматики, рассматривающей грамматические явления в связи с ментальной деятельностью человека. Как отмечает В. А. Плуноян, «выбор одной граммемы залога вместо другой отражает не столько изменения реального мира..., сколько изменения в отношении того, как говорящий *хочет представить* соответствующую ситуацию и ее участников» [Плуноян, 2003, с. 194]. О. К. Ирисханова рассматривает залоговые преобразования как результат когнитивных операций фокусирования/дефокусирования. Дефокусирование определяется автором как когнитивная операция или «мыслительный процесс, направленный на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Ирисханова, 2007, с. 72]. К этой точке зрения близка трактовка сущности пассивного залога как процедуры, направленной на «подавление» (*demotion*) подлежащего, т. е. на превращение подлежащего из обязательного актанта в факультативный [Grimshaw, 1990, p. 109–118].

Рассматриваемые в когнитивно-дискурсивном ракурсе, залоговые формы трактуются как разные способы языковой репрезентации одной и той же пропозициональной структуры, или образ-схемы ситуации действительности, являющиеся результатом фокусирования/дефокусирования внимания говорящего/слушающего на субъект или

объект действия, что обусловлено комплексом факторов структурного, семантического и прагматического характера.

Грамматическая категория залога существует и в английском, и в русском языках, но имеет существенные типологические различия. В английском языке существует только один способ образования залоговых форм – с помощью глагола *be* и *Participle II* основного глагола. При этом, как показало исследование Н. И. Пушиной, залоговые противопоставления в английском языке широко представлены не только в личных, но и в неличных формах глагола [Пушина, 1981; 2000].

Помимо *be*, для образования залоговой формы пассива в отдельных случаях в неофициальном стиле может использоваться глагол *get*. Ср.: *He got appointed to a new position*. При этом обращает на себя внимание тот факт, что глагол *get* употребляется в безагенсных пассивных конструкциях, что косвенно указывает на участие самого объекта действия в совершении действия.

В русском языке исследователи выделяют три залога: действительный, средневозвратный и страдательный [Валгина и др., 2002, с. 287]. Действительный и страдательный залоговые формы тесно связаны со свойством переходности и непереходности глагола. Страдательный залог в русском языке возможен только с прямопереходными глаголами и образуется двумя способами: синтетически, с помощью суффикса *-ся* и аналитически – с помощью глагола *быть* и страдательного причастия на *-н/т*: *Дом построился к началу зимы / Дом был построен к началу зимы / Строительство было начато в прошлом году*.

Формы средневозвратного залога образуются только синтетически, и при этом, в результате взаимодействия семантики глагольных лексем и грамматического значения залоговости, они передают широкий спектр значений, таких, как: собственно-возвратное (*мыться, защищаться* и т. д.), средневозвратное (*возвращаться, убираться* и т. д.), общевозвратное (*сердиться, радоваться* и т. д.), активно-безобъектное значение (*кусаться, бодаться* и т. д.), косвенно-результативное значение (*проспать, посмотреть* и т. д.), безлично-интенсивное (*не спится, не работает* и т. д.) (подробнее см. [Виноградов, 1972, с. 494–501]). При этом, как отмечает В. В. Виноградов и другие исследователи, в употреблении суффикса *-ся* имеет место сложное взаимодействие лексических и грамматических значений, т. е. образования с данным суффиксом представляют собой как залоговые формы одного и того же глагола (*мыть – мыться*), так и разные глаголы (*плакать – плакаться, пройти – пройтись* и т. д.). Ср., например: *Тряхнул головой и – забылся, забыл* (З. Прилепин).

Большой корпус таких глаголов, широкий спектр выражаемых ими значений, участие как грамматических, так и лексических способов выражения возвратности и взаимности является, по мнению многих исследователей, типологически значимой характеристикой славянских языков [Князев, 2007, с. 260].

В английском языке значения возвратности, взаимности и медиальности не имеют грамматических показателей, а передаются лексически, с помощью возвратных местоимений или контекстно, когда называемое действие однозначно интерпретируется как направленное на себя, друг на друга, или объект наделяется свойством агентивности. Ср.: *I quickly dressed and left the house. The book sold in no time.*

Грамматическая категория залога английского глагола базируется на оппозиции двух залоговых форм: активного и пассивного залога. Существенное отличие образования залоговых форм в английском языке по линии актив/пассив состоит в степени охвата залоговыми противопоставлениями глаголов. В русском языке в выражении залоговых различий принимают участие только переходные глаголы, сочетающиеся с прямым беспредложным дополнением. В английском языке подлежащим пассивной конструкции может стать не только прямое беспредложное дополнение (*I was invited*), но и прямое предложное дополнение (*I was stared at*), а также косвенное дополнение (*I was given a nice present*) и (в отдельных случаях) обстоятельство места, близкое по своей семантике к дополнению (*The bed was not slept in for many years*). Таким образом, само понятие переходности в английском языке трактуется шире, чем в русском и рассматривается как явление семантическое, а не формальное. Анализируя семантику глаголов, которые участвуют в залоговых преобразованиях, Р. М. У. Диксон вводит понятие глагола с ингерентным предлогом (*verbs with inherent prepositions*) [Dixon, 1991, p. 270]. Именно ингерентность предлогов, употребляемых с глаголами, позволяет им участвовать в залоговых преобразованиях. На самом деле, сопоставление таких глаголов, как *see* и *look at*, *trust* и *rely on*, *ridicule* и *make fun of* с точки зрения их семантической связи с дополнением убеждает нас в том, что дополнение после таких глаголов, вне зависимости от присутствия или отсутствия предлога, однозначно указывает на объект действия, что и позволяет рассматривать такие глаголы как транзитивные. Что касается возможности участия обстоятельств места в залоговых преобразованиях, то подобные случаи единичны и возможны лишь при условии некоторого смыслового преобразования глаголов с последующим обстоятельством места. Так, предложение *The bed was not slept in for many years* может

быть перефразировано в *The bed was not used for sleeping for many years* без существенного изменения смысла. Можно полагать, что именно такое семантическое прочтение предложения позволяет объяснить факт участия обстоятельства места в залоговых преобразованиях: оно воспринимается говорящим и слушающим как объект действия.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в английском языке залоговые отношения могут регулярно выражаться в составе других частей речи: существительных (*an employer – an employee*) и прилагательных (*unreadable, unputdownable*). Например: *...there are two people involved in boredom, not just one: the borer and the boree (M. Atwood). We were all expendable (G. Greene).*

Совокупность всех способов выражения залоговых отношений в английском языке образует широкое функционально-семантическое поле залоговости, в котором неграмматические средства передачи залоговых отношений занимают значительное место. Так, по данным Л. М. Медведевой, они составляют 30 % от общего числа средств выражения залоговости в английском языке [Медведева, 1983, с. 23].

И, наконец, завершая сопоставительный анализ глагола в английском и русском языках, следует указать на существенные различия между языками в сфере неличных форм глагола, существующие как в номенклатуре неличных форм, так и в их функционировании. В русском языке неличные формы включают инфинитив, причастие и деепричастие; в английском – инфинитив, причастие и герундий, что также свидетельствует о большей номинативности английского языка и большей глагольности русского. В функциональном плане различие состоит в большей частотности употребления неличных форм глагола по сравнению с русским, что делает английский язык более экономичным. Эта экономичность, или бóльшая степень синтаксической компрессии, обеспечивается способностью неличных форм глагола регулярно употребляться в структурах вторичной предикации (Complex Object, Complex Subject constructions, Absolute Participial Constructions), которые не имеют синтаксических аналогов в русском языке, а потому требуют большого внимания как при обучении грамматике английского языка, так и при переводе, поскольку в процессе перевода неизбежно требуется «переупаковка» смысла, т. е. использование иной синтаксической структуры принимающего языка. Ср.: *Всё зависит от того, будут ли они соблюдать перемирие. – Everything depends on their keeping the truce. I remember coming home that night and finding Hassan in the kitchen (Kh. Hosseini). – Помню, как той ночью вернулся домой и застал Хасана*

на кухне. *The night being warm, we slept on the terrace* – Так как ночь была теплой, мы спали на террасе.

5.4. Сопоставительный анализ прилагательных и наречий в английском и русском языках

Класс прилагательных, категориальным значением которых является качество, или признак субстанции, существует во всех европейских языках и относится к т. н. кардинальным частям речи. Прилагательные и в русском, и в английском языках представляют собой обширный класс слов, обладающий значительным словообразовательным и функциональным потенциалом. В русском языке имеется широкий круг словообразовательных суффиксов для образования качественных, относительных и качественно-относительных прилагательных, например: *-ив* и производные от него *-лив* и *-чив* (*молчаливый, терпеливый, забывчивый*), *-ат* и *-аст* (*усатый, полосатый, глазастый, зубастый*), *-ист* (*каменистый, голосистый*), *-оватый* (*плоховатый, низковатый*), *-ичный*, *-абельный* (заимств.) (*проблематичный, читабельный*), *-еньк* (*аленький, беленький*): *-ий/ья/ье* (*волчий, лисья*), *-ан/ян* (*кожаный, серебряный*), *-н/ний* (*весенний, зимний*) и др. (подробно см.: Виноградов, 1972, с. 173–194). Характерной особенностью русского языка является наличие притяжательных прилагательных, образованных от местоимений и существительных (*наш, папин, Иванов* и т. д.), эквивалентами которых в английском языке служат притяжательные местоимения и существительные в форме притяжательного падежа, т. е. имеет место межъязыковая частеречная асимметрия.

В английском языке также существует значительное число продуктивных суффиксов для деривации прилагательных, из них, по данным О. В. Афанасьевой, в английском языке насчитывается 41 суффикс, с помощью которых образуются прилагательные [Афанасьева, 1992, с. 55]. Наибольшей продуктивностью обладают следующие суффиксы: *-ed, -al, -ic, -ous, -able, -y, -ing, -ant, -ive, -an, -ary, -ate, -less, -ish*, например *wicked, musical, heroic, fabulous, touchable, interesting, windy, truant, active, vegetarian, contrary, associate, bookless, bluish*. При этом обращает на себя внимание высокая степень продуктивности таких суффиксов, как *-ish, -able* и *-less*, на что указывает возможность образования таких авторских окказионализмов, как, например: *Maisie looked more than usually kissable* (R. Kipling); *Now I was Peterless* (D. Lessing); *'How's the shepherd's pie?'* *'Shepherd's pie-ish'* (E. George).

В английском языке продуктивным способом словообразования в сфере прилагательных является также словосложение, при этом

заслуживает особого внимания широкая палитра семантических отношений между компонентами таких сложных прилагательных. Эти отношения могут включать значения эмфатического сравнения (*dog-tired, snow-white*), агентивности (*self-made, man-made*), объектности (*thought-provoking*), темпоральности (*morning picked*), степени проявления качества (*light-blue, wine-red*), цели (*safety-tested*) и т. д. (подробно см.: [Арнольд, 1973, с. 74]).

Обращает на себя внимание отсутствие в английском языке прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, в которых в русском языке находит свое отражение эмоциональная составляющая русского национального характера. Другим показателем этой составляющей является наличие и частотность употребления в русской эмоциональной речи таких адъективных образований, как, *умный-преумный, красивый-прекрасивый, длинный-предлинный* и т. д., которые не имеют точных эквивалентов в английском языке.

Что касается относительных прилагательных, то в английском языке их подкласс оказывается значительно малочисленнее по сравнению с русским. Эта лакуна в лексической парадигме номинации заполняется за счет функциональной транспозиции существительных в атрибутивную позицию, например: *Венецианский фестиваль – Venice festival, апрельский дождь – April rain* и т. д., что становится возможным благодаря большей степени функциональной мобильности слов в английском языке, обусловленной простотой морфологической структуры многих английских слов.

Другим типологическим различием является наличие двух форм качественных прилагательных в русском языке: полной и краткой формы, например: *красивый* и *красив*, *умный* и *умён*.

Что касается грамматических категорий прилагательного, то и в английском, и в русском языках качественные прилагательные имеют грамматическую категорию сравнения, которая носит ингерентный, т. е. внутренне присущий этому классу, характер (качество подлежит градации). В обоих языках существуют три способа образования степеней сравнения: синтетический, аналитический и супплетивный (рус. *красивый, красивее, красивейший, более красивый, самый красивый*; англ. *handsome, handsomer, handsomest; beautiful, more beautiful, most beautiful*; рус. *хороший, лучше, лучший*: англ. *good, better, the best*). Различие состоит в том, что в русском языке имеет место вариативность форм образования степеней сравнения, а в английском – выбор синтетической или аналитической формы обусловлен морфологической структурой прилагательного (количеством слогов): многосложные прилагательные образуют степени сравнения аналитическим способом,

что опять-таки продиктовано тем фактом, что английский язык «не любит длинных слов».

Другое существенное типологическое отличие состоит в том, что в русском языке прилагательные имеют грамматические категории рода, числа и падежа, которые носят формальный, или рефлексивный, характер. Их наличие у прилагательного обусловлено внутренними нормами русского языка, необходимостью согласования прилагательного с определяемым им существительным в роде, числе и падеже, что, несомненно, создает дополнительные трудности для англоязычных студентов, изучающих русский язык. Основным средством выражения грамматической связи между существительным и прилагательным в составе субстантивного сочетания в русском языке является согласование, а в английском – замыкание (разновидность примыкания), что позволяет слову любой части речи, а также словосочетанию и даже целому предложению употребляться в позиции между детерминативом и опорным существительным, становясь при этом функциональным синонимом прилагательного, например: *a yes man, a childhood home, a wait-and-see policy, a carrot-and-stick policy, a divide-and-rule policy, an I-don't-care-a-bit expression*. Подобное употребление представляет собой одну из черт, совокупность которых образует тот особый покров языка, в данном случае английского языка, о котором говорил Э. Сепир.

Наречие в большинстве европейских языков является наиболее молодым классом слов, оформившимся в европейских языках как самостоятельная часть речи уже в период их раздельного существования [Жирмунский, 1968, с. 27]. Исключение составляют т. н. дейктические наречия типа *here, there, now, then*, которые появились на ранних стадиях развития языка в связи с формированием концептов пространства и времени. С точки зрения их роли в коммуникации наречия выступают в качестве предикатов второго порядка, выражая признак действия или качества, т. е. оказываются прикрепленными к предикатам первого порядка – глаголам и прилагательным. Грамматическое значение наречий – признак признака, или признак второй степени.

Значительная часть наречий во флективных языках представляет собой застывшие словоформы существительных, прилагательных и глаголов, т. е. являются вторичными образованиями и по своему генезису, так как образовались преимущественно «из осколков знаменательных слов» [Крушевский, 1883, с. 143]. Такова история происхождения таких английских наречий, как, например, *since, home, always, today*, таких немецких наречий, как *abends*, или таких русских наречий, как *пешком, бегом, вприпрыжку, втихомолку, шепотом* и т. д. В семантическом плане наречия также характеризуются значительным

разнообразием и объединяют несколько подклассов, выражающих как внутреннюю характеристику действия (наречия качественной характеристики действия) или качества (наречия степени), так и внешние обстоятельства действия (наречия времени, места). Наречия образа действия, или качественной характеристики действия являются наиболее многочисленным классом, выражающим самые различные как объективные, так и субъективные характеристики действия.

Обращаясь к сопоставлению средств создания наречий в русском и английском языках, мы также видим значительные различия между языками. В современном русском языке наиболее регулярной является суффиксальная модель образования наречий от качественных прилагательных с помощью таких суффиксов, как *-о* (*смешно, весело, заливисто, угрюмо, молодцевато* и т. д.), которая практически не имеет ограничений, *-онько/енько* (*легонько, скоренько, давненько, хорошенько* и т. д.), а также префиксально-суффиксальная модель *по-ому, по-ему* (*по-новому, по-летнему*), *по-и* (*по-заячьи, по-собачьи, по-прокурорски*), *по-о* (*поочередно, поминутно, помесечно*). Помимо этого, исследователи выделяют еще целый ряд менее продуктивных наречных суффиксов [Русская грамматика, 1980, с. 397–410]. О высокой продуктивности данных способов наречного словообразования говорит и тот факт, что по этим моделям создаются авторские окказиональные наречия, как, например:

*За ужином объелся я,
а Яков запер дверь дотошно.
И было мне, мои друзья,
и кюхельбекерно, и тошно* (А. С. Пушкин).

*Лёва поднял глаза
С подглазными мешками, набитыми пылью страданий,
И вдруг спросил
Совсем по-московски,
Вернее, по-улицегорьковски* (Е. А. Евтушенко).

*Ласкает Лена бережок,
Степенно, миссисиписто* (Е. А. Евтушенко).

В английском языке исследователи выделяют четыре наиболее распространенных суффикса деривации качественных наречий: *-ly, -like, -wise, -fashion*, но при этом три последних определяются как полуаффиксы, развившиеся на основе десемантизации вторых компонентов сложных слов [Marchand, 1960, p. 291, 292]. Достаточно высокой продуктивностью обладает лишь суффикс *-ly*, производящий

наречия от основ прилагательных, причастий и частично от существительных и субстантивных сочетаний, например: *swiftly, excitedly, cowardly, Simple-Simonly*. Однако, как показывает фактический материал, на словообразование наречий с помощью этого суффикса накладывается целый ряд ограничений семантического, структурного и стилистического характера, побуждающих говорящих к поиску иных средств передачи качественной характеристики действия. Так, наречия, как правило, не образуются от статичных прилагательных [Kjelmer, 1984, p. 119], от прилагательных, обозначающих национальность, а также от многосложных прилагательных и причастий, так как они давали бы слишком громоздкие образования. Во всех случаях, когда модель словообразования наречий «не работает» по одной из перечисленных причин, «на помощь приходят» адвербиальные существительные типа *way, fashion, manner, style*, которые переводят прилагательные, а также местоимения, числительные и словосочетания в адвербиальную позицию. Например: *Being in no haste, Indian fashion, he hunted his dinner in the course of the day's travel* (S. Turow).

Подобные словосочетания нередко используются и при наличии в языке наречия с суффиксом *-ly*, что свидетельствует о тенденции английского языка к аналитизму, поскольку распределение нагрузки в составе таких адвербиальных сочетаний подобно тому, которое имеет место в аналитических конструкциях: лексическое значение передается прилагательным, а существительное адвербиальной семантики выполняет функцию, подобную той, что выполняет наречный суффикс *-ly*. При переводе таких адвербиальных словосочетаний на русский язык, как правило, используется наречие, т. е. имеет место межчлестеречная трансформация, поскольку в русском языке модель словообразования наречий не имеет ограничений. Например: *The White Queen looked at her in a helpless, frightened sort of way* (L. Carroll). – *Белая королева только взглянула на нее испуганно и растерянно* (перевод Н. М. Демуровой).

Что касается грамматических категорий, то качественные наречия как в английском, так и в русском языке имеют грамматическую категорию степеней сравнения, которая, подобно прилагательным, имеет синтетические, аналитические и супплетивные способы выражения.

В функциональном плане существенное различие между функционированием прилагательных и наречий заключается в том, что в позиции предикатива в русском языке употребляется качественное наречие, а в английском языке употребляется качественное прилагательное. Например: *Это просто – This is simple*. Это различие нередко оказывает значительное интерферирующее влияние, и об этом следует помнить в практике обучения английскому языку.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

6.1. Синтаксис и его основные единицы

Слово *синтаксис* заимствовано из греческого во все европейские языки и означает «составление», «порядок». Ни одно описание грамматики любого языка не обходится без раздела под названием «Синтаксис». Как писал еще в середине прошлого века английский лингвист Р. Робинс, синтаксис – это не довесок, лишь объясняющий употребление морфологических форм, а это – сердце грамматики [Robins, 1966, p. 389]. И с этим невозможно не согласиться хотя бы потому, что синтаксис изучает способы объединения слов в словосочетания и предложения, а предложение – это основная единица коммуникации. Только через участие в построении предложения осуществляется выход всех остальных языковых единиц в сферу коммуникации. Специалисты в области психолингвистики также отмечают приоритетную роль синтаксиса в речемыслительной деятельности. Так, И. Н. Горелов и К. Ф. Седов, опираясь на данные А. Р. Лурии, выдвигают положение о первичности синтаксиса в процессе формирования высказывания. По их мнению, настрой на определенный тип ситуации стимулирует выбор синтаксических конструкций, входящих в высказывание, и лишь затем начинается заполнение синтаксической конструкции конкретной лексикой [Горелов, Седов, 2004, с. 75]. Эту же мысль высказывает Б. Ю. Норман, подчеркивая тот факт, что процесс порождения высказывания в грамматике говорящего начинается не с выбора лексем, а с выбора соответствующей замыслу общей схемы, или программы высказывания, и «лексика не работает до тех пор, пока замысел не воплотится в глобальную схему высказывания» [Норманн, 1994, с. 117].

Как отмечает Р. Джекендофф, особенности структуры предложения запечатлены в языковом сознании носителей языка в виде определенных моделей (*patterns*), совокупность которых образует ментальную грамматику языка как основу т. н. *I-language*, т. е. интериоризированного языка, или языковой способности [Jackendoff, 1994, p. 14].

По мнению В. Г. Гака, существует определенная закономерность между размером языковой единицы и степенью типологических

расхождений. Наибольшие расхождения между языками существуют в области фонетического строя, менее значительные – в морфологии, а еще менее значительные – в синтаксисе, категории которого отражают самые общие закономерности мышления [Гак, 1989, с. 170]. Это подтверждается корпусными данными: согласно т. н. типологическому архиву, число универсалий в синтаксисе значительно превышает их число в фонологии [Plank, Mayer, 2006].

Английский и русский языки относятся к языкам номинативного строя, что в целом сближает синтаксическое строение их предложений. Синтаксическое сходство между языками особенно значительно в содержательном плане: нет таких синтаксических категорий, которые бы имели место в одном языке и отсутствовали в другом. А вот в формальном и функциональном планах типологические различия существуют, и они обусловлены целым рядом факторов как внутриязыкового, так и этнокультурного характера.

Основными единицами синтаксического уровня языка являются слово в его синтаксической позиции, т. е. в функции члена предложения, словосочетание, простое предложение, сложное предложение и текст. Первые две единицы служат строительным материалом для простого предложения, а вторые две строятся на основе простого предложения, что позволяет заключить, что центральной единицей синтаксиса является простое предложение. Именно его сопоставительному анализу будет уделено основное внимание.

6.2. Сопоставительный анализ членов предложения в английском и русском языках

Оба языка – и русский, и английский – относятся к языкам номинативного строя, т. е. языкам, в которых подлежащее имеет форму именительного падежа вне зависимости от переходного/непереходного сказуемого (в отличие от языков эргативного строя, в которых сказуемое управляет одновременно и подлежащим, и дополнением: при сказуемом, выраженном непереходным глаголом, слово, называющее агенса действия, имеет форму т. н. абсолютного падежа, а при сказуемом, выраженном переходным глаголом, слово, называющее агенса действия, принимает форму т. н. эргативного падежа, аналогичного русскому: *Лодку унесло течением*).

Номенклатура членов предложения в русском и английском языках совпадает, но вместе с тем имеются существенные типологические различия в их употреблении и их семантическом диапазоне. Как в

русском, так и в английском языке по характеру своей категориальной семантики подлежащее может быть личным, обобщенно-личным, неопределенно-личным и безличным, или формальным. Важной типологической особенностью английского языка, обусловленной его обязательным двухкомпонентным составом, является, как мы уже неоднократно отмечали, высокая частотность т. н. формального подлежащего. Ср.: *За окном темнело.* – *It was getting dark outside.* Нередки такие случаи, когда русскому безличному предложению соответствует английское личное предложение, в котором позицию подлежащего занимает такой компонент семантической структуры предложения, как место. Например: *В комнате было тепло и уютно.* – *The room felt warm and cosy.*

В целом объем семантического пространства, покрываемого подлежащим в английском языке, оказывается шире, чем в русском, поскольку английское подлежащее гораздо чаще, чем русское, употребляется во вторичных семантических функциях, выражая такие компоненты семантической структуры предложения, как объект, адресат, место, время, причина и способ действия. Ср., например: *The grapes were good and three or four days would see them all picked (P. Mayle); Thinking about the woodlanders had seen me through another little walk (J. Bailey); What brings you out this morning? (A. Christie). Teasing made his day (A. Miller).*

В подобных предложениях, занимая позицию подлежащего, прототипической функцией которого является агентивная, существительные, обозначающие неодушевленные предметы, в сознании говорящего (и слушающего) наделяются свойством агентивности. Данное явление получило название «анимизма», т. е. одушевления неодушевленного [Хайруллин, 1995, с. 31]. Таким свойством жители Британских островов часто наделяют погоду и время суток. Ср.: *...the morning was still hesitating between dawn and midnight (P. Mayle).*

Эту особенность английского подлежащего необходимо учитывать при переводе. Так, например, русское предложение *Благодаря разному химическому составу, вода некоторых озер имеет различные оттенки цветов* может быть переведено как 1) *Due to different chemical composition the water in different lakes varies in the shades of color* и 2) *The specificity of the lakes' chemical composition adds various shades to their water.* Второй вариант представляется более аутентичным.

Структурные типы сказуемых в русском и английском языках (простое глагольное и именное, составное модальное и видовое и их комбинации) совпадают, однако в функциональном плане между ними

существуют значительные различия, обусловленные как языковыми, так и этнокультурными факторами. В английском языке именное сказуемое характеризуется большей частотностью, что обусловлено общей тенденцией английского языка к номинализации. Ср.: *He was a good loser (F. Forsyth) – Он умел проигрывать. You are not a mind-reader – Вы не умеете читать мысли.*

Общая тенденция английского языка к компрессии находит свое проявление в частотности т. н. двойного сказуемого, создающегося в результате контаминации глагольного и именного типов. Например: *The fresh air blew in warm and pleasant (A. Christie). He landed very late and very tired (F. Forsyth).* Особый тип контаминации имеет место в предложениях, как, например *She was pregnant as well as dying (M. Binchy)*, в основе которых лежит полистатусный характер глагола *be*, который в подобных случаях одновременно выступает в двух статусах: как связочный и как вспомогательный глагол.

Такая важная черта британского коммуникативного стиля, как вежливость, стремление избежать излишней ассертивности, находит свое проявление в высокой частотности составных модальных сказуемых, в составе которых модальные и модализованные глаголы участвуют в выражении модальности мнения, снижая ассертивность высказывания, что позволяет четко разграничивать мнение и знание. Например: *“Darling Ruth. Darling child. What is it? Oh, you must have come down the back stairs alone in the dark. You poor child” (J. Hart).*

Дополнение является важным членом предложения, оно дополняет, модифицирует семантику глагола, и во многих случаях элиминация дополнения из предложения приводит к нарушению грамматичности и делает предложение бессмысленным (ср.: *He took...*). Классификация дополнений осуществляется в соответствии с тремя критериями: форма, значение и структура. С точки зрения формы дополнение как в русском, так и в английском языке может быть как предложным, так и беспредложным. Принципиальное различие между русским и английским языками состоит в том, что, в отличие от русского языка, английское предложное дополнение может стать подлежащим пассивной конструкции, ср.: *He was taken a good care of.*

С точки зрения семантики, как в русском, так и в английском языке, дополнение представлено следующими подтипами: **прямое**, называющее объект или результат действия: *поливать цветы – to water flowers, построить дом – to build a house*; **косвенное**, называющее адресата действия: *послать ему сообщение – to send him a message*, **агентивное**, или инструментальное, называющее агенса или инструмент действия:

подписано мною – *signed by me*, т. н. **внутреннее**, или родственное, имеющее общий корень с глаголом-сказуемым или сближающееся с ним по значению: *улыбнуться грустной улыбкой* – *to smile a sad smile*, а также **адвербиальное** дополнение, находящееся на дальней периферии и сближающееся по своей семантике с обстоятельством (*прыгать через лужу* – *to jump a puddle*). Отличительной особенностью английского косвенного дополнения является его участие в образовании пассивных конструкций, как, например: *I was taught a good lesson*. Эту особенность английского косвенного дополнения следует учитывать при переводе. Приведем пример: *After a short meander through narrow lanes I was deposited in the lobby of a somewhat cloistered pansione, kissed on the cheek and wished good night* (J. Brodsky). Пример взят из эссе И. Бродского “*The Watermark*”, написанного им на английском языке. Как видно из примера, подлежащее *I* в данном предложении характеризуется своеобразным смысловым синкретизмом, выражая значение объекта действия в сочетании с предикатами *was deposited* и *was kissed*, и значение адресата действия в сочетании с предикатом *was wished good night*. Поскольку в русском языке подобный смысловой синкретизм невозможен, в переводе на русский язык необходимо ввести личное местоимение в дательном падеже, указывающее на адресат действия («*меня провели..., поцеловали в щеку и пожелали мне спокойной ночи*»). К сожалению, переводчик не учел эту особенность английского пассива, а потому перевод не вполне корректен (*меня доставили в вестибюль..., поцеловали в щеку и пожелали спокойной ночи*).

В структурном плане важной типологической особенностью английского языка, не имеющей аналогов в русском языке, является наличие т. н. сложного дополнения, представляющего собой структуру вторичной предикации с неличными формами глагола, ср.: *I have never seen him cry*.

Определение является членом предложения, который модифицирует существительное, употребляемое в любой синтаксической функции, и в силу этого оно является, по выражению О. С. Ахмановой, «членом члена предложения», что, очевидно, обусловлено тем фактом, что большинство определений являются результатом преобразования предикативных отношений, поэтому Г. Пауль называл определение деградировавшим сказуемым (*The bird is flying* → *a flying bird*). С точки зрения своей семантики определения подразделяются на качественные и относительные, с точки зрения их позиции по отношению к опорному существительному – на препозитивные и постпозитивные. В русском языке определения могут занимать как препозицию, так

и постпозицию по отношению к опорному существительному (ср.: *черные глаза – очи черные; школьные годы – учительница первая моя*). В английском языке определение, выраженное прилагательным, причастием, порядковым числительным или местоимением, может занимать только препозитивную позицию. Исключения составляют такие словосочетания, заимствованные из французского языка, как *Secretaty General of UN, court martial, since the time immemorial* и др., которые были заимствованы как словосочетания и сохранили структуру французской именной фразы. Постпозитивное определение, выраженное существительным, присоединяется к нему с помощью предлога, например: *the streets of Paris*.

Важной типологической особенностью английского языка, обусловленной отсутствием четких морфологических частеречных маркеров, является возможность употребления в позиции препозитивного определения слова любой части речи, а также словосочетания или целого предложения любой длины, помещенного в позицию между детерминативом и опорным существительным, что объясняет наличие т. н. атрибутивных цепочек. Например: *I take a deep breath and put on my best breaking-bad-news-to-a-client face (S. Kinsella). He quickly lost his cat-with-cream look (D. Lessing)*. Наличие таких атрибутивных цепочек, обладающих большим экспрессивным потенциалом, является одной из черт, создающих особый «покрой» английского языка, о котором говорил Э. Сепир, утверждавший, что каждый язык обладает своим особым покроем (*a certain cut*) [Sapir, 1949, p. 120].

Обстоятельство – это член предложения, синтаксически и семантически связанный со сказуемым и описывающий действие или состояние, выраженное сказуемым. В зависимости от валентности глагола-сказуемого, обстоятельство может иметь облигаторный или факультативный характер в структуре предложения, например: 1) *Он существовал так неустово. He took her here, there and everywhere.* 2) *Она загадочно улыбнулась. She smiled enigmatically.* Обстоятельство играет важную роль в реализации информативной перспективы предложения, часто выполняя функцию ремы высказывания.

Как в русском, так и в английском языке, с точки зрения его семантической связи с предикатом, обстоятельство может выражать как внутреннюю, так и внешнюю характеристику действия. К первой группе относятся обстоятельства образа и степени действия, а ко второй – обстоятельства времени, места, направления, сравнения, причины, следствия, цели и уступки. Обладая широкой семантической палитрой, обстоятельство имеет множественные способы

выражения в обоих языках: наречия, предложные и беспредложные субстантивные сочетания, неличные формы глагола. В связи с большим словообразовательным потенциалом наречий в русском языке они чаще используются в адвербиальной функции, в то время как английский язык чаще прибегает к использованию существительных во вторичной синтаксической функции и другим способам передачи адвербиальных значений, позволяющим восполнить некоторые ограничения в словообразовании наречий. Транспозиция выполняет в таких случаях компенсаторную функцию, восполняя эти ограничения. Приведем примеры. *А ходили за ним всяко: другой раз на карбасах, другой раз на ледаколах* (Ю. Казаков) – *We hunt him all kind o' ways: sometimes in boats, sometimes on an icebreaker* (перевод Б. Исаакса).

Другой важной типологической особенностью в сфере выражения адвербиальных значений в английском языке являются более частотные по сравнению с русским языком случаи ингерентной представленности адвербиального компонента в семантике глагола, что находит свое отражение в словарных дефинициях, например: *gaze – look fixedly*. На эту важную типологическую черту указывают Ф. Унгерер и Х. Шмид. [Ungerer, Shmid, 1996, p. 234–236]. Такие глаголы получили название адвербиальных, и при их переводе на русский язык адвербиальные семы обычно получают адгерентное представление. Приведем пример: *He limped across the street – Прихрамывая, он пересек улицу*. обстоятельство в английском языке может также быть инкорпорировано в структуру глагольной лексемы, как, например, в следующих примерах: *The flowers were morning-picked (D. Lessing). I have hand-wired this network, but the connections are specific to English (S. Pinker).*

6.3. Сопоставительный анализ синтаксиса словосочетания в английском и русском языках

Словосочетание представляет собой комплекс из двух или более синтаксически связанных *знаменательных* слов, построенный на определенных грамматических отношениях между его компонентами. Словосочетания служат для именованья предметов и явления внешнего и внутреннего мира, и в этом плане они оказываются ближе к словам, что используется в лексикографической практике, например: *a downpour – a heavy fall of rain, stare – look fixedly, hardship – hardness of fate or circumstances* [The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1967]. Они выполняют номинативную функцию, что сближает их со словами, но в то же время есть словосочетания, которые по своей номинативной

функции ближе к предложению, поскольку они номинируют не объект, а ситуацию, и в этом плане, т. е. по своей номинативной функции, они оказываются ближе к предложению. Например, словосочетание *the train's arrival* и предложение *The train arrived* аналогичны по своей номинативной функции, поскольку они называют событие, однако предложение отличается от словосочетания своей коммуникативной функцией, так как только предложение является единицей коммуникации, выражая законченную мысль, представленную в форме утверждения, вопроса или побуждения. Только предложение характеризуется предикативностью, т. е. относит его номинативное содержание к действительности, помещая событие во времени, представляя событие как реальное, нереальное или желательное с точки зрения говорящего.

Как известно, существует несколько принципов классификации словосочетаний, основными из которых являются морфологический и синтаксический (более подробную классификацию см. в [Бархударов, 1966, с. 44–141]). Морфологическая классификация словосочетаний основана на частеречной принадлежности ведущего, или опорного, компонента словосочетания. В соответствии с этим принципом словосочетания делятся на субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные и т. д. Морфологическая классификация словосочетаний в русском и английском языках совпадает в силу одинаковой номенклатуры знаменательных частей речи. В основе синтаксической классификации лежит характер синтаксических отношений между компонентами словосочетания. В соответствии с этим принципом выделяются сочинительные, подчинительные и предикативные словосочетания, связанные с неличными формами глагола, на основе которых строится т. н. вторичная предикация. На системном уровне данная классификация в русском и английском языках также в основном совпадает, различия имеют место только в сфере предикативных словосочетаний в связи с разной номенклатурой неличных форм глагола: в русском языке это инфинитив, причастие и деепричастие, а в английском – инфинитив, причастие и герундий. Однако на функциональном уровне эти различия являются более существенными и заключаются в частотном использовании неличных форм глагола в выражении т. н. вторичной предикации в составе таких конструкций, как сложное дополнение (*I did not expect him to appear so soon*), сложное подлежащее (*He is known to have been a cliff-climber once*) и абсолютных причастных конструкций (*I approached the door, my heart pounding in my chest*), которым в русском языке соответствуют придаточные предложения. Широкое использование

структур вторичной предикации еще раз подчеркивает тенденцию к компрессии, свойственную английскому языку.

Что касается грамматических способов выражения синтаксических отношений между компонентами словосочетания, то здесь существуют значительные типологические различия, обусловленные высокой степенью флективности русского языка и ограниченной флективностью английского. В русском языке основным средством синтаксической связи в субстантивных сочетаниях является согласование прилагательного или местоимения с опорным существительным в роде, числе и падеже (*голубая чашка, голубое небо, голубой вагон*); а основным средством синтаксической связи в глагольных сочетаниях является управление падежом существительного или личного местоимения (*писать роман, рисовать карандашом*), а также примыкание в случае глагола и наречия (*идти медленно*). В английском языке случаи согласования и управления представлены ограниченными примерами (*this child – these children, to see him*). Основными средствами выражения синтаксических отношений между компонентами словосочетания в английском языке являются примыкание, т. е. помещение слова в определенную позицию в составе словосочетания (*to go slowly, to love music*), а также замыкание как разновидность примыкания, которое имеет место в субстантивных словосочетаниях, т. е. помещение слова в позицию между детерминативом и опорным существительным, например: *a sun-kiss-me dress, a text-in-the-text problem*. Что касается управления, то в английском языке оно имеет синтаксическую природу и состоит в употреблении предлога в соответствии с валентностью глагола, например: *to depend on smth, to wait for smb., to agree to smb.* etc. При этом между русским и английским языками существуют значительные различия в выборе или отсутствии предлога, что служит частой причиной ошибок, вызванных интерферирующим влиянием родного языка, например: *приближаться к чему-то – to approach smth., влиять на кого-то – to influence smb., отвечать на вопрос – to answer a question, упоминать о чем-то – to mention smth., бороться с кем-то – to fight against smb.*

6.4. Сопоставительный анализ предложения и его категорий в английском и русском языках

Простое предложение – это основная единица синтаксиса, она занимает центральное место в иерархии синтаксических единиц: две единицы нижнего уровня иерархии – слово и словосочетание – служат строительным материалом для простого предложения, а две

единицы верхнего уровня – сложное предложение и текст – строятся на основе простого предложения. Будучи центральной единицей синтаксиса, предложение всегда находилось в центре внимания лингвистов, работающих в разных исследовательских парадигмах, что и обуславливает множество существующих определений предложения (см. обзор в [Бархударов, 1970]). Еще в 1931 году немецкий исследователь Дж. Риз (John Ries) в своей книге “*Was ist ein Satz?*” собрал 139 определений предложения, а сегодня их число может превышать тысячу. Наличие большого количества определений и существующие различия в определении его сущности зависят в первую очередь от того, какой аспект предложения находится в фокусе внимания исследователя и в контексте какой научной парадигмы дается определение.

Ю. С. Степанов отмечает, что в семиотике язык описывается в трех измерениях: семантики (отношения между знаком и реальным миром), синтактики (отношения между знаками), и прагматики (отношения между знаком и его пользователями), и эта трехмерность языка представляет главный источник языковых проблем для лингвистики, философии и искусства слова. Изучение языка в лингвистике, его осмысление, его освоение в искусстве слова также направляются по этим осям, но не по всем одновременно [Степанов, 1998, с. 175]. Язык каждый раз как бы поворачивается к исследователю одним из своих аспектов, что в значительной мере определяет характер ведущей парадигмы. Такой поворот от одного аспекта предложения к другому с позиций разных научных парадигм четко прослеживается в определениях предложения. В рамках т. н. традиционной лингвистики в фокусе внимания лингвистов находилась, прежде всего, семантика предложения, с позиций которой предложение рассматривалось как форма выражения суждения и определялось как средство выражения законченной мысли: *a sentence is a word or a group of words capable of expressing a complete thought or meaning* [Sweet, *A New English Grammar Logical and Historical*].

Традиционная теория также определяла предложение как основную единицу коммуникации, и на этом основании оно относилось многими лингвистами не к языку, а к речи [Бенвенист, 1974, с. 139; Смирницкий, 1957, с. 5–15]. Оно определялось как минимальная единица коммуникации, употребляемая с определенной коммуникативной целью: сделать сообщение, сделать запрос об информации или побудить слушающего к действию, что нашло свое отражение в традиционной трехчленной классификации предложений, хорошо известной по школьным и вузовским учебникам. Значительное число определений

предложения в традиционной грамматике отражали многоаспектный характер предложения. Так, например, в концепции В. В. Виноградова предложение – это «грамматически оформленная по законам данного языка (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли [Виноградов, 1975, с. 255].

В контексте структурной лингвистики в центре внимания исследователей находилась синтактика, т. е. отношения между знаками, с позиций которой предложение определялось как «независимая языковая форма, не включенная посредством той или иной грамматической конструкции в какую-либо более сложную языковую форму» [Блумфилд, 1968, с. 179]. Самое лаконичное определение предложения с позиций его деривации было дано в рамках генеративной грамматики, в которой оно определялось при помощи формулы $S = NP + VP$ (см. об этом: [Бархударов, 1976, с. 97]).

Сегодня в контексте когнитивно-коммуникативной парадигмы, которая является ведущей научной парадигмой современной лингвистики, исследователей интересуют в первую очередь те когнитивные структуры знания, которые лежат в глубинной основе предложения, и те функции, которые предложение выполняет в коммуникации, оформляя различные речевые акты как кванты коммуникации. Рассматриваемое с позиций когнитивного подхода, предложение определяется как синтаксически репрезентируемый концепт, т. е. максимально абстрагированные компоненты смысла, концентрирующие в структурированном виде знания о мире и языке и спроецированные на их репрезентацию в пропозициональной форме [Фурс, 2004; 2009, с. 290]. Такая трактовка сущности предложения показывает его многоаспектный характер, обусловленный его функциональным назначением – репрезентировать с помощью языковых средств денотативную ситуацию и максимально реализовывать коммуникативные намерения говорящего [Фурс, 2009, с. 285].

Суммируя все вышесказанное и пытаясь интегрировать различные подходы к сущности предложения и учета его многоаспектной природы, **мы можем определить предложение как особую синтаксическую структуру, построенную в соответствии с нормами языка и коммуникативными интенциями говорящего и репрезентирующую знание о ситуации действительности.** Такое понимание сущности предложения позволяет увидеть, что в процессе функционирования

предложения как единицы коммуникации все аспекты предложения сходятся в единое целое, что подтверждает широко известный тезис Б. Ю. Нормана о том, что знания о мире, знания о языке и знания о собеседнике – это те три «кита», на которых держится коммуникация

При этом следует отметить, что эти аспекты предложения разделяются только в исследовательских целях, но в процессе функционирования предложения они выступают в едином комплексе и тесно взаимодействуют друг с другом. Не только смысл предложения и коммуникативные интенции говорящего определяют выбор синтаксической формы, как это часто принято считать, но и синтаксические нормы языка могут оказывать определенное влияние на конструирование нашей мысли, т. е. ход мысли может направляться синтаксическими нормами языка, что подтверждает сущность мягкой версии гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Так, фиксированный порядок слов английского предложения, обязательность подлежащего в синтаксической структуре английского предложения, как представляется, накладывают отпечаток на нашу мысль при восприятии предложений, в которых позицию подлежащего занимает существительное, называющее неодушевленные сущности. При помещении таких существительных в позицию подлежащего, прототипической функцией которого является агентивная, подобные сущности наделяются свойством агентивности, например: *Two dollars could buy a bicycle or several pairs of shoes in Poland (E. Hoffman)*.

Представленная с позиций когнитивного подхода трактовка сущности предложения позволяет увидеть его билатеральную сущность как особого знака, принадлежащего как уровню языка, так и уровню речи. Предложение является единицей языка, поскольку в нашем языковом сознании запечатлены как синтаксические, так и когнитивные структуры, позволяющие нам генерировать осмысленные и оформленные по законам определенного языка предложения. Оно также является и единицей речи, поскольку говорящий использует предложение в своей речевой деятельности для осуществления своих коммуникативных намерений.

Таким образом, при когнитивном подходе к традиционно выделяемым аспектам предложения добавляется еще один аспект анализа – концептуальный, представленный структурами знания, которые проецируются в семантику предложения и находят свое выражение в синтаксисе предложения. Строго говоря, концептуальный уровень не является языковым, это – ментальный уровень, который лежит в основе языковой семантики и определяет конструирование предложения как

в семантическом, так и в структурном и коммуникативном плане. При анализе предложения с позиций когнитивного подхода, как отмечает Л. А. Фурс, значимым является понятие когнитивной доминанты, принцип действия которой основывается на том, что говорящий, исходя из задач коммуникации и реализации своего коммуникативного намерения, выбирает различные ракурсы события и на этой основе – языковые средства репрезентации события, которые позволяют ему максимально реализовать свои коммуникативные интенции [Фурс, 2009, с. 286–301].

В этой связи закономерен вопрос: является ли концептуальный уровень, т. е. язык мысли, универсальным, т. н. *mentalese*, как это утверждает С. Пинкер [Pinker, 1994, р. 55–82], или этот уровень тоже культурно-детерминирован? Конечно, на уровне мышления, т. е. концептуальной картины мира, существует достаточно много общего, но если придерживаться мнения о том, что наша когниция во многом культурно обусловлена, то есть все основания полагать, что язык мысли также несет на себе отпечаток культуры. Определяя сущность языка, американский исследователь Д. Л. Эверетт представляет ее в виде следующей формулы: *Language = Cognition + Culture + Communication* [Everett, 2012, р. 35], что дает основания полагать, что, будучи ингредиентами языка, когниция, культура и коммуникация неизбежно взаимодействуют между собой, что и определяет культурную обусловленность когниции. Переходя к анализу основных категорий и аспектов предложения, мы будем учитывать этот фактор и выявлять те этнокультурные факторы, которые находят отражение в типологических особенностях синтаксиса предложения в сопоставляемых языках.

Основные категории предложения – это предикативность, модальность и отрицание. **Предикативность выражает отношение номинативного содержания предложения к действительности, устанавливаемое говорящим, и представляет собой ту основу, на которой строится предложение** [Блох, 2002, с. 100]. В. Г. Адмони, определяя сущность предикативности и ее роль в построении предложения, писал: «Такое активное, динамическое утверждение, происходящее в момент построения предложения или его воспроизведения и являющееся обязательным условием всякого предложения, и есть содержание той важнейшей синтаксической категории, которая обычно носит наименование “предикативного отношения”, или просто “предикативности”» [Адмони, 1955, с. 39].

Будучи основой, на которой строится предложение, предикативность представляет собой синтаксическую универсалию, находящую свое

языковое выражение в установлении связи между подлежащим и сказуемым с помощью таких категорий, как род, число и падеж в высоко флективных языках, порядка слов, а также таких глагольных категорий, как время и наклонение, с помощью которых говорящий относит действие к определенному времени и представляет его как реальное, нереальное или желательное. По сути дела, представители генеративной грамматики, определяя предложение с помощью формулы $S=NP+VP$, также указывали на то, что в основе построения предложения лежит предикативность, хотя и не употребляли этого термина.

Помимо первичной предикативности, на которой строится предложение, в предложении может содержаться и вторичная предикативность, чаще всего выражаемая с помощью неличных форм глагола. Именно здесь лежит основное типологическое различие между английским и русским языками, состоящее в том, что для английского языка характерно более широкое распространение структур вторичной предикации: сложного дополнения, сложного подлежащего и абсолютных причастных конструкций, например: *They expected him to become the winner. He was known to have been a champion in box. There being no time to lose, we started at once.* Подобные конструкции обычно переводятся на русский язык с помощью придаточных предложений.

Модальность – это «**понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности...**» [Ахманова, 1969, с. 237]. Проблема модальности относится к числу наиболее сложных и потому наиболее дискутируемых в лингвистике. Не входя в существо многочисленных дискуссий относительно категории модальности (критический анализ работ по категории модальности см. в: [Беляева, 1985; Palmer, 2001; Gisborne, 2007 и др.]), отметим лишь, что термины «объективная» и «субъективная модальность», при всем уважении к традиции и авторитету исследователей, предложивших данные термины (В. В. Виноградов, В. З. Панфилов и др.), нам представляются не вполне удачными как не отражающие сущности различий между этими двумя видами модальности. Первичная модальность может считаться объективной лишь в том смысле, что она выражает соответствие содержания высказывания истинному положению вещей в объективной действительности. Однако это положение устанавливается говорящим, и именно поэтому в само определение т. н. объективной модальности включается говорящий, т. е. субъект высказывания, что и мешает определять данный вид модальности как объективную. Как справедливо замечает В. А. Плуноян, т. н. объективная модальность не

имеет отношения ни к объекту, ни к объективной реальности [Плунгян, 2003, с. 315]. Именно поэтому термины «первичная» и «вторичная» по отношению к видам модальности кажутся нам более корректными, поскольку они более точно отражают разный статус видов модальности в предложении.

Первичная модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности, гипотетичности или противоречия реальному положению дел, устанавливаемое говорящим, и, таким образом, входит в состав предикативности, находя свое языковое выражение в грамматических формах наклонения. Вторичная модальность также неоднородна и включает деонтическую и эпистемическую модальности. **Деонтическая модальность** устанавливает отношения между действием, выражаемым сказуемым, и подлежащим предложения в плане возможности, невозможности, желательности, необходимости его выполнения и актуализируется модальными глаголами в их первичных значениях, а также прилагательными, образованными с помощью суффикса *-able/ible* в английском языке и суффикса *-абельн/обн* в русском языке (*readable, talkable, транспортабельный, съедобный*). Поскольку этот тип модальности оказывается «встроенным» в предикат, он определяется как *action, or root modality*. **Эпистемическая модальность**, или модальность мнения (*epistemic, or belief modality*), выражает различную степень уверенности говорящего в достоверности информации, содержащейся в высказывании и, таким образом, представляет собой проекцию говорящего на содержание всего высказывания [Jacobs, 1995, p. 225, 226; Lyons, 1977, p. 793].

Исследования модальности на материале различных языков показывают, что в разных языках существуют значительные различия как в количестве языковых средств, так и в частотности их употребления, что и обуславливает множество точек зрения и различия в терминологии при их описании [Bybee, Fleischman, 1995, p. 1–14].

Как показывает сопоставительный анализ категории модальности в английском и русском языках, на системном уровне ее характеристики в английском и русском языках совпадают, но в функциональном плане выявляются значительные различия, во многом обусловленные факторами этнокультурного характера, что позволяет нам предположить, что модальная оформленность высказывания является одним из маркеров этностиля коммуникации. Так, хорошо известно, что, несмотря на наличие прототипического средства выражения побуждения – повелительного наклонения – наиболее частотным средством выражения побуждения

в англоязычной культуре являются вопросительные предложения типа “*Could I borrow your pen?*”; “*Why don't we postpone it for a while?*”, а также косвенные просьбы и даже приказания, как, например, в следующем отрывке, представляющем собой разговор между руководителем и подчиненным: “*Thanks, Brian. I expect you've got work to do*”. *Everthorpe departed with obvious reluctance (D. Lodge)*. В таких случаях мы имеем возможность наблюдать, что действуют не столько правила грамматики, сколько правила вежливости. Примечательно, что в таких речевых актах, как приглашение или предложение, не относящихся к числу т. н. ликоущемляющих, употребление императива считается коммуникативной нормой, например: “*Take a seat, please*” (*D. Lodge*).

В русском языке употребление императива как прототипического средства выражения побуждения считается коммуникативной нормой, а вежливость и уважение к личному пространству собеседника выражаются другими способами: интонацией, использованием вежливого «*Вы*», уменьшительно-ласкательными формами обращения типа «*сестричка*», фраз типа «*Будьте так добры*», разговорного «*Будь ласка*» и т. п. Асимметрия в средствах использования побуждения в русской и английской лингвокультурах приводит к тому, что в своей англоязычной деятельности русскоязычные коммуниканты нередко переносят коммуникативные конвенции родного языка в свою англоязычную речь, употребляя императив так же часто, как в русском, что свидетельствует о наличии лингвокультурной коммуникативной интерференции.

Наибольший интерес для сопоставительного анализа в лингвокультурологическом аспекте представляет эпистемическая модальность, так как именно в ней находят наиболее полное отражение национально-специфичные концепты и культурные ценности лингвокультурного сообщества. Английский язык отличается более широкой палитрой и частотностью средств выражения эпистемической модальности, выражающих разную степень уверенности говорящего в достоверности сообщения, особенно средств, способствующих снижению категоричности, что находится в полном соответствии с правилами англоязычного коммуникативного этностиля.

Как показывает сопоставительный анализ средств выражения эпистемической модальности, в английском языке этот вид модальности получает наиболее детальную языковую репрезентацию, что лишь подтверждает культурную значимость тех концептов, которые находят свою актуализацию в этих средствах. Эпистемическая модальность выражается, прежде всего, специальным классом слов – модальными

словами, число которых в английском языке значительно превышает их число в других европейских языках. Так, по данным А. Вежбицкой, английский язык насчитывает 18 модальных слов, что значительно превышает их число в немецком (8), датском (9) и французском (5) [Wierzbicka, 2006, p. 248]. При этом следует учитывать и тот факт, что данный список является принципиально открытым и может пополняться за счет модальных наречий, которые могут отщепляться и переходить в состав модальных слов, а также выступать в качестве операторов эпистемической модальности, оставаясь при этом в составе своего класса, как это происходит с наречием *hopefully*, обладающим достаточно высокой частотностью в современном англоязычном бытовом и публицистическом дискурсе.

Вторым по частотности средством выражения эпистемической модальности являются эпистемические глагольные фразы (*epistemic verbal phrases*), называющие речевые и ментальные действия (*I think, I suppose, I believe, I presume, I guess, I suspect, I trust, I perceive, I gather, I am afraid*), число и частотность которых в английском языке также значительно больше, чем в других языках. По данным сопоставительных исследований, частотность “*I think*” в английском устном дискурсе составляет 51 на 10 000 слов, в то время как частотность его датского эквивалента *ik denk* – 9, а его шведского эквивалента *jag tror* – всего 2,6 [Aijmer, 1997]. При этом высокая частотность употребления отдельных эпистемических глаголов, таких, как *know*, настолько велика, что это приводит к их десемантизации и превращению в т. н. *conversational hedges*, или *hesitation fillers*.

Высокой частотностью в сфере выражения эпистемической модальности обладают и модальные глаголы, употребляющиеся в своих вторичных значениях, развившихся на основе первичных деонтических значений возможности, позволительности, необходимости. Наибольшей частотностью в сфере эпистемической модальности обладают глаголы *can, may, must*, менее частотны *will, should, ought*.

Другими средствами выражения эпистемической модальности являются т. н. модализованные глаголы (*seem, appear*), наречия-аппроксиматоры (*sort of, kind of*), а также т. н. *confirmative questions* (*He is not very competent, is he?*), употребление которых способствует снижению категоричности высказывания, а также интонация, которая может отражать различную степень уверенности говорящего в истинности сообщаемого факта.

Спецификой англоязычного дискурса является высокая плотность средств выражения эпистемической модальности, которые, употребляясь

в высказывании, передают широкий спектр различных прагматических значений.

Истоки такого понимания функционального назначения эпистемической модальности были заложены еще Джоном Локком, который в своих фундаментальных трудах, оказавших огромное влияние на формирование сознания и традиций не только британской, но и всей англоязычной (американской, австралийской и канадской) культуры, унаследовавших эти принципы, обосновал необходимость как для развития науки, так и конструктивного общения проводить четкое различие между знанием и мнением.

Эти идеи Дж. Локка имели основополагающее значение для развития англоязычной культуры мышления и общения, и, соответственно, для развития английского языка. В своих трудах ученый показал связь между рациональным, свободным от эмоций мышлением и уважением к иному мнению (что всегда способствует прогрессу в любой области знаний). Именно на этой основе сформировался принцип толерантности относительно иных взглядов и мнений, правило не навязывать свое мнение другому, тем самым не вторгаясь в его личное ментальное пространство, стремление избегать ассертивности, категоричности высказываний, что в целом позволяет характеризовать английский язык как язык компромиссов, язык, обладающий богатым ресурсом средств, позволяющих избегать конфликтов в общении.

При этом, говоря о широкой палитре и высокой частотности языковых средств выражения эпистемической модальности как отличительной особенности английского языка, исследователи подчеркивают важность тех культурно-исторических факторов, которые привели к уникальной «модальной сцене» [Aijmer, 1997, p. 39]. К числу этих факторов относится интенсивное развитие научной мысли, которое способствовало становлению идеала английского языка как языка, отвечающего потребности максимально точно выражать научную, свободную от эмоций мысль, а также позволяющего выразить уважение к иному мнению, что является залогом развития любой науки.

По мнению исследователей, т. н. *epistemic commitment*, т. е. особое внимание, уделяемое эпистемической оценке в английском языке, отличает английский от других языков, и умению использовать эти средства в англоязычном общении должно уделяться много места и времени, поскольку от правильного использования этих средств во многом зависит успех адаптации к новой культуре [Holmes, 1982, p. 27]. Развивая эту мысль, А. Вежбицка считает, что значимость языковых средств выражения эпистемической оценки сопоставима со

значимостью суффиксов вежливости (*honorifics*) в японском языке, без овладения которыми невозможно успешное общение на этом языке [Wierzbicka, 2006, p. 251].

Это типологическое различие в сфере выражения модальности, прежде всего, эпистемической, необходимо учитывать в практике обучения особенностям англоязычного коммуникативного стиля.

Третьей категорией предложения является **отрицание**, которое традиционно определялось как «одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [ЛЭС, 1990, с. 354]. Н. Н. Болдырев относит отрицание к т. н. модусным категориям, назначение которых состоит в том, чтобы «передавать с помощью языка то, как говорящий интерпретирует свои отношения с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различные взаимосвязи между событиями и/или объектами и их характеристиками, а также свое личное отношение к ним» [Болдырев, 2010, с. 53]. Осуществляя функцию интерпретации мира в процессе его познания, отрицание, как отмечает Н. Н. Болдырев, включает следующие основные характеристики: отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка, отрицательная коммуникативная реакция [Там же].

Подобный широкий диапазон смыслов, выражаемый с помощью отрицания, находит свою языковую репрезентацию в обширном арсенале разноуровневых языковых единиц, выражающих перечисленные смысловые разновидности отрицания. Вся совокупность единиц, участвующих в вербализации отрицания, может быть структурирована по принципу поля, в центре которого находятся грамматические средства: отрицательные частицы *not* в английском языке, *не* – в русском языке, отрицательные местоимения, наречия и союзы: *no, nothing, nobody, never, nowhere, neither...nor* в английском языке и *нет, ничего, никто, никогда, нигде, ни...ни* и т. д. в русском, а также имплицитные негаторы *hardly, scarcely, barely, few, little* в английском языке и *едва ли, вряд ли* и т. д. в русском. На периферии поля на разном расстоянии от центра находятся словообразовательные аффиксы *-less, dis-, mis-, un-, ir-/il-/im-*, и предлог *without* в английском и *не-, без/без* и т. д. в русском, обширный список лексем, относящихся к разным частям речи, в которых сема отрицания находится в структуре значения: *fail, miss, object, differ, underachiever, loser, absent* и т. д. в английском и *опоздать, пропустить, провалиться, потерять, сломать, разлюбить, возражать, запрещать* и т. д. в русском; синтаксические конструкции с глаголом в форме сослагательного наклонения, имплицитно отрицающие, типа *I wish I*

were free, if only I had time, oh if it were so в английском и *знай я об этом раньше..., если бы только я был там...* в русском языке.

По степени своего семантического объема отрицание может иметь как общий, так и частичный характер. В первом случае сфера действия отрицания охватывает все сообщение, т. е. говорящий отрицает сам факт наличия явления или события, а во втором – отрицается не все событие, а один из его компонентов. Ср., например: *Никто не пришел на собрание. Он пришел не на собрание, а на ужин. Nobody came to the meeting. Some people did not come to the meeting.*

Общая характеристика категории отрицания, его функция и диапазон смыслов, выражаемых с помощью отрицания в английском и русском языках, в основном совпадают. **Основные типологические различия между английским и русским языками в сфере выражения категории отрицания следующие:**

1. Мононегативный характер предложения в английском языке и полинегативный – в русском. Ср.: *Nobody ever tells me anything (J. Galsworthy) – Мне никто никогда ничего не говорит.* Обычно данная особенность рассматривается как чисто внутрисистемный феномен, однако с учетом того, что в древнеанглийском языке предложение было полинегативным, а мононегативным оно стало в процессе исторического развития языка, можно предположить, что на формирование мононегативности могли повлиять факторы этнокультурного характера. В частности, мононегативность соответствует общей тенденции английского языка к экономии, компактности и компрессии в выражении мысли – эти принципы являются основополагающими для британской коммуникативной культуры. Кроме того, мононегативный характер выражения отрицания может быть также связан с такой особенностью британской коммуникативной культуры, как тенденция к снижению категоричности высказывания. Если исходить из одного из принципов иконичности – принципа количества (больше формы – больше смысла), то можно предположить, что использование нескольких маркеров отрицания усиливает его эффект, а один маркер – делает его менее ассертивным. Характерно, что в русском языке употребление дополнительного негатора способствует усилению категоричности отрицания [Мустайоки, 2006, с. 301], как, например: *Я ни за что не поступлю так! Я ничуть не сожалею об этом!*

2. В английском языке существует тенденция к употреблению отрицания в модусе предложения, что делает утверждение менее ассертивным, а в русском – в диктуме, что способствует большей ассертивности высказывания, ср.: *I don't suppose they know about it –*

Я полагаю, они об этом не знают. Помимо стремления к точности и краткости в выражении мысли, правила британской коммуникативной культуры, как известно, предписывают стремление к снижению ассертивности суждения, уважение к иному мнению. Именно это правило обуславливает помещение отрицания в модусную часть высказывания, даже если оно фактически относится к диктуму (*I don't suppose he ever lived here*). Принцип т. н. подъема отрицания, т. е. перемещение его в диктумную часть, позволяет усиливать категоричность утверждения в тех случаях, когда это становится необходимым. Примечателен тот факт, что в речи русскоязычных билингвов нередко наблюдается тенденция следовать нормам английского языка и использовать отрицание в модусной части. Например: *Я не думаю, что она сможет приехать на конференцию.*

Со снижением ассертивности утверждения связана и высокая частотность т. н. подтверждающего вопроса (*confirmative question*), который по своей коммуникативной функции представляет собой утверждение, а функция его второй части (*tag*) может выражать стремление к снижению категоричности, привлечение собеседника к высказыванию иного мнения, т. е. в ее основе могут лежать разные когнитивные сценарии.

3. Ответ на общий вопрос и вторая часть т. н. разделительного вопроса в английском языке зависят от утвердительного/отрицательного оформления первой части. Ср.: *You agree to it, don't you? – Yes, I do* и *You don't agree to it, do you? – No, I don't / Yes, I do.*

4. В английском языке частотны случаи т. н. смещенного отрицания, при котором частичное отрицание может быть грамматически оформлено как общее, что следует учитывать при переводе, например: *I am not in Israel to pick oranges. I stayed here to do a job* (E. Segal) – *Я нахожусь в Израиле не для того, чтобы собирать апельсины. Я остался для того, чтобы выполнить работу.*

5. В функциональном плане следует отметить более широкое употребление в английском языке имплицитного отрицания, например: *He hardly noticed us.* Использование имплицитного отрицания также способствует снижению категоричности, созданию эффекта преуменьшения, недосказа (*understatement*), являющегося, по мнению специалистов в области этностилистики, не просто стилистическим приемом, а отличительной чертой мировидения.

Употребление двух маркеров отрицания – грамматического и лексического, – прием, лежащий в основе литоты (*She is not unclever*), также является одной из особенностей отрицания в английском языке. В

данном приеме находит свое отражение такая типичная характеристика британского характера, как сдержанность в суждениях и оценках, отсутствие излишней эмоциональности.

И, наконец, нельзя не отметить такую отличительную особенность англоязычной коммуникации, выявляемую в его сопоставлении с русским и другими языками, как стремление использовать утвердительную конструкцию там, где это возможно, что может свидетельствовать об общем стремлении к позитивным когнитивным сценариям как отличительной этнокультурной характеристике нации. Приведем примеры таких различий между языками: *take your time – не спешите; stay in touch – не теряйтесь; remember to call me up – не забудьте мне позвонить; keep your chin up – не падайте духом*. Характерной особенностью русского языка в сфере выражения отрицания является высокая частотность эмоциональных высказываний типа *И еще считает себя культурным человеком! Тоже мне, учитель! Как бы не так! Очень мне нужны твои книги!* при выражении отрицательных коммуникативных реакций, в которых находит свое отражение сильное эмоциональное начало, свойственное русскому характеру.

6.5. Сопоставительный анализ структурного, семантического и коммуникативного аспектов предложения в английском и русском языках

Основными аспектами предложения, как мы уже отмечали, являются **структурный**, связанный с тем, *как* строится предложение; **семантический**, связанный с тем, *что* сообщается в предложении, и **коммуникативный**, или прагматический, в котором отражается то, *для чего* говорящий произносит предложение в процессе коммуникации. Отметим, что у разных исследователей, в зависимости от теоретических взглядов и целей исследования, количество аспектов варьируется в широких пределах от трех до восьми (подробнее см. [Копров, 2010, с. 34–37]). Так, М. В. Никитин выделяет, помимо коммуникативного, еще отдельный коммуникативно-прагматический аспект [Никитин, 1996, с. 589].

Все эти три аспекта тесно связаны между собой: семантика предложения находит свое выражение в его структуре, никакие структурные изменения невозможны без изменения семантики, в основе разных коммуникативных типов предложения лежат разные синтаксические структуры. Большая часть типологических различий между этими тремя аспектами предложения в английском и русском

языках уже была затронута нами в предыдущих параграфах при анализе членов предложения и основных категорий предложений. В данном параграфе мы кратко остановимся на некоторых вопросах, которые еще не получили достаточного освещения.

Классификация предложений по структуре строится на основе следующих параметров: по количеству предикативных линий, по характеру (категориальной семантике) подлежащего и по характеру сказуемого. По первому параметру выделяются **простое предложение**, имеющее в своем составе одну предикативную линию (*We have arrived. Мы открылись*), **сложное** (сложносочиненное и сложноподчиненное), имеющее в своем составе две и более предикативных линии, основанные либо на сочинительной, либо на подчинительной связи (*Я принял решение, и я счастлив. I made up my mind, and I am happy. Не знаю, убедил ли я кого-нибудь своим ответом. I wonder if my answer convinced anyone*), и **осложненное**, содержащее вторичную предикацию (*His new book finds the character 10 years older but not much wiser. He came home a winner. Он вернулся победителем*). Все три структурных типа предложений существуют как в русском, так и в английском языке, но при этом в английском языке осложненное (*semicomposite*) предложение, основанное как на сочинительной, так и на подчинительной связи, характеризуется гораздо большей частотностью, чем в русском, за счет существования таких структур, как сложное дополнение, сложное подлежащее и абсолютные причастные конструкции, что придает английскому языку большую степень компрессии (ср.: *My wife didn't like the Bible out of the house. – Моя жена не любила, когда Библию выносили из дома*).

По характеру (категориальной семантике) подлежащего предложения делятся на определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные [Левицкий, 2003, с. 203]. Все четыре типа предложений присутствуют как в английском, так и в русском языке, но при этом они различаются по своей структуре, что обусловлено обязательным/необязательным характером двусоставности предложения. В английском языке двусоставность носит обязательный характер, а потому подлежащее присутствует во всех типах предложений, отличаясь по своей семантике. Прототипическим является **определенно-личное предложение**, в котором подлежащее называет определенное лицо, предмет, явление или группу лиц и явлений (*I am delighted to see you*). В **неопределенно-личных предложениях** субъект либо неизвестен, либо говорящий намеренно не хочет его называть, и подлежащее выражается местоимениями *they, some, somebody* и т. д.:

They say he is getting married. В **обобщенно-личных предложениях** действие относится к широкому кругу лиц, и подлежащее выражается местоимениями *one, we, you, he* в обобщающем значении: *One can never be too careful. He never mistakes who never does anything.* В **безличных предложениях** действие не связано с субъектом, а потому подлежащее носит чисто формальный характер, обусловленный обязательной двусоставностью структуры предложения, и выражается чаще всего местоимением *it*. *It was raining heavily.* В английском языке безличные предложения с формальным подлежащим *it* в основном употребляются для описания темпоральных, пространственных отношений, погодных и природных условий, например: *It's midnight. It's a long way from here to the sea. It's winter.*

В русском языке двусоставность не носит обязательный характер, а потому определенно-личные предложения всегда являются двусоставными, а остальные три типа могут быть односоставными, например: *Говорят, что он уезжает. Цыплят по осени считают. Светает.* При этом не может не обращать на себя внимание широкое использование бессубъектных предложений в русской речи, передающих широкий круг значений, таких, как погодные, природные условия, пространственные и темпоральные отношения (*Холодает. Уже поздно*), физиологические и психоэмотивные состояния (*Меня знобит. Мне что-то не работается*), модально-потенциальные значения (*Нас не догнать. Нам не жить друг без друга*), ментальные (*Его вдруг осенило*) и т. д. (подробнее см. [Недялков, 2005, с. 233–243]).

Как отмечают исследователи, широта семантического пространства, покрываемого безличными предложениями, в которых общим смысловым признаком выступает устраненность из смысла высказывания представления об активно действующем субъекте, является характерной чертой русского синтаксиса, в которой находит свое отражение такая черта русского национального характера, как неконтролируемость чувств, зависимость от внешних, неподконтрольных сил, от судьбы [Wierzbicka, 1992, p. 71, 72].

Необходимо отметить, что подобная трактовка рассматриваемых конструкций и их интерпретация с позиций этноспецифичности сознания и ее отражения в синтаксисе имеет немало оппонентов, считающих, что на становление безличных конструкций в русском языке решающее влияние оказали чисто внутриязыковые, а не культурологические факторы. Оппоненты данного подхода выдвигают тезис о том, что «нельзя судить о синтаксисе одного языка с точки зрения синтаксиса другого языка, не учитывая происходивших в них исторических

процессов» [Копров, 2005, с. 80, 81]. Данный тезис представляется нам достаточно спорным на том основании, что на исторические процессы, происходившие и происходящие в языке, могут оказывать влияние не только внутриязыковые факторы, но и эволюция сознания, которое всегда этнически специфично, что и дает нам основания разделять точку зрения тех исследователей, которые справедливо считают, что то, как мы говорим, отражает то, как мы думаем (*the way we speak reflects the way we think*). Нам трудно согласиться и со следующим утверждением: «Современный английский язык, потеряв в ходе креолизации категорию личности/безличности (как и многие другие категории) и став по своей типологии тотально подлежащим, просто не предоставляет говорящему возможности выбора подобных вариантных форм для выражения тонких семантических оттенков» [Копров, 2010, с. 127]. Мы считаем, что в любом языке всегда имеется достаточно средств, чтобы на нем можно было «все сказать», т. е. выразить тончайшие оттенки мысли.

Третий тип классификаций предложения связан с характером сказуемого как структурно-семантического центра предложения, о чем мы уже говорили при анализе глагола. Существует множество классификаций структурно-семантических моделей предложения на материале разных языков, при этом число таких моделей варьируется у разных авторов (подробнее см. [Копров, 2010, с. 5–22; Левицкий, 2003, с. 183–188]. Наиболее полной представляется классификация, основанная на валентностных особенностях глагола-сказуемого [Ковалева, 2008, с. 22–28]. Вместе с тем, следует отметить, что само понятие валентности, первоначально определяемое как синтаксическое свойство глагола, по мере развития семантического синтаксиса, стало трактоваться как феномен семантический, что привело к разграничению двух типов валентности формально языковой, относящейся к конкретному языку и содержательной (т. е. семантической) валентности, имеющей универсальный характер [Кацнельсон, 2001, с. 124]. Последовательное разграничение синтаксического и семантического аспектов предложения в работах Л. Теньера привело к дифференциации членов предложения как компонентов синтаксической структуры предложения, и актантов и сирконстантов как компонентов семантической структуры предложения [Теньер, 1988], которые могут находиться как в отношениях симметрии, так и в отношениях асимметрии с синтаксическими компонентами предложения. В результате переосмысления сущности валентности классификации предложений стали ориентироваться прежде всего на семантический характер синтаксических структур [Ковалева, 2008, с. 28–30].

В когнитивно-ориентированных исследованиях понятие семантической структуры предложения сегодня соотносится с понятием когнитивной модели как той ментальной структуры, которая лежит в основе построения предложения как синтаксически репрезентируемого концепта. Как пишет Е. С. Кубрякова, когнитивная модель строится как аналог определенного вида деятельности с полной реконструкцией основных компонентов этой деятельности [Кубрякова, 2003, с. 443]. Рассматривая этапы концептуализации окружающего мира и их отражение в языке, И. Ю. Колесов отмечает, что результатом концептуализации мира нашим сознанием являются ментальные репрезентации, которые получают лингво-специфическую «обработку и упаковку», находящую репрезентацию в семантическом и синтаксическом выражении в лексиконе языка и его грамматическом строе, а также в процессе использования языка – в моделях развертывания высказывания и текста [Колесов, 2016, с. 30].

Экстраполируя это общее положение на уровень предложения, мы можем утверждать, что ментальные репрезентации (когнитивные модели) и их семантические аналоги (семантические структуры, или пропозиции), являются в значительной мере едиными для разных языков, т. е. пределы языкового варьирования на этих уровнях минимальны. Различие происходит на этапе «упаковки» смысла (пропозиции) в соответствии с синтаксическими нормами конкретного языка. Эту мысль предельно четко выразил Э. Бенвенист: «Язык воспроизводит мир, но подчиняя его при этом своей собственной организации. <...> Передаваемое содержание (или, если угодно, “мысль”) расчленяется в соответствии с языковой схемой. “Форма” мысли придается ей структурой языка» [Бенвенист, 1974, с. 27].

Даже в одном языке мы можем передать одно и то же содержание с помощью разных синтаксических форм, которые являются разными способами упаковки одного и того же содержания, отличаясь при этом оттенками смысла (*Я не могу уснуть* и *Мне не спится*) или разным фокусом восприятия (*He loaded the hay into a wagon* и *He loaded the wagon with hay*).

Таким образом, именно на уровне вербализации смысла предложения возникают различия, обусловленные спецификой синтаксиса конкретного языка и теми языковыми конвенциями, которые сложились в языке, а также факторами этнокультурного характера. Эти различия могут выявляться как на уровне системы языков, так и на функциональном уровне. Приведем примеры таких различий. Так, сопоставляя предложения *He glared at her* и *Он свирепо посмотрел на*

нее, мы видим, что в их основе лежит единая семантическая структура, которая включает следующие компоненты: действие, агенс, объект и характер действия, и которая, в свою очередь, базируется на единой когнитивной модели, отражающей действие и его участников. Различие в синтаксических структурах английского и русского предложений обусловлены тем, что в английском языке семантический компонент *характер действия* представлен ингерентно в семантике глагола, а в русском – адгерентно, с помощью обстоятельства качественной характеристики действия. Примером межъязыковых различий на уровне функционирования языка может служить тот факт, что предложения акциональной семантики в русском языке обычно содержат глагол, а в английском языке они часто представлены с помощью именной фразы, что отражает тенденцию к номинализации, присущую английскому языку, о чем мы уже неоднократно упоминали. Например: *We were good problem solvers together (D. H. Clark) – Вместе мы хорошо решали проблемы.* Этот фактор следует учитывать при переводе, поскольку он требует изменения синтаксической структуры предложения.

Говоря о факторах этнокультурного характера, находящих отражение в синтаксической структуре предложения, обратимся прежде к сопоставлению предложений с глаголами обладания и бытия, которые, несомненно, относятся к числу базовых синтаксических моделей во всех языках, отличаясь лишь предпочтениями, которые выявляются при сопоставительном анализе. По мнению Э. Фромма, обладание и бытие представляют собой не просто отдельные качества индивида, а два разных вида ориентации и самоориентации в мире, две различные структуры характера, доминирование одной из которых является определяющим для его принадлежности к определенному типу культуры [Фромм, 1998, с. 211].

Из исторического языкознания нам известно, что в древних языках значение обладания выражалось с помощью глаголов бытия, поскольку глаголы со значением обладания, как считает Э. Бенвенист, представляют собой более поздние образования, появившиеся на основе глаголов бытия (*быть у кого-то*) [Бенвенист, 1974, с. 210–213]. И сегодня существуют языки (алтайские, многие африканские языки, а также арабский, венгерский и семитские языки), в которых нет глагола *иметь*, а обладание выражается с помощью глагола *быть*. Так, в африканском языке эве (Того) значение обладания выражается как *быть в руке*, в древнееврейском значение *я имею* передается косвенной формой *это относится ко мне*. Кроме того, средством выражения значения обладания может быть не только глагол, но и специальные частицы и

аффиксы, как это имеет место в тюркских языках (более подробно см. [Бенвенист, 1974, с. 211, 212]).

С появлением глаголов со значением обладания они стали вытеснять глаголы бытия в сфере выражения значения принадлежности, однако в разных языках это происходило в различной степени, что и объясняет различное соотношение между этими глаголами в современных языках. Так, русский язык, по мнению В. Ю. Копрова, эволюционировал в сторону языков бытия [Копров, 2000, с. 135–138], а английский – в сторону языков обладания, что и объясняет различное положение, занимаемое этими глаголами в русском и английском языках.

Сопоставительный анализ предложений с этими двумя базовыми глаголами показывает, что в английском языке доминирующее положение занимают предложения с глаголом *have*, а в русском – с глаголом *быть*.

Как показали исследования Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976; Арутюнова, 2000], специфической особенностью русского языка является тот факт, что русский язык моделирует описание микромира человека по типу описания макромира. Вся сфера описания микромира человека – его предметное, человеческое и ситуативное окружение, его собственность, его физические, психические свойства и состояния, его социальный статус, его поведение, манеры, взгляды, отношения с другими людьми – передаются с помощью бытийных предложений с глаголом *быть*. Например: *Ей было тогда двадцать три года. У нее было прекрасное контральто (К. Паустовский). Ему было смешно, что он так обмяк (В. Набоков). Теперь уже у него королевских замашек не было (В. Катаев).*

Заканчивая описание бытийных предложений, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что их изучение вплотную подводит исследователя к особенностям отраженной в русском языке картине мира, или этнокогнитивной специфике русского языка [Арутюнова, 2000, с. 791]. Эта специфика заключается в том, что данная модель предложений отражает принадлежность исконной русской культуры к культурам бытийного типа: в рамках этой культуры человек воспринимает себя как часть окружающего мира, он не владеет миром, а является его частью.

Следует отметить и тот факт, что изменения в экономическом и политическом устройстве России, переход от общественной к частной собственности в нашей стране не мог не найти отражения в языке. В речи многих представителей нового сословия сегодня все чаще можно услышать *Я имею квартиру (машину, дачу, загородный дом, жену, свой бизнес* и т. д.) вместо традиционного русского *У меня есть*, что

показывает динамичность языкового сознания, с одной стороны, и взаимосвязь этнических и социальных факторов, с другой.

В отличие от русского языка, в английском языке, как и во всех германских и романских языках, сообщения о макромире обычно моделируются по бытийному типу, т. е. с помощью глагола *be*, а сообщения о микромире человека выражаются «по имущественному принципу», т. е. с помощью глагола *have* и его синонимов *own* и *possess*. При этом данные глаголы и их русские эквиваленты различаются своими сочетаемостными характеристиками. Ср.: *Он владеет фабрикой. Он владеет собой. Он хорошо владеет английским. – He owns a factory. He is self-possessed. He has a good command of English.*

Доминирующее положение синтаксической модели предложения с глаголом *have* в системе английского языка находит свое отражение и в том факте, что даже макромир человека, т. е. положение предметов в пространстве также нередко моделируется с помощью глагола *have*. Например: *Bournemouth is a very fine place in a lot of ways. For one thing it has the sea (B. Bryson).* Глагол *have*, будучи широкозначным, может заменять глаголы с более конкретными значениями, как, например, в следующем предложении, где глагол *have* заменяет глагол *know*. *There was no chance she would speak English and he had no Serbo-Croat (F. Forsyth). He had halting English (Idem).*

Это фундаментальное различие необходимо учитывать в процессах перевода, так как оно требует регулярной замены моделей предложения: при переводе с английского языка на русский модель с глаголом *have* заменяется моделью с глаголом бытия или местонахождения, а при переводе с русского языка на английский глаголы бытия и местонахождения, как правило, заменяются глаголами со значением обладания. Приведем несколько примеров.

“It would be very good to have someone, a woman”, he thought, watching the smoke from his cigarette blow out over the pond (R. J. Waller) – «Хорошо бы рядом кто-нибудь был. Женщина», – подумал он, глядя, как дым от сигареты медленно плывет над прудом (перевод Е. Богданова).

У нее был ясный ум и легкий характер (Б. Пастернак) – She had a good mind and was easy to get along with (перевод М. Хейворда и М. Харари).

Кроме того, данное фундаментальное различие в выборе модели предложения для представления макро- или микромира человека оказывает сильное интерферирующее воздействие при обучении русскому или английскому как иностранному языку. Так, в русской речи англоязычных студентов можно часто услышать такие предложения, как *Я не имею времени, Я имею несколько вопросов* и т. д., которые,

хотя и понятны слушателю, но не являются абсолютно аутентичными для русского языка. Даже в тех случаях, когда англоязычные студенты усваивают необходимость кодирования на русском языке событий микромира с помощью бытийной модели, наиболее сложным для них является дифференциация случаев возможности/невозможности опущения глагола *быть*, а потому частотны высказывания типа **У меня есть насморк (температура)*. В практике преподавания русского языка как иностранного необходимо прогнозировать вероятность появления таких ошибок, обусловленных этнокогнитивной спецификой языков.

Коммуникативный (прагматический) аспект предложения включает в себя выделение разных коммуникативных типов предложений на основе выполняемой ими коммуникативной функции, а также актуальное, или коммуникативное членение предложения.

В зависимости от выполняемой ими коммуникативной функции – сообщения об информации, запроса об информации и побуждения к действию – выделяется три коммуникативных типа: повествовательное, вопросительное и побудительное. Восклицательные предложения не образуют отдельный коммуникативный тип, поскольку они не актуализируют коммуникативное намерение говорящего, а отражают его эмоциональное состояние, и каждый из трех коммуникативных типов предложения может быть восклицательным, о чем свидетельствует наличие двух знаков – вопросительного и восклицательного в конце таких предложений: *Как вы могли так поступить?! How dare you behave like this?!*

Как известно, средствами, отличающими один коммуникативный тип предложения от другого, являются интонация, порядок слов, вопросительные слова. В английском языке изменение коммуникативного типа предложения влечет за собой трансформацию его синтаксической структуры, (в русском это происходит только в случае побудительного предложения), что показывает тесную связь коммуникативного и синтаксического аспектов предложения. В этой связи Д. Болинджер высказывает следующее предположение: *“Grammatical functions probably started as social functions thousands of years ago. ... As societies grew more and more complex the simple social functions became diversified and the old forms had to be adapted to new purposes. So we have questions that do not really ask, statements that do not really assert, imperatives that do not really command, etc.”* [Bolinger, 1975, p. 157]. Автор, в сущности, говорит об употреблении предложений разных коммуникативных типов во вторичных коммуникативных функциях, что имеет место во всех языках. Как мы уже отмечали,

специфической особенностью англоязычной коммуникации является высокая частотность употребления вопросительных предложений в сфере выражения побуждения, что обусловлено фактором вежливости, являющимся основным регулятором коммуникации. Ср.: *Why don't we have a short break? I was wondering if we could go out some day.*

По сути дела, изучение вопроса о вторичных коммуникативных функциях коммуникативных типов предложения выводит нас в область теории речевых актов, которая является ядром прагматики. На это указывала еще в 70-е годы прошлого века О. С. Ахманова, подчеркивая тот факт, что в основе строения любого речевого акта лежит определенный коммуникативный тип предложения. Сегодня эта органическая связь теории речевых актов с грамматикой находит свое отражение в том, что грамматическая теория приобретает все более и более дискурсивный характер, а основная цель анализа грамматических структур состоит не в их каталогизации, а в стремлении понять, как эти структуры функционируют в коммуникации и чем определяется их выбор [Biber et al, 1999, с. 4, 50].

Употребление предложения в конкретной ситуации общения превращает его в единицу коммуникации, и при этом на первое место выходит вопрос об **актуальном, или коммуникативном, членении предложения**, т. е. о способах подачи наиболее значимой информации в процессе коммуникации. Этот вопрос постоянно находился в фокусе внимания лингвистов, выделявших в предложении, наряду с синтаксическими подлежащим и сказуемым, компоненты, выполнявшие разные роли в передаче информации, которые, в зависимости от направления, в котором работали лингвисты, именовались как логический, психологический, лексический субъект и предикат, топик и коммент, тема и рема. Последние термины – тема и рема – закрепились в метаязыке теории актуального членения, во многом благодаря трудам В. Матезиуса, внесшего весомый вклад в разработку данной теории и показавшего важность теории актуального членения предложения для сопоставительного изучения языков [Матезиус, 1967].

Динамическое единство связи между отдельными предложениями (высказываниями) в потоке речи или в тексте обеспечивается поступательным движением информации. Как отмечает Г. А. Золотова, отдельные предложения как звенья единого целого организуют свои компоненты таким образом, чтобы передаваемая информация развивалась последовательно, от данного, известного (темы) к новому, неизвестному или наиболее значимому (реме), в результате чего компоненты предложения распределяются между этими полюсами, в

чем и состоит суть актуального членения предложения [Золотова и др., 1998, с. 378].

Изучение актуального (коммуникативного) членения предложения в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы подчеркивает антропоцентрическую сущность данной проблемы и выдвигает на первый план вопросы, связанные с передачей информации в процессе коммуникации, оценкой информированности адресата, а также с теми когнитивными механизмами, которые лежат в основе данного феномена [Виноградова, 2016]. Отношения между темой и ремой описываются в когнитивно-ориентированных исследованиях в терминах фигуры/фона, базы/профиля, а в качестве основного когнитивного механизма профилирования/депрофилирования информации чаще всего называется ментальная операция фокусирования/дефокусирования [Ирисханова, 2014, с. 177–214].

Для фокусирования наиболее значимой информации в предложении используются единицы всех уровней языка: логическое ударение, порядок слов, специальные конструкции, вводные слова и словосочетания, усилительные частицы, служебные слова (артикл), а также изменение залоговой формы сказуемого и связанное с этим преобразование синтаксической структуры предложения. Выбор этих способов во многом обусловлен строевыми особенностями конкретного языка.

Универсальным средством ремовыделения в устной речи на любом языке является логическое, или рематическое, ударение. Достаточно универсальный характер носят и такие средства ремовыделения, как использование эллиптического предложения, содержащего лишь пик ремы (*Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо! What is it your want? – The truth!*) усилительных частиц (*Только ты можешь сделать меня счастливым! You and only you can make me happy!*), повторов (*Вперед и только вперед! Faster and faster!*).

В письменной речи невозможность использования логического ударения частично восполняется графическим средством – курсивом, но основная нагрузка падает на синтаксис. В русском языке, благодаря свободному порядку слов, в стилистически нейтральном регистре рематический компонент предложения обычно помещается в конце предложения: *Вчера к нам пришел новый учитель. Новый учитель пришел к нам (только) вчера. Вчера новый учитель пришел (именно) к нам. Новый учитель к нам вчера (наконец, все-таки) пришел.*

В английском языке, в силу фиксированного порядка слов, такое свободное передвижение компонентов предложения, несущих основную

коммуникативную нагрузку, невозможно, а потому язык использует другие средства ремовыражения, такие, как неопределенный артикль (*A new teacher came to us yesterday*), замена сказуемого близким по смыслу глаголом (*Yesterday we had a new teacher*), эмфатическая конструкция (*It's we who had a new teacher. It's yesterday that a new teacher came to us*), эмфатическое *do* (*A new teacher did come to us yesterday*).

Частотными средствами перевода русского рематического подлежащего на английский язык служат конструкция *there is...*, трансформация структуры предложения с заменой подлежащего, а также использование пассивного залога и связанная с этим трансформация предложения с использованием агентивного дополнения. Например: *В углу комнаты стоял большой книжный шкаф. – In the corner of the room there stood a large bookcase. В статье приводятся многочисленные примеры морских метафор. – The article contains numerous examples of sea metaphors. The author gives numerous examples of sea metaphors. Телеграмму принесли на следующий день. – The telegram was delivered the next day. Этот рассказ написал М. Твен, а не О. Генри – This story was written by M. Twain and not by O. Henry.*

В эмоциональной речи при использовании т. н. субъективного порядка слов рема и в русском, и в английском языках может выноситься на первое место в предложении. Различие состоит в том, что в русском языке это не приводит к изменению порядка слов в остальной части предложения, а в английском языке – приводит к т. н. эмфатической инверсии. Ср.: *Никогда больше я туда не поеду! Never will I go there again!*

Наличие существенных различий в способах ремовыделения в английском и русском языках следует учитывать как в практике обучения языку, так и в процессе перевода. Так, например, как показывают наблюдения, в русскоязычной речи американцы и англичане нередко по аналогии с родным языком употребляют эмфатическую конструкцию *Это она, которая мне сказала*, в тех случаях, когда нужно использовать порядок слов или логическое ударение. Различия в средствах выражения компонентов актуального членения требуют особого внимания и при переводе. Одним из важнейших критериев адекватности перевода является сохранение актуального членения предложения языка оригинала, что нередко требует изменения синтаксической структуры предложения. К сожалению, это правило не всегда соблюдается. Например: *В статье анализируются случаи символического использования ряда названий частей тела... *The cases of symbolic usage of names of body parts ... are also analyzed.* Как видим из примера,

при переводе автором было нарушено актуальное членение исходного предложения – рема исходного предложения занимает позицию темы в переводе, что приводит к искажению смысла. Сохранение актуального членения исходного предложения требует в данном случае изменения структуры предложения: *The article (the author) analyzes the cases of symboloc usage of body parts...* Частотность подобных ошибок, например, при переводах аннотаций научных статей на английский язык убеждает в том, что эта переводческая проблема требует особого внимания при обучении переводу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы отмечали в предисловии к данной работе, основные труды в области типологии были написаны в рамках структурной парадигмы лингвистической науки. И хотя основные положения, выработанные в рамках этой парадигмы, не потеряли своей актуальности и сегодня, мы считали целесообразным провести сопоставительный анализ языков с учетом становления новой парадигмы, соблюдая при этом принцип преемственности в развитии лингвистики и используя тот огромный арсенал фактов, который был накоплен в сравнительной типологии благодаря трудам многих отечественных и зарубежных типологов.

Мы ставили своей задачей посмотреть как на сходство, так и на различия английского и русского языков «глазами новых концепций» и осуществить сопоставительный анализ с позиций когнитивного и этнолингвистического подходов, что позволило бы выявить глубинные причины как сходства, так и различий и установить факторы как внутриязыкового, так и этнокультурного характера, обуславливающие эти различия, что должно способствовать повышению экспланаторного потенциала сравнительной типологии. Последовательное применение когнитивного подхода к анализу было направлено в большей мере на выявление глубинных оснований языкового сходства, что позволяет показать универсальную природу языка и общность когнитивных способностей человека. При рассмотрении фактов языкового варьирования мы пытались выявить те этнокультурные факторы, к которым относятся особенности мировосприятия, национального характера, социально-исторического контекста, которые нашли свое отражение в языке.

В заключение еще раз подчеркнем, что для успешного овладения другим языком важно не только знание различий между языками, но и развитие когнитивной и языковой эмпатии, т. е. умения взглянуть на мир глазами носителя изучаемого языка и вербализовать это умение в своей иноязычной речевой деятельности, что позволит нам успешно осуществлять коммуникацию «поверх границ культур», а также применять это умение в практике обучения английскому языку или в своей переводческой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В. Г. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении / В. Г. Адмони // Филологические науки. – 1961. – № 3. – С. 3–15.
2. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Москва : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. – 392 с.
3. Ажеж, К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж ; пер. с фр. Б. П. Нарумова. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
4. Анохина, М. А. Элементы инкорпорации в системе английского глагола : монография / М. А. Анохина. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – 160 с.
5. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – Ленинград : Просвещение, 1979. – 259 с.
6. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб пособие для пед. вузов / В. Д. Аракин ; под ред. М. Д. Резецовой. – 4-е изд. – Москва : Физматлит, 2010. – 232 с.
7. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа, 1973. – 303 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова ; АН СССР ; Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
10. Афанасьева, О. В. Имена прилагательные в системе кардинальных частей речи английского языка / О. В. Афанасьева. – Москва : Прометей, 1992. – 94 с.
11. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Иностранная литература, 1955. – 416 с.
12. Бархударов, Л. С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений / Л. С. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 89–100.

13. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – Москва : Высшая школа, 1966. – 200 с.
14. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : ЛКИ, 2010. – 240 с.
15. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 179 с.
16. Беляевская, Е. Г. Культурологическая информация в семантике языковых единиц / Е. Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 44–50.
17. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1974. – 447 с.
18. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 2002. – 160 с.
19. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – Москва : Прогресс, 1968. – 606 с.
20. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 204 с.
21. Болдырев, Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Вып. VII. Типы категорий в языке. – Москва ; Тамбов, 2010. – С. 45–60.
22. Болдырев, Н. Н. Категории как формы репрезентации знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 16–40.
23. Болдырев, Н. Н. Когнитивная природа языка : сборник статей / Н. Н. Болдырев. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 256 с.
24. Бондарко, А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20–35.
25. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.

26. Братко, А. А. Информация и психика / А. А. Братко, А. Н. Кочергин. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1977. – 183 с.
27. Валгина, Н. С. Современный русский язык : учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, Н. И. Фомина ; под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Логос, 2002. – 528 с.
28. Виноградов, В. А. Классификационные типы в движении / В. А. Виноградов // Res Linguistica : сборник статей к 60-летию профессора В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1999. – С. 420–423.
29. Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – Москва : Наука, 1975. – С. 254–295.
30. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1972. – 614 с.
31. Виноградова, С. Г. Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. Г. Виноградова. – Тамбов, 2016. – 40 с.
32. Воркачѳв, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачѳв. – Москва : Гнозис, 2004. – 192 с.
33. Воронцова, Г. Н. Очерки по грамматике английского языка / Г. Н. Воронцова. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. – 399 с.
34. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного / Г. Гадамер. – Москва : Искусство, 1991. – 368 с.
35. Гак, В. Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1979. – № 3. – С. 3–11.
36. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1989б. – С. 5–17.
37. Гак, В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Г. Гак. – Москва : 1968. – 55 с.

38. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Москва : Просвещение, 1989а. – 288 с.
39. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – Москва : Наука, 2000. – С. 54–68.
40. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва : Советский писатель, 1988. – 233 с.
41. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 1998. – 256 с.
42. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1970. – 768 с.
43. Гринберг, Дж. Антропологическая лингвистика. Вводный курс ; пер. с англ. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
44. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Вып. III. – Москва : Прогресс, 1963. – С. 60–94.
45. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем., ред. и предисл. д-ра филол. наук, проф. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 400 с.
46. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка / В. В. Гуревич // Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие. – 2-е изд. – Москва : Флинта ; Наука, 2004. – 168 с.
47. Гуреев, В. А. Естественные концепты и части речи / В. А. Гуреев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4 (41). – С. 92–96.
48. Дежё, Л. Некоторые замечания о роли приложения типологии к контрастивной лингвистике / Л. Дежё // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 179–186.
49. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
50. Демьянков, В. З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика /

- В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 32–47.
51. Джioева, А. А. Английская номинативность как способ репрезентации мира в языке / А. А. Джioева // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц : сборник статей к юбилею проф. М. Я. Блоха. – Барнаул ; Москва : БГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 89–97.
 52. Джioева, А. А. Синтаксизация имени и номинативность английского языка / А. А. Джioева. – Москва : МГУ, 1995. – 247 с.
 53. Добричев, С. А. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней : монография / С. А. Добричев, Л. А. Козлова, Т. Г. Пшёнкина. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 243 с.
 54. Долинина, И. Б. Синтаксически значимые категории английского глагола / И. Б. Долинина. – Ленинград : Наука, 1989. – 216 с.
 55. Дурст-Андерсен, П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы / П. В. Дурст-Андерсен // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 30–42.
 56. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ильиша. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 400 с.
 57. Жирмунский, В. М. О природе частей речи и их классификации / В. М. Жирмунский // Вопросы теории частей речи. – Ленинград, 1968. – С. 7–32.
 58. Зеленецкий, А. А. Сравнительная типология основных европейских языков / А. А. Зеленецкий. – Москва : Академия, 2004. – 252 с.
 59. Зеленецкий, А. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / А. А. Зеленецкий, П. Ф. Монахов. – Москва : Просвещение, 1983. – 240 с.
 60. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – Москва : МГУ, 1998. – 528 с.
 61. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка / Б. А. Ильиш. – 2-е изд. – Ленинград : Просвещение, Ленинградское отделение, 1971. – 366 с.

62. Индейцы аймара: народ, идущий назад в будущее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hasta-pronto.ru/bolivia/aymara/>, свободный. – Загл. с экрана.
63. Ирисханова, О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования / О. К. Ирисханова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – Москва ; Калуга : Эйдос, 2007. – С. 69–80.
64. Ирисханова, О. К. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
65. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
66. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
67. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
68. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1972. – 213 с.
69. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плулган // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : МГУ, 1997. – С. 276–340.
70. Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 720 с.
71. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
72. Ковшова, М. Л. Фразеологизмы как «сжатые» тексты культуры в экспериментальном исследовании / М. Л. Ковшова // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва : ИЯ РАН РосНОУ, 2006. – С. 151.
73. Козлова, Л. А. Когнитивная эмпатия и ее роль в объяснении фактов другого языка / Л. А. Козлова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической

- парадигме исследований : материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике, 20–22 сентября 2017 г. / отв. ред. Н. А. Беседина. – Москва ; Тамбов ; Белгород, 2017. – С. 431–434.
74. Козлова, Л. А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке / Л. А. Козлова : монография. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1997. – 200 с.
75. Козлова, Л. А. Теоретическая грамматика английского языка (на англ. яз.) : учеб. пособие. – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2010. – 249 с.
76. Козлова, Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего : монография / Л. А. Козлова. – 2-е изд., испр. и доп. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – 203 с.
77. Колесов, И. Ю. Образы пространства и их языковая интерпретация / И. Ю. Колесов // Проблемы функционально-когнитивного анализа языка : коллективная монография. – Барнаул, АлтГПУ, 2016. – С. 29–98.
78. Копров, В. Ю. Личность и безличность в лингвокультурологии и грамматике разноструктурных языков / В. Ю. Копров // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 79–85.
79. Копров, В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В. Ю. Копров. – Воронеж : Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
80. Копров, В. Ю. Сопоставительная типология предложения / В. Ю. Копров. – Воронеж : ВГУ, 2000. – 191 с.
81. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1996. – 160 с.
82. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. – Казань : Типография Императорского Университета, 1883. – 153 с.
83. Кубрякова, Е. С. Глаголы деятельности через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. – Москва : Индрик, 2003. – С. 439–446.
84. Кубрякова, Е. С. Когнитивный взгляд на систему частей речи / Е. С. Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст. – Москва : Наука, 1996. – С. 218–224.

85. Кубрякова, Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы / Е. С. Кубрякова // Языки и транснациональные проблемы : материалы I Международной научной конференции, 22–24 апреля 2004 года. – Москва ; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Д. Державина. – Т. I. – С. 8–16.
86. Кубрякова, Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования / Е. С. Кубрякова // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – Москва : Наука, 1966. – С. 74–113.
87. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
88. Кустова, Г. И. Падеж [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова // Русская корпусная грамматика: сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://rusgram.ru/>. – Загл. с экрана.
89. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 258 с.
90. Левицкий, Ю. А. Основы теории синтаксиса : учеб. пособие по спецкурсу / Ю. А. Левицкий. – Пермь : Пермский ун-т, 2003. – 419 с.
91. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 280–287.
92. Ломтев, Т. П. Типология языков как учение о классах и типах языков / Т. П. Ломтев // Лингвистическая типология и восточные языки. – Москва, 1965. – С. 39–47.
93. Маслов, Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю. С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – С. 4–44.
94. Матезиус, В. О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) / В. Матезиус // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 18–26.

95. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения. Основная функция порядка слов в чешском языке / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 246–266.
96. Медведева, Л. М. Части речи и залог / Л. М. Медведева. – Киев : Вища школа, 1983. – 145 с.
97. Мешков, О. Д. Словоупотребление в современном английском языке / О. Д. Мешков. – Москва : Высшая школа, 1985. – 187 с.
98. Мещанинов, И. И. Типологические сопоставления и типология систем / И. И. Мещанинов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1958. – № 3. – С. 3–13.
99. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов – Ленинград : Наука, 1978. – 387 с.
100. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
101. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. – Москва : Наука, 1974. – 272 с.
102. Недряков, И. В. Английские и русские безличные конструкции: центр и периферия / И. В. Недряков // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – С. 233–243.
103. Нелюбин, Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков / Л. Л. Нелюбин. – Москва : Флинта ; Наука, 2012. – 152 с.
104. Немзер, У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики / У. Немзер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 128–143.
105. Никитин, М. В. К таксономии языковых единиц / М. В. Никитин // Проблемы общей и романо-германской семасиологии. – Владимир : Изд-во ВГПИ, 1973. – С. 3–93.
106. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

107. Никитин, М. В. Основы лексической теории значения / М. В. Никитин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 168 с.
108. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с.
109. Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта ; Наука, 2013. – 254 с.
110. Норман, Б. Ю. Основы языкознания / Б. Ю. Норман. – Минск : Белорусский фонд Сороса, 1996. – 207 с.
111. Норман, Б. Ю. Язык – знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Минск : Высшая школа, 1987. – 222 с.
112. Павлов, В. М. Системность языка и полевые объединения грамматических явлений / В. М. Павлов // Взаимодействия языковых единиц различных уровней : межвузовский сборник научных трудов. – Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981. – С. 63–79.
113. Павский, Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Об именах существительных / Г. Павский. – Санкт-Петербург, 1850. – 335 с.
114. Печёный, А. П. Творительный падеж [Электронный ресурс] / А. П. Печёный // Русская корпусная грамматика: сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>. – Загл. с экрана
115. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : 2 ч. – Москва : МГЛУ, 2007. – Ч. 2: Этнопсихолингвистика. – 228 с.
116. Плоткин, В. Я. Строй английского языка : учеб. пособие / В. Я. Плоткин. – Москва : Высшая школа, 1989. – 441 с.
117. Плунгян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – 2-е изд., испр. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
118. Пушина, Н. И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм глагола : монография / Н. И. Пушина. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. – 170 с.
119. Пушина, Н. И. Типы залоговых конструкций неличных форм глагола в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Пушина. – Ленинград, 1981. – 22 с.

120. Пшенкина, Т. Г. Национально-культурная специфика фразеологических единиц / Т. Г. Пшенкина // Формирование социолингвистической компетенции: проблемы и перспективы : материалы международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Барнаул : БГПУ, 1998. – Ч. 2. – С. 65–69.
121. Рассел, Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел. – Москва : Идея-пресс, 1999. – 400 с.
122. Расторгуева, Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка / Т. А. Расторгуева. – Москва : Высшая школа, 1989. – 160 с.
123. Режабек, Е. Я. Культурные границы языкового сознания. О вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры / Е. Я. Режабек // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 28–43.
124. Руденко, Д. И. Имя в парадигме «философии языка» / Д. И. Руденко. – Харьков, 1990. – 299 с.
125. Русская грамматика ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва, 1980. – Т. 1. – 792 с.
126. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Прогресс, 1993. – 656 с.
127. Серебренников, Б. А. О лингвистических универсалиях / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 3–16.
128. Скаличка, В. К вопросу о типологии / В. Скаличка // Вопросы языкознания. – 1966. – № 4. – С. 22–30.
129. Скаличка, В. О современном состоянии типологии / В. Скаличка // Новое в лингвистике. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1963. – Вып. 3. – С. 19–35.
130. Скаличка, В. Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 27–31.
131. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : МГУ, 1956. – 260 с.
132. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий ; под ред. В. В. Пассек. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.

133. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий ; под ред. В. В. Пассека. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.
134. Смирницкий, А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке / А. И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. – 1953. – № 5. – С. 21–31.
135. Степанов, Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
136. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Москва : АСТ ; Восток–Запад, 2007. – 288 с.
137. Структура английского имени существительного / под ред. проф. И. П. Ивановой. – Москва : Высшая школа, 1975. – 168 с.
138. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник МГУ. – Сер. 9: Филология. – 1999. – № 1. – С. 88–115.
139. Творительный падеж [Электронный ресурс] // Русская грамматика : сайт. – Электрон дан. – Режим доступа: www.rusgram.ru. – Загл. с экрана.
140. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и культурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
141. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – Москва : Прогресс, 1988. – 656 с.
142. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – 2-е изд. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 348 с.
143. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : АСТ ; Астрель ; Хранитель, 2007. – 334 с.
144. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – Москва : РГГУ, 2001. – 800 с.
145. Уженцева, А. С. Дискурсная вариативность концепта HAPPINESS (на материале американского религиозного, политического и бытийного типов дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Уженцева. – Барнаул, 2014. – 22 с.

146. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Языки как образ мира. – Москва : ООО «Издательство АКТ»; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2003. – С. 156–201.
147. Успенский, Б. А. Структурная типология языков / Б. А. Успенский. – Москва : Наука, 1965. – 280 с.
148. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1981а. – Вып. 10. – С. 369–495.
149. Филлмор, Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1981б. – Вып. 10. – С. 496–530.
150. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции 1899–1900 гг. / Ф. Ф. Фортунатов. – Москва, 1900. – 260 с.
151. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – Киев : Ника-Центр, 1998. – 400 с.
152. Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГПУ, 1998. – 360 с.
153. Фунтова, И. Л. Сравнительно-сопоставительный анализ произношения гласных и согласных звуков и мест словесных ударений в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / И. Л. Фунтова. – Москва, 2005. – 220 с.
154. Фурс, Л. А. Концептуальные аспекты синтаксиса / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллективная монография – Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Д. Державина, 2009. – С. 278–302.
155. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты / Л. А. Фурс. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – 166 с.
156. Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Хайруллин. – Москва : МГЛУ, 1995. – 41 с.
157. Химик, В. Русские субъективно-оценочные дериваты и их семантический потенциал / В. Химик // Język Człowiek Dyskurs. – Szczecin, 2007. – С. 325–332.
158. Холодович, В. В. Залог. Определение. Исчисление / В. В. Холодович // Проблемы грамматической теории. – Ленинград : Наука, 1979. – С. 277–292.

159. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф ; пер. с англ. Г. С. Щура ; послесл. С. Д. Кацнельсона. – Москва : Прогресс, 1975. – 432 с.
160. Шаламов, Ю. В. Очерки по типологии грамматических категорий имени существительного и глагола русского и английского языков : учеб. пособие / Ю. В. Шаламов. – Ижевск, 1987. – 126 с.
161. Шапошникова, И. В. Этнолингвистический анализ текста в курсе истории английского языка : учеб. пособие / И. В. Шапошникова. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. – 253 с.
162. Шарандин, А. Л. Категория рода существительных в аспекте теорий концептуализации и категоризации / А. Л. Шарандин // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований. – Москва ; Тамбов ; Белгород, 2017. – С. 446–448.
163. Швейцер, А. Д. Буквальный перевод и интерференция / А. Д. Швейцер // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. – Москва : Институт языкознания РАН, 1996. – С. 22–34.
164. Щерба, Л. В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1974. – С. 338–344.
165. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – Москва, 1972. – С. 95–113.
166. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая ; отв. ред. Е. В. Красильникова. – Москва : Индрик, 2001. – 504 с.
167. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика. – Москва : Наука, 1981. – 111 с.
168. Aijmer, K. I think: An English Modal Particle / K. Aijmer // Modality in the Germanic Languages: proceedings of the IX International Symposium on Language. – Berlin, 1997. – P. 1–48.
169. Berk, L. M. English Syntax. From Word to Discourse / L. M. Berk. – Oxford University Press, 1999. – 315 p.
170. Biber, D. Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, J. Leech etc. – London : Longman, 1999. – 1204 p.

171. Bolinger, D. *Aspects of Language* / D. Bolinger. – 2-nd ed. – New York ; Chicago ; San Francisco ; Atlanta : Harcourt Brace Jovanovich, Inc, 1975. – 682 p.
172. Bybee, J. L. *Modality in Grammar and Discourse. An Introductory essay* / J. L. Bybee, S. Fleischman // *Modality in Grammar and Discourse*. (eds.). – John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 1–14.
173. Chafe, W. *Discourse, Consciousness, and Time* / W. Chafe. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. – 327 p.
174. Comrie, B. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems* / B. Comrie. – Cambridge University Press, 1976. – 142 p.
175. Comrie, B. *Tense* / B. Comrie. – Cambridge University Press, 1985. – 139 p.
176. Dixon, R. M. W. *A New Approach to English Grammar, on Semantic Principles* / R. M. W. Dixon. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1991. – 398 p.
177. *Ethnoyntax. Explorations in Grammar and Culture*. – Oxford University Press, 2004. – 384 p.
178. Everett, D. L. *Language. The Cultural Tool* / D. L. Everett. – New York : Vintage Books. – 351 p.
179. Gisborne, N. *Dynamic Modality [Electronic resource]* / N. Gisborne. – URL: www.skase.sk/Volumes/JTL09/pdf_doc. – Title from screen.
180. Givon, T. *Functionalism and Grammar* / T. Givon. – Amsterdam ; Philadelphia, 1995. – 486 p.
181. Greenberg, J. H. *Memorandum Concerning Language Universals* / J. H. Greenberg, C. Osgood, J. Jenkins // *Universals of Language*. – Cambridge, Mass. : The M.I.T. Press, 1963. – P. 255–264.
182. Grimshaw, J. *Argument Structure* / J. Grimshaw. – Michigan : MIT Press, 1990 – 216 p.
183. Griéger, P. *La caractérologie ethnique. Approche et compréhension des peuples* / P. Griéger. – Paris : Presses universitaires de France, 1961. – 319 p.
184. Hockett, C. F. *The Problem of Universals in Language* / C. F. Hockett // *Universals of Language* ; ed. J. H. Greenberg. – Cambridge, Mass. : The M.I.T. Press. – 1963. – P. 1–22.

185. Holmes, J. Expressing Doubt and Certainty in English / J. Holmes // *RELC Journal*. – 1982. – # 13 (2). – P. 9–29.
186. Hopkins, W. The Acquisition of Foreign Languages as a National Priority for America W. Hopkins // *Foreign Language Annals*. – 1992. – # 2. – P. 147–154.
187. Jackendoff, R. *Patterns in the Mind* / R. Jackendoff. – New York : Basic Books, 1994. – 256 p.
188. Jacobs, B. *English Syntax. A Grammar for English Language Professionals* / B. Jacobs. – Oxford, 1995. – 392 p.
189. Jiang, N. Cross-Language Priming Asymmetries in Lexical Decision and Episodic Recognition / N. Jiang, K. I. Forster // *Journal of Memory and Language*. – 2001. – # 44 (1). – P. 32–51.
190. Johanson, S. *Frequency Analysis of English Vocabulary and Grammar* / S. Johanson, K. Hofland. – Oxford, 1989. – Vol. I. – 400 p.
191. Kjellmer, G. Why Great: Greatly but not Big: *Bigly. On the Formation of Adverbs in -ly / G. Kjellmer // *Studia Linguistica*. – 1984. – Vol. 32. – # 1. – P. 1–19.
192. Klein, W. *Time in Language* / W. Klein. – London and New York : Routledge, 1994. – 243 p.
193. Kluckhohn, F. *Variations in Value Orientations* / F. Kluckhohn, F. Strodtbeck. – New York : Row, Peterson, 1960. – 340 p.
194. Körtvélyessy, L. *Essentials of Language Typology* [Electronic resource] / L. Körtvélyessy. – Košcike : Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 2017. – URL: <https://unibook.upjs.sk/img/cms/2017/ff/essentials-language-final.pdf>.
195. Langacker, R. W. *Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise* / R. W. Langacker // *Cognitive linguistics: Foundations, Scope and Methodology* ; ed. by Th. Janssen, G. Redeker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 13–59.
196. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.
197. Marchand, H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-formation* / H. Marchand. – Wiesbaden, 1960. – 379 p.
198. Morsberger, R. E. *Commonsense Grammar and Style* / R. E. Morsberger. – New York : Thomas Y. Crowell, 1965. – 350 p.

199. Palmer, F. Mood and Modality / F. Palmer. – Cambridge : CUP, 2001. – 236 p.
200. Pinker, S. The Language Instinct. How the Mind Creates Language / S. Pinker. – New York : Harper Perennial, 1995. – 494 p.
201. Plank, F. THE UNIVERSALS ARCHIVE goes do-it-yourself / F. Plank, T. Mayer // Linguistic Typology. – 2006. – # 10. – P. 457–459.
202. Quirk, R. A Grammar of Contemporary English / R. Quirk, S. Greenbaum, J. Leech etc. – London, 1972. – 922 p.
203. Robins, B. H. Syntactic Analysis / B. H. Robins. RiL, Vol. II. – Chicago, 1966.
204. Ries, J. Was ist ein Satz? / J. Ries. – Praha, 1931.
205. Sapir, E. Language. An Introduction to the Study of Speech / E. Sapir. – New York : Harcourt ; Brace & World, Inc., 1949. – 242 p.
206. Sweet, H. A New English Grammar Logical and Historical / H. Sweet [Electronic resource]. – URL: https://openlibrary.org/books/OL24932469M/A_new_english_grammar. – Title from screen.
207. Ungerer, F. An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H.-J. Schmid. – London ; New York : Longman, 1996. – 306 p.
208. Wetzer, H. Nouniness and Verbiness. A Typological Study of Adjectival Predication / H. Wetzer. – Nijmegen, 1995. – 361 p.
209. Wierzbicka, A. The Semantics of Grammar / A. Wierzbicka. – New York : John Benjamins, 1988. – 617 p.
210. Wierzbicka, A. Semantics, Culture and Cognition / A. Wierzbicka. Oxford : Oxford University Press, 1992. – 487 p.
211. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. – Oxford : OUP, 1997. – 328 p.
212. Wierzbicka, A. English. Meaning and Culture / A. Wierzbicka. – New York, 2006. – 368 p.
213. Zughoul, M. R. Lexical Choice: Towards Writing Problematic Word Lists / M. R. Zughoul // IRAL. – 1991. # 29. – P. 45–59.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» ; под общ. рук. доц. В. В. Акуленко. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 384 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : МГУ, 1997. – 245 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>. – Title from screen.
6. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/refusenik>. – Title from screen.
7. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Surjeet Publications, 4th edition, 1988.
8. The Oxford Concise Dictionary. – 4th edition. – Oxford : OUP, 1967. – 1558 p.

Учебное издание

Любовь Александровна Козлова

**Сравнительная типология
английского и русского языков**

Учебное пособие

Подписано в печать 06.02.2019 г.
Объем 11,3 уч.-изд.л. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Тираж 100 экз. Заказ № 05
Отпечатано в ООО «Колибри»
656043, г. Барнаул, ул. Гоголя, 85 В, офис 1,
т. 8(3852) 639-557